

Олег ХИМАНЫЧ

Мерная миля «Маршала Устинова»: 30 лет – 30 узлов

В 2017-й год Центр судоремонта «Звёздочка» вошёл с новой вехой в своей истории

Мерной милей называют специально оборудованный морской полигон, предназначенный для определения относительных скоростей корабля, мощности и расхода топлива на различных режимах работы его энергетической установки и прочих параметров. Ракетный крейсер «Маршал Устинов» уже бывалый ходок по морям – ему тридцать лет. Однако не так давно он выдал на мерной миле скорость в тридцать узлов. Для несведущих: если «по сухопутному», это 55,6 километра в час. До того, как тридцатилетний корабль столь бодро пробежал, с ним работал коллектив северодвинского Центра судоремонта (ЦС) «Звёздочка». А заголовок этого материала, сам того не подозревая, подсказал генеральный директор Центра Николай Яковлевич Калистратов. Он первым в нашем с ним разговоре заметил совпадение числа 30 в юбилейной дате и в показателе скорости хода. По большому счёту, это, конечно, случайность, но из тех, что радуют...

Александр Сергеевич Никитин – заместитель главного строителя ЦС «Звёздочка» по надводным кораблям. Он от рождения северодвинец, корабелями были и его родители – династия. Никитин пришёл на верфь 1 сентября 1982 года, и что похвально и характерно, точно помнит не только эту этапную дату в своей рабочей биографии, но и номера «заказов», на которых ему довелось работать – 430, 315, 450 Аксон, 382, 398, 650 – это всё подводные лодки. «Маршал Устинов» – первый его надводный корабль. Первый, но зато какой – ракетный крейсер! Северодвинская «Звёздочка» бралась за ремонт и модернизацию надводных кораблей (сторожевики, минные тральщики), но в самом начале своего пути. Из заказов уже этого века крупным стал ракетный эсминец «Бесстрашный». Однако эсминец, хотя и ракетный, рангом всё-таки ниже крейсера.

Александр Сергеевич сразу со мной согласился: «Маршал Устинов» – это значимая веха в истории «Звёздочки». И даже сравнил, разумеется, в определённой степени, приход ракетного крейсера с приходом на «Звёздочку» атомного ледокола «Ленин» в 1967-м, который, став на капитальную модернизацию, для корабелов верфи тоже явился принципиально новым заказом.

«Атланты» созданы для моря

«Маршал Устинов» – советский и российский ракетный крейсер проекта 1164 «Атлант», спроектирован в Северном ПКБ, построен на заводе имени 61 коммунара в Николаеве, входит в состав Северного флота. Назван в честь и память министра обороны, Маршала Советского Союза Дмитрия Фёдоровича Устинова, во времена золотого века северодвинских верфей частого гостя города. К слову, именно Дмитрий Фёдорович в 1983-м в торжественной обстановке прикрепил к Знамени Северодвинска орден Ленина...

Основные параметры корабля: водоизмещение – 11280 тонн,

длина 186,5 метра, ширина 20,8, наибольшая осадка 7,6 метра. Мощность главной энергетической установки порядка 113000 л.с. Крейсер прекрасно оснащён, несёт множество систем вооружения, но главное ударное – шестнадцать крылатых ракет «Базальт». Дальность плавания – 7500 морских миль (13900 километров). Экипаж – от 476 до 510 человек.

Всего строили четыре таких корабля, но построили три, и «Маршал Устинов» стал вторым по счёту. Головным был крейсер «Москва» («Слава»), замкнул тройку «Варяг». Четвёртый – «Украина» в 1993 году, под шумок ельцинского развала, прихватило себе одноимённое государство, но до сих пор не может его ни достроить, ни... продать на сторону.

**Ракетный крейсер «Маршал Устинов» на заводской акватории «Северодвинска»: звучит «Прощание славянки»...
Фото Владимира Ковпака**

СЕВЕРА

01 (107), 2017

издаётся с 1997 года

XX лет
с читателями

**Этнополитический
и литературно-
художественный
журнал**

Учредитель:
редакция газеты «Литературная Россия»

Главный редактор
Вячеслав ОГРЫЗКО

Шеф-редактор
Евгений БОГАЧКОВ

Исполнительный директор
Александр ДОРОФЕЕВ

Редакционный совет:
Еремей АЙПИН (Ханты-Мансийск),
Михаил АНДРЕЕВ (Томск),
Андрей БОРИСОВ (Якутск),
Галина БУТЫРЕВА (Сыктывкар),
Людмила ЕФРЕМОВА (Надым),
Николай КУРИЛОВ (Якутск),
Татьяна МОЛДАНОВА (Ханты-Мансийск),
Анатолий ОМЕЛЬЧУК (Тюмень),
Александр ПИЛЯСОВ (Москва),
Дмитрий ЧЁРНЫЙ (Москва),

Компьютерный набор
Татьяна ЕГОРОВА
Дизайн/Вёрстка
Александр ДОРОФЕЕВ

Обложка:
1 стр. - Российские корабли в Арктике
2 стр. - иллюстрация Геннадия
Павлишина
3 стр. - эмали Андрея Авдеева,
4 стр. - работа Джимми Нельсона.

Подписано в печать
06 февраля 2017 года.

Журнал зарегистрирован в Комитете РФ
по печати. Свидетельство о регистрации
№ 015849 от 14 марта 1997 года.

Тираж 1200 экз.

Адрес редакции:
127051, Москва,
Цветной бульвар, 32, строение 3.

Телефоны: 8 (495) 694-23-24,
8 (495) 694-03-65,
Факс: 8 (495) 694-50-10

E-mail: litrossia@litrossia.ru

Отпечатано
в ППП «Типография «Наука»,
121099, Москва, Шубинский переулок, 6
Тел./факс: 8(495) 554-21-86, 554-25-97,
974-69-76.

Заказ № 236к

*Нет! Не ездите на Русский Север, не губите себя!
Всю жизнь тогда не будет он давать покоя,
всю жизнь будет то слабо,
то звонко манить к себе,
всю жизнь будет
видеться вам...*

Писатель
Юрий Казаков
(1927-1982)

Содержание:

01 АНДРЕЕВСКИЙ ФЛАГ

Олег ХИМАНЫЧ.
Мерная миля «Маршала
Устинова»: 30 лет — 30 узлов

05 РУССКАЯ ПРОВИНЦИЯ

Кир ШУРОВ.
На Севере дальнем

08 ВСТРЕЧЬ СОЛНЦУ

Иван МЕДВЕДЕВ.
Тайна острова Якоби

10 МОЁ ОТКРЫТИЕ ЧУКОТКИ

Борис САВЧЕНКО.
На Диком мысе

17 ИЗ ЗАПИСОК

БЫВАЛОГО
ПОЛЯРНИКА
Сергей СПИРИН.
Не бойся, Михальч...

19 ОТПОР

ФАЛЬСИФИКАТОРАМ
Пётр ЦЫБУЛЬКИН.
История без искажений

24 ЗАГАДКИ СИБИРИ

Варвара КОРЯКИНА.
Тайны затерянного города

26 ПРОЗА

Людмила КОЖЕВНИКОВА.
Проводник

32 ПОДВИГ ПИСАТЕЛЯ

Константин ЕРОФЕЕВ.
Самый весёлый человек
Финляндии

36 КАК ЭТО БЫЛО

Николай НИКИТИН.
Как Камчатка стала
русской землёй

42 ШАГИ ВЕЛИКОЙ ПОБЕДЫ

Вадим КУЛИНЧЕНКО.
Подвиг линкора «Архангельск»

46 РУССКИЕ СУДЬБЫ

Валентина ЧИСТЯКОВА.
Север в моей судьбе

47 ДРАМА

Виктор ЕЛИСЕЕВ.
Один на один с океаном

50 ПУТЕШЕСТВИЯ

Жанна ГЕРМАНОВИЧ.
С востока на запад

52 ЖИВУТ СКАЗАНИЯ

Андрей и Павел ГАГАЕВЫ.
Философия жизни

74 ИДИ И СМОТРИ

Ника СЕМЕНЮК.
Чья это Территория

76 ВЕРНИСАЖ

Алина ЧАДАЕВА.
Амурские волны

80 НАШ ПРОЕКТ

Мы — один мир

Торжественная церемония награждения Северодвинска орденом В.И. Ленина, 1983 год. Орден к Знамени города прикрепил Дмитрий Фёдорович Устинов. Фото из архива Олега Химаныча

«Маршал Устинов» вошёл в состав российского флота 15 сентября 1986-го. Дальше – служба в составе Северного флота: средиземки и походы в Атлантике. В годы, когда «миротворец Обама» ещё не маячил на политическом горизонте, корабль с дружескими визитами дважды посещал США и один раз Канаду. Позже был у корабля плановый ремонт на «Северной верфи» Петербурга, а затем снова служба в океанах.

Солидный запас прочности

На северодвинскую «Звёздочку» крейсер прибыл в июне

Заместитель генерального директора ЦС «Звёздочка» Александр Никитин определил модернизацию «Маршала Устинова», как значительную, расширившую его боевые возможности. Фото Владимира Ковпака

«Маршал Устинов» вошёл в состав российского флота 15 сентября 1986-го. Дальше – служба в составе Северного флота: средиземки и походы в Атлантике. В годы, когда «миротворец Обама» ещё не маячил на политическом горизонте, корабль с дружескими визитами дважды посещал США и один раз Канаду. Позже был у корабля плановый ремонт на «Северной верфи» Петербурга, а затем снова служба в океанах.

Особый разговор о новой электронно-вычислительной системе ракетного комплекса. Здесь использована новейшая элементная база, она позволит увеличить так называемую «наработку до первого отказа» приборов и оборудования в десять (!) раз. Солидный запас «прочности»!

Всё в этот день было по-флотски «на товсь»: буксиры и швартовые команды... Фото Владимира Ковпака

2011 года. По обыкновению объём обновления кораблей определяют таким понятием, как «ремонт»: текущий, средний, капитальный... В отношении «Маршала Устинова» правильно сказать – «восстановление технической готовности с отдельными модернизационными работами». То есть, явно выше понятия «текущий ремонт» и лишь немного не дотягивает до понятия «средний». Модернизацию корабля Александр Никитин определил, как «значительную, расширившую его боевые возможности». Речь, прежде всего, об его радиоэлектронном вооружении, которое обновили полностью! Одна лишь деталь: по изначальному проекту в корабельные трассы «Маршала Устинова» заложили порядка 1000 километров кабеля, из них сегодня обновлены – 500 километров. Плюс – новые системы, аппаратура, приборы...

В целом «восстановление технической готовности» оказалось делом непростым. По объективной причине. Корабль пришёл на «Звёздочку», а разработчики проекта из Северного ПКБ предоставили заводчанам практически только чертежи – изначальный материал, в который корректура не вносилась тридцать лет. Поэтому в ходе модернизации северодвинским специалистам пришлось, если не доработать, то переработать огромный объём документации. А ещё и организовать кооперацию с коллегами Дальнего Востока и Чёрного моря, которые накопили, хотя и небольшой, но важный опыт по текущему ремонту однотипных «Варяга» и «Москвы».

Главную энергетическую установку, комплекс автоматики управления ею для «Маршала Устинова» поставил в своё время николаевский завод «Зоря-Машпроект». Но теперь, как знаем, верховные штурманы Украины круто переложили руль своей страны на West, и мы для них уже не друзья. Что ж, проблему Россия решила сама, и в числе главных действующих лиц этого «импортозамещения» – корабель «Звёздочки».

И долгих лет службы

Стандарты долголетия у кораблей сложное понятие (тем паче, разнится оно у надводных кораблей и подводок, а последними много лет и занималась «Звёздочка». – Прим. О.Х.). Если по «американским меркам», то крейсера и линейные

Дмитрий Фёдорович Устинов часто встречался с рабочими стапельно-сдаточного цеха главных северодвинских верфей.

Фото из архива Олега Химаныча

корабли должны служить от тридцати до сорока лет. Правда, их линкоры класса Iowa этот срок перешагнули: начинали на Тихом океане в годы II Мировой войны, а последний раз артиллерия главного калибра такого корабля – Wisconsin (BB64) ударила в войне против Ирака (1991). Однако случай с кораблями класса Iowa всё-таки исключительный.

Так сколько теперь сможет прослужить Отечеству «Маршал Устинов»?

С Николаем Яковлевичем Калистратовым и Александром Сергеевичем Никитиным мы этот условный срок обсуждали. Северный флот, отправив корабль в Северодвинск, намеревался продлить срок его службы на три года. И корабельщики «Звёздочки» теперь гарантируют: «Маршал Устинов» останется в боевых порядках до 2020 года. Хотя это не предел!

Корпус крейсера в порядке, энергетическая установка и механизмы тоже, – уверил Александр Никитин. Другой вопрос – его вооружение – насколько оно будет отвечать требованиям времени? Как известно, не только ракетная отрасль, но и акустика, радиоэлектроника нынче шагают стремительными шагами.

Служить на две «пятёрки»

Очень ценный опыт приобрели северодвинцы при модер-

низации «Маршала Устинова», и потому есть уверенность, в случае необходимости они ещё прибавят крейсеру долгих лет воинской службы. Если же речь зайдёт о смене его ударного ракетного комплекса на более современный, то, пожалуй, возьмутся и за это.

Отдельные слова о братьях «Маршала Устинова» – крейсерах «Москва» и «Варяг». Они слу-

жат, и в дальние походы ходят – в средиземку к Сирии и в Индийский океан. Но передохнуть, обрести новое оружие и доспехи им не помешает. Ожидать ли корабли в Северодвинске? Одно время центральные СМИ сообщали об этом, как о деле решённом. Однако, право, не стоит забегать вперёд, пока не появится в оборонном бюджете России строка о модернизации черноморского и тихоокеанского крейсеров.

Генеральный директор ЦС «Звёздочка» Николай Калистратов напутствует военных моряков.
Фото Владимира Ковпака

В серый оттепельный день 24 декабря «Звёздочка» проводила «Маршала Устинова» к месту базирования. Провожала достойно и, подчеркну, без поднадоевшей уже парадно-чиновной помпы. Всё было по-флотски «на товсь»: буксиры и швартовые команды, строй офицеров на причале и человек сорок заводчан... И, конечно, главным действующим персонажем наверняка

ощущал себя ракетный крейсер – красавец! Ровно и приглушённо рычали его турбины, взмывала в зимнюю высь сизо-бурая дымка, мерно считали круги плоские сети корабельных локаторов, и своими побортно «взлетающими» ракетными шахтами «Маршал Устинов» внушал не страх и трепет, а уважение к собственной силе и к... океану, где ему предстоит служить.

К слову, о предстоящей службе. Генеральный директор ЦС «Звёздочка» Николай Яковлевич Калистратов, напутствуя корабль, удачно подметил: бортовой номер «Маршала Устинова» – 055, а значит, ходить экипажу модернизированного крейсера в отличниках, выполнять боевые задачи даже не на одну «пятёрку», а на две!

Традиционный марш «Прощание славянки» с берега и ответная сирена ракетного крейсера уже с заводской акватории, объётой льдом, звучали столь же оптимистично.

Благодарственное письмо

*Уважаемый
Николай Яковлевич!*

От имени военного совета Северного флота и себя лично хочу поблагодарить вас, а в вашем лице весь многотысячный коллектив центра судоремонта «Звёздочка» за возвращение в боевой состав Военно-морского флота ещё одной боевой единицы – ракетного крейсера «Маршал Устинов».

С получением после ремонта и модернизации обновлённого крейсера «Маршал Устинов» Северный флот значительно увеличивает свой боевой потенциал, который будет использован для решения важных государственных задач.

Прошу передать слова благодарности от моряков-североморцев кораблям центра судоремонта «Звёздочка» за проделанную работу.

*С уважением,
командующий Северным флотом
вице-адмирал Н.А. Евменов*

г. СЕВЕРОДВИНСК

01 / 2017

Кир ШУРОВ

*Утро – начало десятого.
Я сижу за столом. Передо мной
разложены листы черновиков.
Тексты на них многократно
исчерканы, исправлены.
Я переносу их на экран
компьютера, в чистовой вариант.
Но дело застопорилось.
Не нахожу на листах нужное мне
место. С досадой перебираю их.
Нет! «Раззява, – мысленно
обзываю себя, – забыл дома».*

На Севере дальней

А за окном, между тем, занимается ясный, холодный день. Термометр за стеклом застыл на отметке -37. Я на Севере, в Республике Коми, в приполярном городе Печоре. Ранее я прожил здесь с семьёй 30 лет, мотаясь по экспедициям. Потом покинул этот город, уехав в среднюю полосу – на свою малую родину, так сказать, и вот теперь приехал сюда на побывку.

Причина, побудившая нас с женой Натальей на поездку, была серьёзной и необходимой. Дочь моя старшая Ольга с мужем и зятем Евгением получили новую квартиру (по программе переселения из ветхого жилья) и пригласили нас на новоселье. Не поехать мы, конечно, не могли. И тем более, что мне давно хотелось вновь посетить этот город. Город моей юности и становления всей дальнейшей судьбы. Сюда я приехал после службы в армии в далёком 1964 году, за длинным рублём, как тогда говорили. Тут я встретил свою спутницу жизни, здесь родились мои дети (две дочери) и здесь я нашёл хороших людей, приобрёл друзей, с которыми бурил разведочные скважины в тайге и тундре, открывая новые нефтяные месторождения. Тогда мы были полны сил и уверены в будущем. Мы трудились на благо страны социализма, которая казалась несокрушимой. Мы были далеки от большой политики, и не понимали, что существующий строй в стране давно и медленно разлагается. И, конечно, никто из нас и представить не мог, что это закончится таким катаклизмом. Горбачёвско-ельцинский маразм конца восьмидесятых, начала девяностых подвёл черту. Могучий Союз рухнул в одночасье, и всё пошло на слом. И начался всеобщий развал. Геологоразведка стала никому не нужна, экспедиции захирели, зарплату перестали платить. И я в конце концов плюнул на этот бедлам и ушёл на пенсию. Возраст позволял – 50 лет. Пенсию мне (да впрочем и всем таким как я) назначали тогда с потолка. Не учитывая ничего: ни стаж, ни заработки, ни тяжёлые условия труда. А здесь, в средней полосе, при постановке на пенсионный учёт от той северной пенсии ещё толику отщипнули. Думаю, что это на поддержку парламентариев. Они ведь, бедолаги, в нищете прозябают. Как же не помочь. Да и

зачем человеку северная пенсия, если он с севера уехал. А то что прогорбатил там лучшие годы жизни – это не в счёт. Так постановили законодатели.

Собираясь в эту поездку, я намеревался поработать над своей третьей книгой фантастики, которая ещё в черновиках. Две книги уже вышли в местном издательстве, за мои же кровные. Таков наш удел, провинциалов. В центр не пробьёшься. Если нет у тебя мохнатой лапы, никому ты там не нужен. Хорошо, хоть местная типография не отказывает.

Так вот, как уже говорил, дело с книгой не заладилось. И черновики нужные не взял, да ещё и шнур сетевой от компьютера забыл. А аккумулятор он уже выработал. Я три вечера печатал, пока было что. Теперь вот сижу, размышляю. В комнату заглянула жена. «Пошли завтракать. Дочь зовёт». Закрываю компьютер и иду на кухню.

Путь сюда, в Коми край, от моего Поназырева не прост. Нет прямого поезда. Ехать можно через Москву, через Вологду или через Киров. Мы, конечно, выбрали Киров. Короче. Четыре часа езды до Кирова, Ожидания там пять часов, и дальше на поезде «Адлер–Воркута» сутки езды до Печоры. Заказали купейный вагон, и нам не повезло. Оказались только верхние места. Перспектива не очень приятная на сутки. В плацкартном ещё хуже. Также верхние, да ещё и боковые. Берём купейные в надежде, что в вагоне хорошие попутчики уступят одно нижнее место женщине. Да не тут-то было. «Хорошие» попутчики – два молодых толстомордых бугая – не то что место уступить даме, так ещё недовольство нам высказали. Мол, мы их покой нарушили. Они, видите ли, отдыхать легли. Времени, конечно, была полночь, и я за это их намерение ничего возразить не мог, хотя и возмущился на такое хамство. Но не станешь же в вагоне бучу поднимать. А внутри у меня всё кипело. Я мысленно ругал железные дороги, что вот так продают билеты – одним по лучше, другим что останется, чувствуя при этом, что ведь совершенно не прав. Кассиру всё равно, какой билет кому продать. Какой просят, такой она и продаст. Но в общем плане в этом есть

какое-то упущение, недодумка со стороны путей сообщения, и, может, стоит поискать компромисс. Выручил нас проводник, хороший человек кавказской внешности. Посетовав, что пожилым людям дают верхние места, он предложил нам служебное купе. Две нижние полки, и никаких денег с нас за это не взял. Мы благодарны ему.

Печора встретила нас крепким морозом, горящими на вокзальной площади яркими фонарями, отчего чернота ночи, царящая вокруг, казалась ещё черней. Дочь с зятем подхватили наш чемодан и повели к машине, такси. Их тут на площади стояло множество, тихонько гудя моторами и заманивая зелёными огоньками. Сели, поехали. Я приник к стеклу, вглядываясь. Машина шла по знакомым мне местам. По этой улице я ездил и ходил тысячекратно, но сейчас я улицу не узнавал. Повсюду сияли огни реклам и светофоров, светились витрины и вывески магазинов, кафе и прочих торговых точек. «В мою бытность такого не было», – думал я, глядя на проплывающее мимо великолепие. Будто угадав мою мысль, зять Женя сказал. «Город преобразился, похорошел. Сейчас ты тут многому удивишься». «Уж вижу», – говорю. Машина делает поворот, с улицы в переулок, потом ещё поворот, и подъезжает к трём домам, стоящим в каре. «Вот мы и приехали», – говорит Женя.

Поднимаемся по лестнице на третий этаж. Лифта нет. Дом вообще трёхэтажный, новый, сдан в эксплуатацию летом. Женя ключом открывает дверь, заходим в квартиру. Моё лицо сразу обдала волна тепла. Осматриваемся. Квартира добротная, трёхкомнатная. Комнаты большие, отдельные. Прихожая, коридор, кухня. Ванна и туалет тоже разнесены. «А теплота такая везде, – говорю, – даже жарко, а ведь за окнами за минус тридцать». «Ещё и батареи выведены на минимум», – добавляет Женя. Для убедительности трогаю рукой. Регистры тёпленькие, подводящая труба обжигает. «Ничего себе, кочегарят», – думаю. «Магистраль отопления с Печорской ГРЭС идёт», – говорит Женя.

Время однако было уже позднее. Мы приняли душ с дороги, попили чайку с пирожным и отправились спать. Дочь отвела нам комнату, с одним диваном и тумбочкой с телевизором. «Мебель старую не стали брать сюда, а новую ещё не закупили, – объяснила она. – Успеем. Обставили только нашу спальню и кухню. Третья комната тоже пока пуста. Вдруг Настя придет, тогда и мебель купим». Настя – это их дочь, моя внучка. Она живёт в другом городе, в Рязани.

Там работает и пока не замужем, но по слухам собирается. «Куда вам такие хоромы, двоим», – говорю ей. «Так переселяли-то в равнозначную», – отвечает. Вошёл зять Женя, раздвинул диван и сказал. «Если жарко, можно окно приоткрыть». И он чуть отдвинул створку. Так мы с женой и спали на новом диване, и со щелью в окне.

Сегодня оттепель. За окном -28. Мы решили выйти в город. Мне хотелось пройти по улицам, по знакомым местам. Идём. Под ногами скрипит снег. Мороз всё же чувствуется. Пар от дыхания оседает на шерстяном шарфу. Навстречу идут прохожие в шубах, унтах, меховых шапках. Жена моя тоже закуталась в шубу по глаза. Зять с дочерью одеты соответственно, по-северному. А я уж начал коченеть. Хоть на мне и полшубок, но на ногах ботиночки, лишь под названием – зимние. Я купил их в Копенгагене в 2015 году, когда мы с женой ездили туда к младшей дочери. А в Дании, какая зима? Так что ботиночки мои, как говорят, на рыбьем меху. Вот оттуда холод ко мне и подбирается. А у зятя другой обуви для меня, как назло, не нашлось. Однако я креплюсь, виду не подаю. Прошли кинотеатр Горького. На площади перед ним памятник буреветнику революции. Всё так здесь было и раньше, при мне. Рядом располагалась сберкасса, где я всякий раз, уезжая в отпуск, оформлял аккредитивы. Теперь сберкассы нет, на этом месте большой магазин, и кинотеатр преобразился. Видимо, сделан капитальный ремонт. На площади снуют рабочие, визжат электропилы, обрабатывая ледяные глыбы. Дочь сказала, что тут сложат ледяной дворец и поставят ёлку. Время-то предновогоднее. Середина декабря. Дальше вдоль улицы тянутся магазины, какие-то офисы с горящими вывесками. Я только удивляюсь. Даже мороз перестал чувствоваться. Раньше такого не было. Сворачиваем с этой улицы Советской (её так и не переименовали) на другую. Дошли до ресторана «Парма». Его я помню. Он на своём месте. За рестораном тянутся кварталы девятиэтажек, и уходит шоссе на Печорскую ГРЭС. Мы свернули к площади у дома железнодорожников. Он на месте, с белыми колоннами на фасаде. Всё как и в прежние времена. Раньше тут был ещё ресторан «Спутник», хорошо мне знакомый, и считался лучшим в городе. Теперь его нет. Здание было старое, и его снесли. Теперь тут торговые ряды. Идём медленно. Людей здесь немного. Мороз всё же. И вдруг видим: навстречу идёт знакомая нам женщина Мария Васильева. Раньше мы вместе работали в экспедиции. Она нас тоже узнала. Сразу обнимашки, охи, ахи, обмен комплиментами и разговор. И если бы не мороз, наверное, до вечера бы проговорили. Но он подгонял, особенно меня, ноги коченели. Ольга сказала, что автобус идёт, и мы, простившись с Марией, побежали к остановке.

Автобус № 1. Самый длинный маршрут. От жд. вокзала до райбольницы. Автобус маленький, пазик, раньше, помню, ходили «Икарусы». Спрашиваю у дочери. «Отменили, – говорит она, – большие автобусы. В них зимой очень холодно. Пассажиры околевали». И правда. В этом пазике тепло. Жена даже шубу распахнула. Да и я стал согреваться. Людей в салоне немного. День-то рабочий. Пожилая кондукторша с

сумкой на груди сверлит нас глазами. Женя протягивает ей синенькую пятидесятку. Проезд 16 руб. с рыла. Я гляжу в окно. Мелькают знакомые места. Вот военкомат. Здесь остановка. В салон вошла одна женщина, с кружевами инея на воротнике. Автобус ходко покатило дальше. Показалось большое пятиэтажное здание. Это восьмая больница. Тут в далёком 1965 году родилась эта моя дочь Ольга. На остановке вошло несколько пассажиров. Едем дальше. Тянутся кварталы девятиэтажек. Проезжаем остановки «Хлебозавод», «Пятая школа», «Квартал геологов». Тут раньше стоял макет буровой вышки, на углу. Всматриваюсь в стекло. Точно. И сейчас стоит. Проезжаем ещё несколько остановок и выходим на площади Победы. Тут клуб речников, а напротив, через улицу, парк и монумент павшим в Великой войне. Здесь горит вечный огонь. Идём на пристань, в речной порт. Пристань сейчас закрыта. Могучая река Печора скована льдом. На высоком её берегу красуется православный храм, с горящими золотом куполами. В мою бытность его ещё не было. С благоговением осматриваем строение, кладём низкий поклон. Дальше по берегу памятник Русанову в лодке. Мы сворачиваем к кинотеатру «Космос». Напротив него, через улицу, большой рыбный базар. Рыба в основном местная: речная и тундровых озёр. Сиг, чир, зельдь, пыжьян. Сёмга лежит большими красными кусками. Есть и целые рыбины, метровой длины. Тысяча рублей килограмм. И всё это богатство заморожено в ледышку. Тут же воткнуты в снег целые олени туши. Мне хотелось взять хариуса или нельму, но их нет. Покупаем несколько сигов, большого чира и кусок сёмги. Берём и оленину. Пока на базаре суетились, я опять замёрз, руки занемели. Женя вызвал по телефону такси. Через десяток минут машина подкатила. Едем домой.

Вечер. У нас обильный прощальный ужин. Завтра мы уезжаем. Полмесяца пролетели. Мы отдохнули душой, вновь окунулись в Север, почуяли его дыханье. На столе оленина, свиные котлеты, чир и сёмга слабосолёные, варёная картошечка и солёные рыжики. Мы привезли их сюда. Нынче в поназырёвских лесах был большой урожай грибов. Пьём водку. Женя постарался, взял необычную. На этикетках написано. «Водка крайнего севера». «Морошковая» и «Тундра». Особых различий я в них не нашёл, но в общем – обе очень мягкие.

Говорим обо всём. Я высказываю свои впечатления, что город так изменился в лучшую сторону, что хорошую квартиру получили. Жена Наталья поддерживает меня. Дочь Ольга говорит, что уж и не верили, что получат. Сколько ждали. Зять Женя встречается в разговор. «Программа по переселению сдвинулась с мёртвой точки после того, как в Сыктывкаре упырей-ворюг упрятали в кутузку, и у руля Республики встали новые люди». Дочь добавляет. «Многие уже переселились из тех ветхих домов, где мы раньше жили, вы же знаете?» Моя Наталья

кивает головой. Зять говорит. «Вот эти три дома во дворе – все заселены по переселению. Наверное, это заслуга и Сергея Гапликова, руководителя Республики и, конечно, мэра Печоры Андрея Сосноры. Правильно работают мужики». «Иные компенсации получили, и уехали отсюда», – сказала дочь. «Мы с Ольгой уезжать пока не собираемся, – говорит Женя. – Поживём в новом жилище, поработаем ещё. У Ольги работа хорошая, я тоже при деле. Да и что нам, пенсионерам, унывать. Станет совсем плохо, плюнем да тоже уедем. Квартиру продадим».

Он наливает рюмки. Дамы пьют вино, и разговор продолжается. Я спрашиваю, какие тут экспедиции остались? «Ты что! – отвечает он. – Тех экспедиций, где ты работал и я тоже, давно уж нет. Тут теперь то ли филиалы, то ли частные шаражки. Московские ребята одно время крутились, организация «Интегро». Я работал у них бурильщиком. Уговаривали перейти мастером, я не согласился. Ответственности много. Мы бурили наклонные скважины, давали нефть. Потом дела разладились, и я ушёл. Теперь вот в какой-то конторе работаю «Усинскгеология». Тоже ребята залётные, урвать хотят куш. Я бурильщик. У нас все в бригаде такие, как я, пенсионеры, за пятьдесят. Молодые в такие шаражки не идут. Вахтовым методом в Сибирь ездят. Мы здесь так же работаем. Месяц на буровой – месяц дома. Вот вы приехали, а я на выходных. Хорошо». «А перспективы на дальнейшее», – спрашиваю я. «Перспективы – как сказать, – отвечает он. – Слух идёт, что ещё какое-то объединение по бурению скважин тут в Печоре образуется. Это, конечно, обнадёживает. А вот контора наша, видимо, выдыхается. Зарплату стали задерживать, заработки упали. Уж не знаю, кто виноват. Правительство наше в Кремле или мировое сообщество ОПЕК, что постоянно талдычат о сокращении добычи нефти, чтобы цену её на рынке поднять. Им-то что. У них карманы от денег пухнут, а нам, добытчикам, это совсем не выгодно. Зарботки ещё больше упадут. Ведь мы чем больше добудем, тем больше получим. Так что на сокращение добычи мы не согласны. Хотя, кто нас будет спрашивать?» – заканчивает Женя свой рассказ и наливает рюмки.

Засиделись мы допоздна. Жена моя с дочерью ушли глядеть какой-то фильм по телеку, а мы всё сидели и вспоминали прошлое. Ведь когда-то мы работали в одной экспедиции. Он был совсем молодой и не был ещё моим зятем. Но это было давно. Уезжали мы следующим вечером в хорошем настроении. Мы с Натальей стояли у окна в коридоре вагона и с тоской глядели на уплывающие назад городские огни. «Вот и прекрасно, – думал я, – что вновь побывали в городе, который был нам родным долгие годы. И что не так уж всё плохо здесь, на Севере дальнем».

Иван МЕДВЕДЕВ

Одна из самых загадочных историй русских географических открытий произошла во время Великой Северной экспедиции в 1741 году. Два корабля-близнеца, пакетботы «Святой Пётр» и «Святой Павел», под командованием В.И. Беринга и А.И. Чирикова во время путешествия в северной части Тихого океана потеряли в тумане друг друга из вида. Дальнейшее плавание проходило раздельно...

ТАЙНА ОСТРОВА ЯКОБИ

СУРОВЫЙ БЕРЕГ АМЕРИКИ

Алексей Ильич Чириков, один из лучших офицеров русского флота петровской выучки, поплыл на восток – главной целью экспедиции было открытие берегов северо-западной Америки¹. В ночь с 15 на 16 июля на 55° северной широты русские моряки увидели американскую землю, «на которой горы высокие», а у подножия «лес великого роста». Вершины были покрыты вечными снегами, побережье изрезано множеством бухт и заливов. Скалистый и угрюмый берег подавлял своей суровостью.

ЗАГАДОЧНАЯ БУХТА

Не найдя удобной стоянки, «Святой Павел» повернул на северо-запад. Через два дня корабль попал в область

¹ В 1732 г. М.Гвоздев и И.Фёдоров во время плавания в Беринговом проливе видели противоположный Чукотке берег, но не представляли, что это американский материк.

более холодного климата. При дальнейшем продвижении на север природные условия могли осложнить исследования материка, и Чириков принял решение провести разведку открытой земли, пополнить запасы свежей воды и топлива у залива Таканис. К берегу на боте отправились десять вооружённых матросов под командованием флотского мастера Дементьева, «человека разумного, опытного и ревностного к службе отечеству». Капитан вручил ему подробную инструкцию, где были оговорены сигналы оповещения и правила обращения с местными жителями.

18 июля во второй половине дня бот вошёл в неведомый залив и бесследно исчез. Это случилось у небольшого острова Якоби в архипелаге Александра, на 58° северной широты

Чириков полагал, что возвращению бота помешала разыгравшаяся непогода, хотя вызывало тревогу то, что Дементьев не известил о своём прибытии на берег ни

сигнальной ракетой, ни разожжённым костром. Бухту затянуло туманом, непрерывно дул ветер со шквалами, пошёл сильный дождь, на ошетилившийся утёсами берег обрушивалась прибойная волна.

«Святой Павел» в течение пяти суток лавировал у входа в бухту: встать на якорь не позволяли значительные глубины и ненадёжный грунт. День и ночь велось наблюдение в ожидании условленного сигнала. Выстрелы из пушек оставались безответными.

23 июля ветер утих, туман рассеялся, выглянуло солнце. Пакетбот подошёл как можно ближе к берегу, и мореплаватели на месте предполагаемой высадки своих товарищей увидели густой столб дыма. Стали палить из пушек, но бот Дементьева так и не вышел в море. Через несколько часов огонь погас.

АГАЙ! АГАЙ!

Чириков созвал офицерский совет, на котором решили,

**Капитан Алексей Чириков,
ближайший помощник Командора**

что бот, вероятно, повреждён и необходимо послать к берегу шлюпку. Под командой боцмана Савельева на выручку товарищей отправившись ещё три матроса – все добровольцы. Среди них – плотник и конопатчик с инструментами для починки бота. Боцману предписывалось системой сигналов известить капитана о положении на берегу: два костра – если Дементьев и его люди здоровы, три – если бот повреждён и его надо чинить, четыре – если починить «оный» невозможно.

Отправив шлюпку, Чириков, невзирая на опасность наскочить на подводные камни, подвёл корабль ещё ближе к берегу, чтобы Савельеву при необходимости легче было перевозить людей.

Наступала темнота. Все ждали сигналов с берега, но тщетно. Капитан приказал выстрелить из пушки, и «видно было, что на берегу якобы выпалено из ружья, только звука выстрела слышно не было». В ответ на мелькнувшее пламя снова выстрелили из пушки, и опять показался на берегу огонь. В 10 часов вечера на корабле зажгли два сигнальных фонаря и в ответ увидели «на берегу огонь и когда явитца и когда нет».

Команда «Святого Павла» терялась в догадках. Что происходит на американской земле?

На следующий день при ясной солнечной погоде с корабля заметили, как от губы у кромки залива вышли в море две лодки, одна большая, другая поменьше. У Чирикова отлегло от сердца. Он приказал идти им навстречу, полагая, что это возвращаются его люди. Но очень скоро наступило разочарование: лодки были явно местные, с острыми обводами, и сидевшие в них люди работали не вёслами, а гребками. Русским морякам удалось разглядеть в меньшей лодке четырёх человек, поскольку она подошла к кораблю ближе другой. Туземцы внезапно встали и, взмахнув руками, дважды прокричали: «Агай! Агай!»². После чего развернулись и быстро поплыли обратно. Капитан приказал махать в ответ белыми платками и кланяться, приглашая туземцев подъехать ближе, но те на призывы не обратили никакого внимания и скрылись из виду. Погоня вблизи берега при слабом ветре не имела смысла и была очень опасна из-за угрозы напоротся на скалистые клыки подводных скал.

Теперь капитан не сомневался, что с посланными на берег моряками приключилась беда. Он полагал, что туземцы потому не решились подойти близко к кораблю, что «неприятельски поступили с посланными от нас людьми или их побили, или задержали».

Корабль остался без шлюпок, пополнить запасы свежей воды теперь не было никакой возможности, как и продолжать поиски пропавших моряков. Половина команды болела цингой.

В этих условиях на очередном совете капитан принял

решение о возвращении в Петропавловскую гавань на Камчатке. Любая задержка у американских берегов грозила гибелью всему экипажу.

ВОПРОСЫ БЕЗ ОТВЕТОВ

Что же случилось с без вести пропавшими пятнадцатью русскими моряками?

Версия первая.

Погибли в водоворотах, образуемых мощными приливно-отливными течениями. Аналогичный случай в этих местах произошёл в 1786 году с двумя лодками французского мореплавателя Лаперуза.

Версия вторая.

Убиты или захвачены в плен местными индейцами тлинкитами, которые были для этого достаточно воинственны. Возможно, призывом «агай!» индейцы заманивали корабль на подводные камни.

Версия третья.

Потерпели крушение, но часть моряков спаслась и поселилась на материке. В последующие годы при освоении Америки из различных источников поступали сведения о русских поселениях от Аляски до Калифорнии.

Удивительно, но в легендах тлинкитов вообще не сохранилось никаких упоминаний о встрече с моряками Чирикова. Это необычно. Как правило, индейцы из поколения в поколение передавали предания о встречах с белыми людьми на протяжении сотен лет.

Версий больше, чем ответов на вопросы, возникающие в связи с ними. История оставила нам много загадок, которые не спешат сбросить с себя покров тайны и будоражат наше воображение.

² Точнее – агоу. На языке индейцев тлинкитов, населявших эти места, означает: «Иди сюда».

До середины прошлого века среди аборигенов Чукотки, в прибрежных скалистых районах, существовал промысел, давно канувший в Лету — добыча яиц на птичьих базарах. В свои первые командировки на Чукотку в начале 60-х я ещё застал отдельные его проявления, немало меня поразившие. В результате, в 1963 году в Майнопльгино был написан один из первых моих рассказов.

НА ДИКОМ

Борис
САВЧЕНКО

МЫСЕ

От посёлка до Дикого мыса четырнадцать километров. Добраться туда побережьем почти невозможно — прилив сжирает галечный берег до самых стен скалистых сопков. В отлив берегом тоже лучше не ходить. Гуляет по вершинам ветер, сдувая тяжёлую пыль; беспрестанные дожди размывают крутые склоны, стучат по каменным уступам водопады, беспорядочно носятся над обрывами чёрно-белые кайры. Среди птичьего гомона и шума прибоя без труда можно различить другой, дробный шум. Это камнепад, готовый возникнуть в любой миг. Он опаснее даже прилива. С чуть слышным свистом камни падают непрерывно на протяжении многих километров узкого пляжа, и бесполезно угадывать, где ждёт человека случайная, глупая смерть.

Лучше всего идти к Дикому мысу печальной тундрой. Не надо опасливо задира́ть вверх голову и прижиматься к скалам, не надо следить за коварным морем. Ноги в тундре не чувствуют земли, легко скользят по мягкому ягелю. По пути часто попадают болотца, поросшие редкой травкой, но они не представляют опасности. В резиновых сапогах даже приятно слушать причмокивание красноватой жижи. Легко идти тундрой, вольготно, спокойно. Но чтобы добраться до Дикого мыса, нужно знать дорогу, иначе через несколько километров серые волны сопков запутают тебя и поглотят в своих необъятных пространствах. Потеряешь все ориентиры и остановишься в растерянности: сопки покажутся одинаковыми, как близнецы-братья. Можно угадать путь к посёлку или морю по наитию, используя простейшие навыки в определении севера и юга, а можно заблудиться окончательно и идти десятки, если не сотни, километров и не встретить ни одной человеческой души, не увидеть ни одного сизого дымка над ярангой. Лишь по случаю можно заметить вдали пугливого оленя, дикого или отбившегося от стойбища. Лишь изредка можно увидеть замершего на камне суслика-евражку.

Лишь иногда разглядеть в переменчивом небе белую чайку. Только придурковатые кулики на болотцах, знай себе, насвистывают, подпуская человека на считанные шаги. Но всё же лучше идти тундрой. Топографы, или какие другие бывалые люди, позаботились о приметной дороге: на всём протяжении пути через каждые полкилометра на склонах сопков трудолюбиво выложены пирамидки из камней — туры.

За последним на пути перевалом открывается величественный вид на Дикый мыс. Круто, словно гигантский каменный водопад, низвергается он в море. Вершина, как нечто запретное и недоступное, окутана туманом. Поют в распадках ветры, кричат детскими голосами чайки. На Диком мысе птичий базар. Жуткое и потрясающее зрелище. На головокружительной высоте на уступах сидят неподвижно кайры, похожие на маленьких пингвинов. Каждые чуть заметные на скале и пригодные ниша, бугорок, выступ используются птицами для обиталища. А в воздухе — тысячи птиц! Гогочут, пищат, щебечут, о чём-то ругаются или торгуются. Стремительно проносятся чёрные бакланы, краснолапчатые топорки с попугайскими клювами, гаги, выше — словно планеры, парят тяжёлые серые альбатросы. Мечутся птицы, будто места себе не находят, срываются с гнездовищ, ныряют в волны. И много их гибнет на Диком мысе. То сорвётся вниз неокрепший птенец, то море разобьёт о камни совсем взрослую чайку, то камнепад одним махом угробит не один десяток птиц, не разбирая ни возраста, ни вида. Подножие Дикого мыса сплошь усеяно останками птиц, их трупиками или промытыми морем скелетиками.

На последнем перевале хорошо слышен шум птичьего базара. Он действительно напоминает базар в прямом значении этого слова. Кажется, где-то неподалёку говорят, ропщут, спорят люди, прицениваясь к товару, плачут дети, мычит и блеет скотина, скрипят телеги. И трудно избавиться от этого впечатления, если не посмотреть на Дикый мыс, не увидеть полчища птиц.

Одиноко и холодно на Диком мысе. Никого, кроме птиц. Иногда покажется из моря жирная, лоснящаяся нерпа. Отдохнёт, погрееется на прибрежном валуне и снова в воду. Редко бывает здесь человек. Покидая грозный мыс, оставляет после себя потухший костёр, спички, соль, обрывки газет, пустые консервные банки. Что нужно человеку на Диком мысе, зачем он приходит сюда?

Когда-то давно – аборигены помнят – приходили на Дикий мыс геологи. Ничего здесь не нашли и уехали, оставив навсегда это гиблое место. Теперь ходят сюда, да и то не часто, в основном в хорошие дни, кое-кто из поселковых; ходят собирать яйца кайр. Кто для продажи чукчам из стойбищ, кто для себя. Яйцо кайры отличается от куриного разве чуть большей величиной да цветом скорлупы, а если сварить – по вкусу почти один к одному. Чукчи и эскимосы обожают его, считают после юколы и сахара первейшим блюдом.

Узнав об этом, решил промышлять яйцами птиц попавший случайно в тундровые края Федька Плахин, тридцатилетний малый с хитрыми татарскими глазами и узкими, как кисточки, усами, бывший вор, а ныне просто проходимец, человек без всякой работы и жилья. Бежал он из далёкого южного заключения, добыл немного денег, приехал на богатый север отсидеться и подзаработать. Поначалу подался на один из золотых приисков, ходил по ручьям с лотком, а по вечерам подрабатывал на чужих «проходнушках», оставляемых старателями на ночь. Как-то прихватили его старатели на месте: кто-то походя увидел чужой человек промывает коллективный песок. Избили Плахина до полусмерти. Наказали, чтоб духу его не было в тех местах. На том и унёс ноги. Решил Федька призатихнуть до следующего года в каком-нибудь далёком прибрежном посёлке, переждать, заняться рыбой, а тут ещё и про промысел яйцами прослышал кстати.

Удачно, без задержки, добрался Плахин до затерянного на побережье посёлка, где жили русские, чукчи, эскимосы, ламуты. Никто не спросил, что он за человек, откуда родом, зачем приехал. Переночевал Федька в маленькой гостинице на кухне, а утром пошёл в столовую, самое весёлое место в посёлке..

Столовая освещалась тремя тусклыми лампочками, наполнена звоном посуды, дребезжанием подносов; здесь пахнет щами, рыбой. Толпится народ, все друг друга знают, разговаривают, смеются.

В дальнем углу около крошечного буфета, где шла бойкая торговля пивом, увидел Федька Плахин самого что ни на есть настоящего чукчу. Картинно был одет чукча, в пору в музее стоять или веселиться на карнавале. Яркая рубашка подпоясана ремнём из медных блях с тонким рисунком. На плечах накидка из оленьей шкуры, на ногах расшитые многоцветным бисером тёплые мягкие торбаза. Блестящие волосы клоками закрывали морщинистый лоб, опущенные широкие веки скрывают неприметные глаза. Бессмысленно смотрит чукча на кусок кеты в томатном соусе, рука неловко ковыряет вилок. Рядом с

тарелкой лежит чуть ли не полуметровая металлическая трубка, обшитая куском оленьей шкуры.

«Чудной какой-то туземец», – подумал Плахин. Федька взял котлету с картофельным пюре, огурец; подмигнул толстой раздатчице, налил стакан заварки из зелёного чайника. Небрежно рассчитавшись с вертлявой кассиршей, направился к чукче.

Шумно сел за стол. Красивый паренёк, русский, сидевший за этим же столом, вопросительно взглянул на него, но Федька не обратил на это никакого внимания.

Ели молча. Федька с чавканьем, чукча не спеша, без аппетита.

– Звать тебя как? – спросил Плахин, размазывая горчицу на ломтике чёрного хлеба.

Чукча медленно приподнял веки, впился глазами в Федькин рот.

– Э-э?

– Звать, говорю, как?

– Летыкай. Летыкай, – повторил, обнажив свои крупные жёлтые зубы.

– Летыкай, значит. А я Федька. Будем знакомы.

– Ек'каем, ек'каем.

Так они познакомились. Просто, непринуждённо, как знакомятся от скуки, от нечего делать.

– Дорогу на Дикий мыс знаешь?

Красивый паренёк прислушался к их разговору.

– Дикий мыс знай, знай. Страшный мыс.

– Покажешь? – Федька изящно хлестанул замуколенной трёшкой по ладони.

– Ага. Пойдём. Деньги не надо. Завтра можем идти. Я давно не ходил туда. Стареть стал. Охота ещё пойти. Посмотреть.

– Добро. Значит, завтра здесь. Утром приходи.

Федька одним махом глотнул заварку, воровски оглянулся и лисьим шагом пошёл к выходу.

Увязался идти с ними на Дикий мыс и Гриша Макаров, тот самый, что сидел с ними за одним столом, неисправимый романтик и фантазёр. Гриша приехал из областного центра, выклянчив у начальства месячный отпуск. Макарова в городе знали как заядлого кинолюбителя и актёра народного театра на роли романтических героев. Любил Гриша жизнь во всей её красоте и сложности, любил красивых девушек с зовущими, далёкими, как звёзды, глазами, любил танцевать под тревожно-сладкую музыку, но больше жизни, больше всего на свете любил он кино. Любил фанатично, чудаковато, страстно. Давно Гриша купил киноаппарат «Спорт», плёнки, химикаты. Давно снимал собственные фильмы. Сценарии и текст писал тоже сам. Снимал сначала всё подряд: багряное небо при закате и нежно-голубое в сумерки, пушистый снег на деревьях, запруженные людьми улицы города, случайных девушек, знакомых, себя. Потом городские съёмки ему надоели, приелись как-то, потянуло его в светлые дали за горизонтом. Тогда и созрела мысль уехать далеко-далеко, чтобы о нём даже успели забыть, и снять там хороший фильм о мужестве, экзотике, романтике. И понесла его нелёгкая в дальние тундровые края. Шатался он с

киноаппаратом по стойбищам, запечатлевая современных чукчей, кочующие стада оленей. Случайно подслушал он разговор Плахина с Летыкаем, навязался на их голову.

Утром, когда туман ещё не рассеялся и плотным одеялом стелился по тундре, троица вышла из посёлка. Впереди шёл Летыкай, за ним Гриша с выгашенным из футляра «Спортом» и Федька. Мерно звякают у Федьки за спиной ведро, кружка, котелок, лопата без черенка, топор – всё это в рюкзаке – трут его тугие мускулистые плечи. Макаров поверх неразлучного киноаппарата нацепил малокалиберную винтовку, захватил коробок патронов на случай охоты. Шли дня на два, на сегодня и завтра. Поэтому Гриша нёс ещё рюкзак с припасами, что купили сообща на троих.

Проглянуло солнце. Засверкали седые от росы кустики голубики. Завиднелись нежно-оранжевые ягоды морошки. Туман расползлся гигантскими клоками, обнажая яркую голубизну неба.

Летыкай негромко затянул песню, непонятную ни Плахину, ни Грише Макарову. Он пел про щедрое море, которое даёт ему много рыбы, про солнце, что долгими лучами греет северную землю и растит на ней сладкие ягоды. Хорошо на душе Летыкая, легко идти ему, весело петь. Невольно заслушались его хрипловатым голосом Федька Плахин и Гриша Макаров. Но Федька ни на минуту не забывал запоминать дорогу, ведь потом он собирался ходить один на Дикий мыс, никакие провожатые и попутчики ему будут не нужны. Федька Плахин уверен в том, что он и один может заработать много денег, а трудясь в коллективе – ни черта, кукиш с маслом. Увязался ещё этот Гриша, салага тонкорукая, на что он годится – хрен его разберёт. И как он, Федька Плахин, согласился взять его, уму непостижимо. Ну ладно, думал Федька, посмотрим, на что этот гошнотик способен.

А Летыкай всё пел свою непонятную песню. Иногда он оглядывался и подмигивал Грише. Гриша улыбался – ярко, нежно, глаза его лучатся, словно солнечные зайчики. В голове прыгают радостные мысли, в беспорядке перебивают друг друга. Надо же, какая тема, какая исключительная тема для его будущего фильма! Охотники за яйцами кайр! Сколько экзотики и романтики в этом сюжете. Мелькают в воображении кадры будущего фильма: исполинские обрывы, тёмные распадки, море с белыми крапинками чаек, небо, тучи птиц... И люди, мужественные, сильные люди, не знающие усталости и страха перед стихией. Съёмки должны быть невероятные, самые смелые, чтобы там, в городе, знали, как рисковал оператор Гриша Макаров. И название фильма нужно придумать обязательно интригующее; для оригинальности можно будет дать на чукотском языке. Но это потом. Впереди съёмки.

Так шли они, погружённые в свои мысли, трое разных людей, шли на Дикий мыс. Один стремился туда, потому что просто любил свой северный край и давно не был на Диком мысе, другой – разузнать, можно ли там подзаработать, третьего влекла романтика. Солнце грело им спины, в лица дул освежающий ветер, пружинил под ногами олений мох ягель.

На середине пути, когда поднялись на невысокую сопку, они увидели: светлым фиолетовым конусом возвышался мыс над скалистыми обрывами. Его могучие очертания поражали взор даже издали. Летыкай снял шапку и вытер со лба пот, Гриша крикнул «Ура!» и зажужжал киноаппаратом, Федька хищно сверкнул глазами, оглянулся назад. Проделан немалый путь, но впереди ещё километров шесть. Так нечего задерживаться. Вперёд к намеченной цели.

... Лебёдка только называлась лебёдкой, на самом деле она представляла примитивное п-образное сооружение, оставшееся ещё со времён, когда тут было становище геологов. Недалеко от полусгоревшего дома, в двух метрах от края обрыва врыты две стойки из брёвен, между ними вращающийся ворот. Так что новым пришельцам осталась лишь самая малость: прикрепить к вороту лишь принесённую Федькой верёвку, соорудить на другом конце петлю-сидение, подвесить ведро и проверить прочность конструкции.

– Шабаш! – крикнул Федька, когда все манипуляции с подготовкой были закончены, – на сегодня хватит. Стойки прочные, верёвка даже двоих запросто выдержит. Завтра и начнём. Григорий, сообрази ужин.

– Ужин нам не нужен, дорог нам обед, – попробовал пошутить Гриша.

– Хватит трепаться. Жрать охота.

Гриша схватил чайник, побежал в распадок к журчащему ручью.

Плахин оценивающе посмотрел на лебёдку, смачно сплюнул, закурил. Потом перевёл взгляд на Летыкаю. Тот сидел на корточках, смотрел на закат. Красноватое солнце тусклыми бликами играло на его серьгах, сделанных в виде полумесяцев. Трубка Летыкая дымила, как маленький костерок.

– Слышь, Летыкай, а зачем тебе эти висячие погрешности? – спросил Федька, кивая на серьги.

Чукча пустил клуб дыма, не поворачивая головы, ответил:

– Обычай. Обычай.

– Обычай, – передразнил не зло Федька. – Понацепляли барахла, что бабы, юбок не хватает.

Вернулся Гриша с чайником. Насобирав щепок, он опустился на колени, стал разжигать костёр. Подошёл Плахин.

– Эт что за таблетки жгёшь?

– Сухой спирт, – с гордостью ответил Гриша, – случайно в городе одну коробку достал.

– Врёшь поди? – недоверчиво покосился Плахин.

– Серьёзно.

– А ну-к, дай одну.

Федька понюхал таблетку, попробовал на язык, прикусил зубами.

– Так ни хрена не пахнет спиртом. Может развести надо, а?

– Он не растворяется.

– А как же пить его? – недоумевал Федька.

– Его не пьют. Он для поддержания огня.

Заслуженный художник РСФСР косторез Гемауге и писатель Борис Савченко. Уэлен, 1967

– А почему ж спиртом называются? Что эт за спирт, если его не пьют?

– Так назвали.

– Завтра погода может портиться, – заметил Летькай.

Плахин обернулся:

– С чего ты взял?

– Солнце в облака садится. Дурной примета.

Федька всмотрелся в горизонт над морем. Сплюнул, неопределённо махнув рукой.

– Знаешь ты. Ладно. Там видно будет.

Гриша открыл две банки колбасного фарша, банку м а р и н о в а н н ы х огурчиков. Нарезал хлеб, развернул

масло в хрустящей бумаге. Фарш поставил рядом с чайником, подогреть.

Федька вытащил из рюкзака бутылку водки. Аккуратно протёр рукавом. Подкинул. Бутылка сделала кульбит и шлёпнулась в широкую Федькину ладонь.

– Даванём баночку «столичной», а, Григорий?

– Если по чуть-чуть, то я не против.

– Как закуска?

– Готова. Чай вот-вот закипит.

Гриша подкинул в костёр несколько высохших веток.

– Летькай, – позвал Плахин, – давай к огоньку. Что ты, как гусь на зарево, всё зыришь и зыришь.

– Сейчас иду.

Задрезбужала крышка на чайнике. Гриша взял рукавицу и, морщась от дыма, снял чайник с костра. Бросил горсть заварки.

– Секрет хорошего чая знаешь? – недовольно пробурчал Плахин. – Сыпь больше заварки.

– Пожалуйста! – Гриша потрянул пачкой.

Расположились у костра. Федька покровительственно разлил водку по кружкам.

– От ведь дерьмо, а люди пьют, – произнёс он не без удивления, словно открытие сделал.

Зашуршала бумага. Летькай вытащил кусок копчёной кеты.

– Ого, балычок. Мечта поэта. Ну, трахнем. Будем живы почём зря.

Выпили. Гриша поперхнулся. Сунул в рот ломтик огурца, долго нюхал хлеб и обалдело смотрел в костёр. Федька ел быстро, со вкусом. Летькай неторопливо, задумчиво.

С фаршем покончили скоро. Плахин обскрёб ножом банку и швырнул её в пропасть за лебёдкой.

– Ну вот, теперь можно терпеть наравне с голодными.

Гриша почувствовал приятное головокружение. Он раскраснелся и улыбался, как маленький ребёнок, и даже попросил у Летькай трубку «немного подымить».

– Скажи, Летькай, какое у тебя самое любимое кушанье? – спросил он, пытаясь пустить кольцо.

– Еда? – Летькай, смеясь, сузил глаза. – Рыбу талу знаешь? Маленько порежешь, с нерпичьим жирком. И шикши надавишь. Вкусно. Ек`каем.

– Ек`каем, – с удовольствием повторил Гриша, – а я дома сейчас бы кушал пельмени, блинчики с вареньем, кофе пил бы...

– Чего только люди не жрут, – обобщил Федька. Скорчив рожу, он прихлёбывал чай, тёмный, как торфяное болотце.

– Слышь, Григорий, – Плахин подмигнул чукче, – а ты как насчёт баб? Соображаешь? Неплохо бы сейчас одну, а, Григорий?

Гриша Макаров покраснел. Отношения с девушками для него – святая святых, это его маленький интимный мир, о котором посторонний человек не должен и подозревать. И вдруг какой-то Федька так просто и грубо пытается ворваться в этот мир, осквернить его. Гриша признался себе, что часто грезит о своей любимой, но почему кто-то должен знать об этом.

– Пошляк ты, Федя.

– Пошляк, – передразнил Плахин, – а ты салага, Григорий. И баб не знал. Это-то я точно вижу.

Гриша покраснел ещё больше, но в наступающих сумерках этого никто не заметил.

Летькай, улыбаясь, наблюдал за ними. «Ну и разговоры пошли нынче у молодёжи», – думалось ему.

– Отстань ты от меня, Федя, со своими бабами.

Гриша допил чай, взял пустую банку, отошёл метров на тридцать от костра и поставил её на камень.

– Григорий, а мне пострелять дашь? – ласково спросил Плахин. – Хоть разок?

– Дам, мне не жалко. Только я не люблю циников.

– Ладно, уж обиделся.

Стреляли по очереди и мазали почти каждый выстрел. При попадании банка со звяканьем почти подпрыгивала, и Федька азартно бежал ставить её на место. Он чертыхался, кричал что-то нечленораздельное, рассуждал насчёт теории стрельбы. Гриша смущался при каждом своём промахе, говорил еле слышно:

– Странно, почему так? Вроде верно брал, по мушке.

– По мушке, по мушке. Дай-ка. Ты по центру берёшь. Ветер учитывай. Левее надо. Во.

Федька стрелял и промахивался.

– А, чёрт!

Летькай, усмехаясь, подбрасывал в костёр сучья.

– Чего смеёшься? – злился Плахин. – Попади, а потом смейся.

– Может, ты, Летькай, и вправду хочешь пострелять? – спросил Гриша. – Патроны у меня есть. На.

Он протянул чукче коробку. Летькай посмотрел на маленькие тускло-жёлтые патрончики, выбрал один.

– Я не буду стрелять. Один на память. Можно?
– Конечно. Только почему ты не хочешь стрелять?

– Не буду стрелять, – повторил упрямо Летькай. – Дал слово себе... Давно видел: плохие люди убивали в посёлке хороший человек. Дал слово – не буду стрелять.

– Чудак, – усмехнулся Плахин.

Гриша положил малокалиберку и сел на рюкзак.

– Темнеет как быстро.

Федька пошёл в кусты.

Быстро стемнело. Из-за сопки, на склоне которой светлело несколько пятен прошлогоднего снега, выплыла яркая, как мандарин, луна. Чёрными длинными кляксами застыли в вышине облака. Ветер стих, и только доносившиеся снизу рокот моря да крики полуночных птиц нарушали тишину.

– Какая чудесная ночь, – сказал Гриша Летькаю, а ты говорил, что завтра будет плохая погода.

Вернулся Плахин.

– Ну что, на боковую? Завтра вкалывать.

Улеглись вокруг костра, не снимая телогреек. Накрылись плащами. Федька сразу захрапел. Летькай долго ворочался, выбирая удобную позу, что-то тихо бормотал на своём языке. Гриша думал о своём будущем фильме, он должен быть обязательно великолепным.

Море, крадучись, выползло мыльными гребнями из-под наседающего тумана, ласково облизывало чёрные береговые валуны и удовлетворённо откатывалось назад. Купались в его ленивых волнах молодые кайры, низко, почти у самой воды грациозно парили чайки. Моросил чуть заметный дождичек.

Гриша стоял внизу, под обрывом, стрекотал камерой, один глаз зажмурен, другой прищурен к видеискателю. В окуляре всё выглядит крошечным: и подёрнутая пеленой вершина мыса, и Федька Плахин, сидевший в кресле-петле и собирающий яйца, и фигурка Летькай на самом верху, пытающегося взглянуть вниз. А птицы кажутся совсем мошками, бестолку мечутся в воздухе, описывая замысловатые круги.

Федька Плахин собирал яйца бедных птиц. Если бы Гриша Макаров смог своим кинообъективом магически приблизить к себе Плахина, то увидел бы, как алчно и вдохновенно вспыхивают Федькины глаза, как шамански передёргиваются губы, лепечут что-то непонятное, как ловко и виртуозно мелькают воровские пальцы. Лёгкими движениями он выбрасывал из гнезда мокрых неоперившихся птенцов, выхватывая сразу по три яйца. Но не дано было Грише разглядеть с берегового пляжа, как одержимо зарабатывал свой хлеб Федька Плахин. Высота несколько не пугала Федьку, потому что он её не замечал. Он видел перед собой только трепыхавшихся в бессилии кайр и круглые зеленоватые слитки яиц. Ведро уже полное.

– Давай! – кричит Плахин Летькаю. Чукча начинает крутить ворот, верёвка туго наматывается

на бревно. С трудом Летькай крутит ворот, тяжело поднимать ему литое тело Плахина. Зачем этому русскому столько яиц, что он будет с ними делать? Те люди, с которыми приходил Летькай раньше, не брали столько яиц. Они приходили посмотреть птичьи базары, полюбоваться с высоты морем, и если кто-то из них брал яйца, то самую малость, только попробовать. Те люди не выбрасывали так безжалостно маленьких птиц из гнёзд. Если этот русский хочет продать яйца чукчам и нажиться, то это просто бессмысленная затея. Чукчи любят есть яйца кайр, но не настолько, чтобы платить за них такие деньги, какие думает просить этот странный человек. Пока что в море достаточно рыбы, колхоз дал чукчам оленей в личное пользование, а сказочные машины, которые называются вертолётами, привозят, сахар, чай, масло, муку, даже яблоки, можно обойтись и без этих яиц. Зря так усердно старается этот человек, думает Летькай, зря старается.

Но где Федьке Плахину угадать мысли Летькай, собственно, ему безразлично, что думает чукча. Уж если вбил себе Федька какую-то идею, никто её не в силах будет вышибить ни сладкими речами, ни угрозой, ни силой. Он человек настырный, он своего всегда добьётся маленькой хитростью ли, большим обманом, всё равно, для достижения цели все средства хороши. И если бы он, Федька Плахин, сомневался в этом, то наверное давно бы пропал, сгинул с белого света.

Выбравшись наверх, Плахин глотнул из фляги водки, отломил ломоть хлеба и сел к костру. Жарко полыхает костёр, трещат раздираемые огнём сучья, летят искры. Варятся на костре в жестяной кастрюле яйца. Шипит, пузырится вода. Пар мешается с дымом, застилает Федьке глаза, но ему всё нипочём, он доволен началом дела. Он с удовольствием жуёт хлеб, вдыхает дым костра.

Летькай молча следит за язычками пламени, лижущими прокопчённую кастрюлю. Из распада выкарабкивается Гриша Макаров. Поживаясь, тоже идёт к костру.

– Ну, Григорий, что ты там накрутил?

– Пока только одни общие планы. Хочу перезарядить аппарат, кассета кончилась.

Дальние сопки осветились солнцем. С моря налетел ветер, растревожил костёр, Гриша даже закашлялся от дыма.

– Холодина какая, брр..

– На, хлебни, салага, – Федька протянул флягу.

– Сейчас не могу. Съёмка.

– Съёмка, подумаешь важность. Не хочешь – не надо.

Плахин сам приложился к фляге.

– Готово, – сказал Летькай. Он уже снял ящичек с костра.

– Ну-ка, ну-ка. Отпробуем деликатес вашей Чучландии.

Плахин с любопытством взирал на сваренные яйца, которые Летькай залил холодной водой. Потом взял одно и, очистив от скорлупы, торжественно откусил сразу половину. Деловито пожевал, вкуса не понял, сунул в рот вторую половину. Проглотил, икнул и коротко бросил:

– Дерьмо! А в общем, жрать можно.

01 / 2017

– Плохое – зачем берёшь? – спросил Летькай.
– Значит надо, – отрезал Федька. – Может, я займусь разведением этих кайр, ха-ха-ха...

Он деланно засмеялся, хмель что ли в голову ударил.

– А из варёных яиц птенцы, между прочим, не вылупляются, – съехидничал Гриша.

Федька оторопело посмотрел на Макарова, глупо брякнул:

– А у меня вылупятся.

Летькай улыбнулся, совсем запутался человек, зачем скрывать от людей свой план, всё равно они догадаются.

А туман продолжал редеть, освобождая небо. Солнце оживило лучами и Дикий мыс. В птичьем гвалте появились радостные оттенки, на базаре царил весёлая неразбериха.

– Как, Григорий? Вроде припевать начинает?

– Да, теперь самое время для съёмок.

Плахин потянулся, откинулся на мох, закурил.

– Хорошо, чёрт возьми... А на югах сейчас просто класс: арбузики, виноградик, сады... Эх, жизнь моя поломатая.

Гриша, подумав о чём-то, спросил дружелюбно:

– Федя, а можно я попробую спуститься за яйцами?

Плахин приподнялся, удивлённо взглянул на Макарова.

– Ты? Ну, попробуй.

Федьке даже интересно стало, как этот салага начнёт брать яйца, небось, одного смрада, каким несёт от стены, не вытерпит.

– Летькай, будь добр, возьми мой киноаппарат,ними меня снизу.

– Я не знаю, как работать с ним, не умею, как надо.

– Это очень просто, – Гриша подскочил к чукче. – Вот смотри в это окошечко, чтоб меня было видно, и нажимай вот здесь, на кнопку. Понял?

– Смотри и нажимать. Понял, понял, – обрадовано сказал Летькай.

– Вот и замечательно. Спускайся по распадку. Как будешь на берегу, крикнешь. А я пока приготовлюсь.

Летькай бережно взял киноаппарат и с сознанием огромной важности дела, которое ему поручили, направился к распадку. Для хорошего человека он постарается.

Гриша вывалил яйца на мох и с пустым ведром направился к лебёдке.

– Смотри не сорвись, – крикнул Плахин, – а то костей не соберёшь.

– Не бойся, Федя.

Гриша глянул под обрыв, страшновато, критически осмотрел Федькино сооружение.

– Эге-ге-е-е... – эхом донеслось снизу.

– Летька-а-ай... Сейча-а-ас... – Гриша помахал рукой.

Федька невольно поднялся, по привычке сплюнул, подошёл к Макарову.

– Ну, давай, лезь в этот аркан.

Гриша начал было устраиваться в креслице, да запутался в петле, долго не мог усесться. Потом выдрал сидение из петли и бросил в мох.

– Без него обойдусь. Только мешает.

– Зад натрёшь.

– Ничего. Летька-а-ай... Приготовься-а-а...

Начался торжественный спуск Гриши Макарова. Федька придерживал ворот, Летькай внизу нацелил камеру на обрыв, блеснула на солнце линза объектива.

Сильно волнуясь, спускался Гриша Макаров. Видел перед собой он уходящую вверх сырую каменную стену, уступчики, покрытые клочками моха и травы, видел бесчисленные этажи птичьих гнездовищ, недовольных кайр в чёрных фракках и белых ианишках. Неприятно ударял в нос запах птичьего помёта. Но всё же зрелище было завораживающим. А внизу, под Гришей сорока-или пятидесятиметровая бездна воздуха, она отделяет Гришу от берега. Море такое необозримое, голубой долиной уходит в горизонт, тает в прозрачной дымке.

Осторожно берёт Гриша яйца, даже со страхом, птицы кричат, хватают Гришу скользкими клювами за руки.

Сверху наблюдает за Гришей Плахин. С ухмылкой. Видит, боится высоты Гриша, хотя старается перебороть страх, не показать, что страшно глядеть ему вниз, туда, где стрекочет камера в руках Летькай.

И вдруг осеняет Федьку озорная идея, мыслишка поугагать городского салагу. Вот натерпится страху-то Григорий. Вот потеха-то будет! Всю спесь с него как рукой снимет.

Ослабил на миг Федька верёвку. Скрипнул ворот, крутанулось на осях бревно, струной дёрнулась верёвка под тяжестью Гришиного тела. Вскрикнул от неожиданности Гриша, судорожно вцепился в канат, метнулось перед глазами всё смазанным пятном вверх и через секунду снова приобрело прежние очертания и краски.

Захохотал Плахин довольный своей проделкой.

– Брось дурачиться, Федька, что за шутки! – закричал испуганный Гриша.

– Что, не понравилось? – Плахин развеселился от души. – А по-моему очень даже клёво. О-о-о!..

Он снова отпустил канат. У Гриши захватило дух от быстрого падения. Верёвка так резко прекратила движение, что Гриша больно ударился коленом о скалистый выступ. Зазвенело ведро, полетели вниз собранные яйца.

– Федя, ну я тебя очень прошу, – взмолился Гриша, – кончай дурачиться. Поднимай наверх. С меня хватит.

– Хватит, так хватит, – хитро согласился Федька. У него уже родилась новая идея. Надо наугагать салагу как следует, до полного беспамьяства. Он поднимет Григория до самого верха, чтобы тот успел даже полюбоваться тундрой, а потом рраз... и отпустит верёвку. Григорий пролетит метров десять, никак не меньше. Вот тогда узнает, почём фунт лиха.

Накручивается на ворот верёвка, обнимает бревно строгими витками, один виток... второй... третий... Вот уже показалось измученное лицо Гриши, он пытается ухватиться руками за перекладину, но Федька опережает его, даёт волю

вороту. Только ахнул Гриша и снова вцепился в верёвку. Бешено крутятся ворот, стремительно убывают витки, то в одну сторону, то в другую. Азартно следит за ними Плахин. Всё, пора останавливать. Хватается Федька за канат, пытаясь прервать его безудержный бег, но словно огненную струю схватил он, жаркой болью резануло его шершавые ладони. Лицо Плахина скривилось в жуткой гримасе. Похолодев от ужаса, Федька напряг всю свою силу, будто клещами хватанул верёвку, но она прошла через его кулаки, как через масло. Мгновенно ушли последние десять витков, оголив круглое жёлтое бревно. Не смогли удержать верёвку и вбитые несколько крепких гвоздей, шутя вырвалась она из их объятий и, оставив клок ворса, скользнула вниз. А вместе с ней оборвалась внезапно и жизнь Гриши Макарова.

До слуха оцепеневшего Федьки донёлся незнакомый ему свист, но через мгновение он уже знал, что это. Начали падать камни. Тысячи пернатых взмыли в синеву, тревожно закричали, заплакали. Свист, нарастая, перешёл в гулкий дробный грохот. Камни лавиной неслись вниз, сметая со стены птичьи гнёзда, убивая десятки или сотни кайр, чак, гагар. И уже нельзя было из-за поднимающейся пыли увидеть безжизненное тело Гриши Макарова, трудно было предсказать, что случилось с Летькаем – один сплошной грохот и многотысячный гвалт несчастных птиц. Через несколько минут всё стихло. Птицы продолжали волноваться, пыль сложилась вдоль стены, медленно оседала. А Федька всё ещё стоял, пригнувшись, в нелепой позе, как истукан. Широко раскрытые остекленевшие глаза не выражали никаких чувств, тупо сверлили пустоту...

Неожиданно наступившая тишина заставила шелохнуться Плахина. Нерешительно попятился Федька назад, вытирая на ходу рукавом сухие губы, споткнулся о камень, передёрнулся весь, будто испугавшись чего-то, и наконец побежал, не разбирая дороги...

По распадку Летькай выбрался наверх, вздохнул полной грудью, покачнулся от мутящего сознание ветра. Кружится голова, крепко стучит сердце, в глазах мерцает жёлтый огонь. Нигде не видно Летькаю Федьки Плахина. Заплакал от обиды Летькай. Но куда мог уйти Федька, как не в посёлок? И наверно возвращается он старым путём, каким шли они сюда, приглядываясь к кучкам камней вдоль неприметной тропы. Летькай знает другую дорогу. Дорогу по шумящим между сопкам ручьям. Она короче прежней, но по этой дороге легче заблудиться, так как надо спускаться с сопки, теряя высоту, а вместе с ней и ориентиры. Кто угодно может заблудиться, только не Летькай, житель тундры. Летькай догонит Федьку Плахина.

Чукча отпил из чайника давно остывшего чая, осмотрелся вокруг. Взгляд его остановился на Гришиной винтовке. Не считая киноаппарата, это самое ценное, что нужно взять с собой. В посёлке вещи можно будет переслать в город. Теперь в путь.

Старался быстро идти чукча, но силы уходили ещё быстрее. Трудно дышалось. Ныла рана на голове. Пот грязными струйками стекал за ворот. Жарко, совсем не по-северному припекало солнце, серебрились фольгой ручьи, по-свистывали где-то кулики. Но Летькай не замечал радостей природы, он спешил. Надо, очень надо догнать Федьку. С костяным звуком ворочатся камни под ногами, торбаза уже промокла, отяжелела. Слабеет Летькай. Рябит в глазах от сверкающей на солнце воды. Уже еле переступают ноги.

Наконец заметил он жёлто-зелёную ковбойку беглеца. Федька карабкался по каменистому, без зелени, склону сопки. Обрадовался Летькай, собрал последние силы, прибавил шаг. А Федька всё выше и выше. Проворно, без усталости работают Федькины руки, ноги чутко чувствуют непривычные камни, ступают наверх.

– Фетка, эй, Фетка, – слабо закричал Летькай.

Плахин всё-таки услышал его, оглянулся, зло сверкнул глазами и с удвоенной силой устремился вверх, к перевалу, только лёгкие камушки посыпались из-под его ног.

– Фетка-а, эй, подожди-и... Фетка-а... – звал Летькай. Но Плахин уже не слышал его, не оглядывался больше. До вершины перевала ему оставалось совсем немного. «Сейчас он скроется за этой проклятой горой, – подумал Летькай с болью, – и я больше не увижу его, уйдёт он, уйдёт». Руки затряслись в бессилии. И тут чукча вспомнил о патроне, который подарил ему Гриша Макаров. Нервы напряглись до предела. Уже ни о чём больше не думая, лихорадочно сорвал он с плеча малокалиберку, нащупал в кармане патрон. Открыл затвор, обгладил патрон от табачной пыли и вогнал в ствол. Резко вскинул Летькай винтовку. Прицелился. Извивалась, плясала в прорези прицела мускулистая Федькина спина. И когда Федька встал на вершине в полный рост, Летькай нажал на спусковой крючок.

Вздрогнул, как от ожога, Федька Плахин, оглянулся с полными ненависти и тоски глазами, зашатался, и, прошептав «подлюка», упал лицом в камни.

Уже солнце обожгло краем горизонт, а Летькай всё ещё плёлся в посёлок. Медленно шёл, нехотя. Невесёлые думы мучили его. Думал Летькай, что если его накажут смертью, то это будет совсем плохо. Хотя Летькай прожил сорок с лишним лет, он хочет жить ещё и ещё, потому что жизнь стала лучше, чем в старые времена, намного лучше и потерять её из-за такого плохого человека, как Фетка Плахин, обидно, очень обидно. Что они за люди, те, которые будут судить его и решать, жить ему или нет, какие они, поймут эти люди его, простят ли они ему убийство человека или нет? Вот какие вопросы мучили голову Летькаю, остальное его не тревожило.

Сергей СПИРИН

Не бойся, Михалыч, ...

Наш всепогодный корабль ледовой авиационной разведки седьмой час бороздил суровое Арктическое небо. В этом полёте оно действительно было суровым. Низкая облачность и небольшая горизонтальная видимость сменялись плотным туманом. Сильный встречный ветер при смене галсов становился то боковым, то попутным, создавая лишние хлопоты в напряжённой работе штурмана. Время от времени воздушное судно попадало в зоны интенсивного обледенения и это неприятно тревожило Владимира Михайловича Лебедева – командира воздушного судна. Полёт проходил на высоте 100 метров с кратковременными снижениями до пятидесяти, ведь гидролог должен постоянно видеть море. Кусочки льда, срываясь с вращающихся пропеллеров, начинали беспокойно барабанить по фюзеляжу «ледовика». Тогда бортмеханик добавлял оборотов двигателям и менял шаг винтов, «жучки» – моторы ревели, самолёт встряхивался, как утка, вынырнувшая из воды, и, сбрасывая с себя корочку льда, неудержимо рвался вперёд.

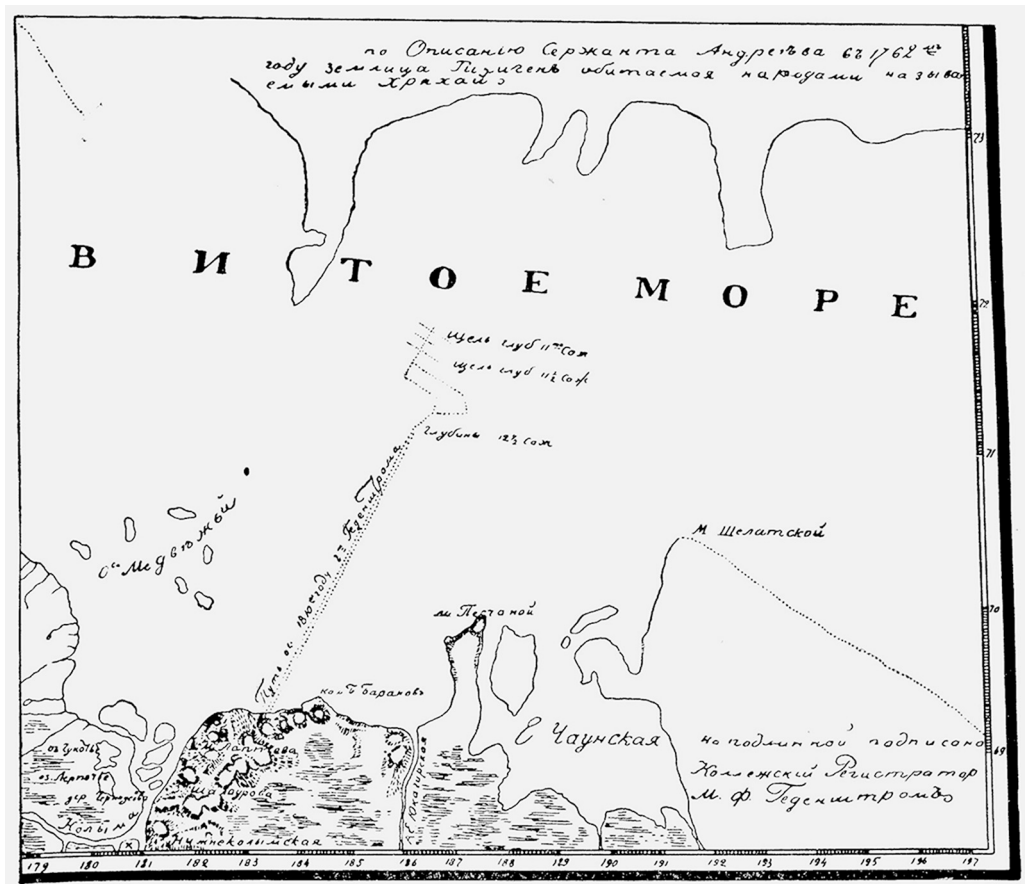
Основное задание было уже выполнено. Дорога от острова Айон до устья реки Колымы для каравана из трёх судов была найдена. Карта с рекомендованным путём следования передана ледоколу по фототелеграфу. До окончательного завершения работы оставалось немного: развернуться у Медвежьих островов, пройти на северо-восток миль 60 и... венец всей работы – длинный контрольный галс домой в Певек. Контрольный галс необходим для проверки и уточнения возможных неточностей, возникающих при выполнении разведки в сложных метеоусловиях.

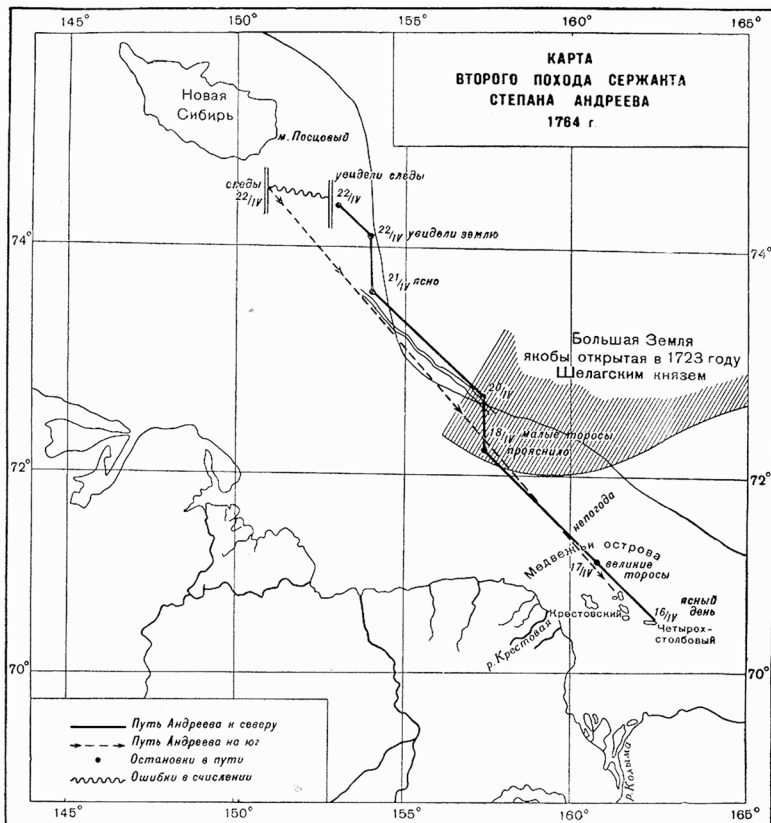
– А мы ведь к Земле Андреева повернули, – задумчиво сказал командир после выполнения разворота, когда машина уверенно взяла курс на северо-восток.

Поиск земли Андреева. Карта М.М.Геденштрома.

– Это не совсем так, – отозвался на слова командира первый гидролог и начальник оперативной группы Валерий Николаевич Купецкий, наблюдающий за льдами из блистера по левому борту самолёта.

Не прерывая работы, Валерий Николаевич – большой знаток истории Арктики – неторопливо начал рассказывать лётчикам о походах сержанта Степана Андреева в 1763–64 годах XVIII века, об увиденной им с острова Четырёхстолбового синеве или черноте, о том, что ему удалось приблизиться к таинственной земле на двадцать вёрст. Однако из-за болезни каюра пришлось повернуть назад, так и не ступив на берег земли, к которой вёл след от полозьев чьих-то нарт. Позднее многие исследователи пытались найти таинственную землю, отправляясь на северо-восток от Медвежьих островов, но всех их ждала неудача. Сам Фердинанд Врангель – тот самый, что выступал против продажи Аляски Соединённым Штатам Америки, пройдя от Медвежьих островов к северу 150 вёрст и к северу-востоку 250 вёрст и не обнаружив землю, мягко говоря, усомнился в

Авторы карты Н. Н. Зубов и капитан дальнего плавания К. С. Бадигин. 1952 г.

добросовестности Степана Андреева. Справедливости ради надо сказать, что сержант оставил не совсем ясное описание увиденного. Валерий Николаевич почти дословно процитировал исторический документ:

– «.. и взошел на верх оной горы ... влево накосе севера в южную сторону или по здешнему называть к полуношнику едва с трудностию видеть синь синее или какая чернь чернеет, в подленик об оном обстоятельно донести не имею – земля или полое место моря.»

– Прошли века и в середине нашего столетия профессору Зубову и капитану дальнего плавания Бадигину удалось правильно истолковать документы Андреева, – продолжал первый гидролог. Они выяснили, что на севере Сибири в те далёкие времена под «полуношником» подразумевали северо-запад и тогда всё встало на свои места. «Синь» синела или какая «чернь» чернела именно на северо-западе и для уточнения, что это было на самом деле, сержант на следующий год отправился вторым своим походом к острову с современным названием Новая Сибирь.

– А Новую Сибирь правильной было бы называть Землёй Андреева, – закончил свой рассказ Валерий Николаевич.

– Ну вот. А я-то думал, что мы ... – радист не успел закончить свою мысль.

– Командир, в 20 километрах прямо по курсу, что-то очень похожее на остров, – удивлённо доложил вошедший в пилотскую кабину штурман. Он прекрасно знал, что в этой части моря никаких островов быть не должно.

Владимир Михайлович прильнул к тубусу своего радиолокатора.

– Набираем безопасную, – последовала команда.

Внезапно туман закончился, темнота и серость остались позади, а машина ворвалась в совершенно другой мир – мир солнца, ослепительно-яркого дня и великолепной видимости. Вот тут-то все и увидели впереди огромное торосистое образование, своими очертаниями напоминающее холмистый остров. Холмы возвышались над окружающим их ледовым ландшафтом на 10-15 метров и по засветке на экране локатора занимали площадь радиусом 10-12 морских миль. Это была одна из многочисленных стамух, образующихся в Восточно-Сибирском море зимой, вдоль кромки припая. Само по себе явление нередкое, но размеры этой стамухи были столь значительны, что даже Валерий Николаевич – гидролог с большим опытом наблюдений за льдами – вскинул удивлённо брови, а второй пилот даже тихонечко присвистнул. Глубины в месте обнаружения уникального творения природы превышали 20 метров. И вся эта огромная масса льда плотно сидела на грунте. С подветренной стороны стамухи образовалось большое пространство чистой воды и в этой природной гавани от сжатия льдов могла укрыться целая эскадра. Экипаж зачарованно смотрел на природный шедевр, но пришло время поворачивать домой и послушный воле пилотов воздушный корабль взял курс на Певек.

– А давайте её чьим-нибудь именем назовём, – неожиданно предложил штурман.

– Давайте, – откликнулся первый гидролог. – Стамуха Лебедева, например. Звучит?

Так, с лёгкой руки Валерия Николаевича и получила стамуха имя нашего командира. Она пять лет служила хорошей «привязкой» для уточнения своего местоположения многим экипажам ледовой разведки при выполнении полётов в этом районе моря, а потом растаяла. Были в истории наблюдений за льдами и другие крупные ледяные образования, рождённые чудовищными сжатиями, возникающими зимой между припаем и плавучим морским льдом. Свои названия они получали по фамилии гидрологов, их обнаруживших, например, «стамуха Кудрявцева» или «стамуха Колпака.»

А наш полёт закончился и, сидя в штурманской певекского аэропорта, Михалыч, глядя как гидрологи пишут донесение о выполненной разведке, весело пошутил:

– Ребята, вы почётче работайте, чтобы как у Андреева не получилось.

– Не бойся, Михалыч, твоё имя надёжно вошло в историю, – ответил второй гидролог и указал то место на ледовой карте, где крупными, красивыми, печатными буквами под условным обозначением стамухи стояла подпись «стамуха Лебедева». И все вокруг рассмеялись.

Я не сделаю никакого открытия, если скажу, что многое в воспитании детей зависит от того, как ведут себя родители. Сыновья берут пример с отцов. Или, согласно поговорке: «Каков отец, таков и сын». Не одно поколение россиян выросло, воспиталось и продолжает воспитываться на подвиге нашего многонационального народа в Великой Отечественной войне. «Гордимся и будем достойны славы отцов» – это не просто лозунг.

Пётр ЦЫБУЛЬКИН

ИСТОРИЯ БЕЗ ИСКАЖЕНИЙ

О проблемах воспитания на примере поступков людей в период Великой Отечественной войны

Два года назад мы отметили 70-летие Великой Победы. Но, отмаршировали парады, прогремели салюты, патриотический информационный поток о Великой Отечественной войне заметно снизился. И на этом фоне более видимыми стали попытки искажения её истории.

Об этих фактах нужно говорить громко и много, поскольку победа нашей страны в Великой Отечественной войне осталась едва ли не единственным светлым пятном в нашей недавней истории. Всё остальное время от времени мажется чёрной краской, что, не секрет, используется нашими противниками в идеологической войне против России. Если мы проиграем в этом противостоянии, то рискуем превратиться в народ без истории и потерять, как говорят учёные, свой цивилизационный код. И тогда нас ждут такие же события, какие сейчас происходят на Украине, где пересмотр событий Великой Отечественной сыграл и играет не последнюю роль в раскачке общественного мнения.

Одним из многих способов в указанном идеологическом противостоянии является искажение имевших место фактов, как, к примеру, в новых версиях переснятых советских культовых художественных фильмов о войне («Молодая гвардия», «А зори здесь тихие», я думаю, список можно будет продолжить), либо сокрытие объективных фактов и преподнесение информации с другой, выгодной нашим оппонентам стороны. Такое происходит с освещением событий, связанных с программой ленд-лиза, которая, по сути своей, не была актом бескорыстной помощи, о чём умалчивается. О том, как, согласно документам, фактически обстояло дело с этой программой, мы уже подготовили исследование вместе с сотрудником Магаданского областного краеведческого музея Сергеем Ефимовым, и с соответствующим докладом я выступил на прошлых

Рождественских чтениях (опубликовано также в журнале «Мир Севера», № 5 за 2015 год). Настала пора поговорить о том, по какому пути возвращались домой наши соотечественники, побывавшие в фашистском плену.

Долгое время выводы о том, сколько заключённых было на Колыме, многие делали по высказыванию Александра Исаевича Солженицына, побывавшего в Магадане в 1994 году пролётом из США в рамках его поездки по «лагерной» России, организованной и подробно освещавшейся компанией Би-Би-Си. Напомню, что от него также вошло в моду называть Колыму полюсом лютости. Однако по документам, с которыми знакомится значительно меньший круг лиц, эти цифры ниже на несколько порядков и указанный эпитет к Колыме не подходит.

Аналогичная ситуация складывается в вопросе судеб военнопленных. У большинства наших сограждан, в первую очередь, северных регионов, стереотипно соотносимых с территорией ГУЛАГа, сложилось твёрдое убеждение, что все наши военнопленные прямиком из фашистских лагерей попадали в советские. В обоснование этого приводятся довольно-таки сомнительные свидетельства либо используется авторитет чужого информацию. Причём, если А.И.Солженицына использовали, как говорится, «в тёмную», здесь иногда просматривается конъюнктура – власти долгое время поддерживали кампанию, им было выгодно держаться в струе.

«АиФ-Магадан» в статье «Пленники Победы» [№ 18 за 2001 г., автор Анатолий Смирнов] ссылается на посла США в СССР А.Гарримана, который в июне 1945 года отмечал в служебной переписке: «Посольству известен лишь один случай, когда репатриированный вернулся к семье в Москву... Эшелоны с репатриантами проходят через Москву

и движутся дальше на восток...». Странное свидетельство. Никаких выкладок, никаких документов. Наверное, их попросту нет.

Мы уже неоднократно слышим, в том числе от первых лиц нашего государства, что к прошлому надо относиться аналитически.

Если применить такой подход к высказыванию господина Гарримана и следовать его логике, то из его слов возможен любой вывод – как кому удобно – даже фантастический.

А если оперировать категориями тех же негативных публикаций последних лет о нашей истории, то уместен вопрос: «Как в стране, где каждый «стучал» на каждого, «полстраны сидело, а полстраны охраняло», и уж, тем более, посол иностранной державы находился под колпаком «всесильного» НКВД, он мог получить объективные данные?» Скорее всего, он искал и нашёл косвенные подтверждения той информации, которую в рамках холодной войны до нас пытались донести в советское время и всё-таки донесли в девяностых, и продолжают доносить уже сейчас через доверчивого обывателя, у которого, по Достоевскому, «каждый несчастный и неудачный русский факт возбуждает ... смех и чуть не восторг». Причём к таким обывателям я бы отнёс и отдельных журналистов.

К тому же надо обратить внимание – высказывание господина Гарримана относится к июню 1945 года. Большинство военнопленных ещё проходило проверку или, говоря официальным языком, фильтрацию, что разумно даже для супердемократической страны, а не только для государства с «диктаторским» режимом, поскольку фашисты использовали этот канал для засылки к нам своей агентуры.

Необходимость таких мер вытекает из высказывания начальника VI Управления РСХА бригаденфюрера СС В.Шелленберга:

«В лагерях для военнопленных отбирались тысячи русских, которых после обучения забрасывали на парашютах вглубь русской территории. Их основной задачей, наряду с передачей текущей информации, было политическое разложение населения и диверсии. Другие группы предназначались для борьбы с партизанами, для чего их забрасывали в качестве наших агентов к русским партизанам».

Обидно, когда в заблуждение вводятся уважаемые и авторитетные люди, мнение которых весомо. Историк Давид Райзман в книге «Помним Вас, земляки» (г. Магадан, 2005 г.) на странице 70 пишет: «Значительное число невольников Берлага составляли бывшие советские военнопленные, уже прошедшие дорогами фашистских концлагерей» и «Родина встретила их более, чем сурово». И всё. Никаких фактов, никаких документов, ссылок на работу в архивах, людских свидетельств.

И уж совсем не разумно в вопросах истории войны полагаться на Интернет, как это сделала в июле 2015 года пресс-служба мэрии г.Магадана, распространив прессрелиз, в котором ленд-лиз представила как акт благотворительной бескорыстной помощи.

Мнение наших сограждан о том, что советские военнопленные из гитлеровских лагерей напрямую попадали в советские, в значительной степени формируется некоторыми художественными произведениями.

Так, уже упомянутая выше статья в «АиФ-Магадан» начинается с пересказа случая, описанного А.Солженицыным в романе «Архипелаг ГУЛаг» о побеге из лагеря близ посёлка Эльген, якобы, бывшего разведчика Путилина, с убийством двух конвоиров и нескольких ВОХРовцев.

Побеги из советских лагерей, конечно, были. Но надо иметь в виду, и это может подтвердить любой сотрудник системы исполнения наказаний, бегут, оставляя за собой «мокрый» след, те, кому терять уже нечего. То есть совершившие преступления, за которые возможны максимальный срок наказания или мечь. Герой А.Солженицына, скорее всего, был из таких. И это можно проиллюстрировать анализом рассказа Варлама Шаламова «Последний бой майора Пугачёва» о побеге из Берлага, якобы, бывших советских военнопленных. По этому короткому произведению в 2005 году снят одноимённый четырёхсерийный фильм, посвящённый военнопленным, попадавшим «напрямую из гитлеровских лагерей в советские» – титры соответствующего содержания в концовке фильма убеждают привыкшего к сериалам нашего зрителя, что так оно и было.

Хочется надеяться, что ни А.Солженицын, ни В.Шаламов не подозревали, что их художественные произведения будут использованы как факты в искажение истории Великой Отечественной войны. Кстати, В.Шаламов при оценке собственного творчества указывал на свою возможную необъективность ввиду наличия у него обиды на действующую власть.

Исследование событий, послуживших сюжетом для рассказа В.Шаламова, провёл магаданский писатель А.М. Бирюков (Бирюков А.М. Колымские истории: очерки. Новосибирск, 2004. Используются также материалы сайта http://wiki.istmat.info/миф:последний_бой_майора_пугачёва).

Согласно опубликованным биографическим данным, из двенадцати человек, участвовавших в настоящем побеге из Берлага, бывшими военнопленными были только двое – Игошин А.Ф. и Худенко В.М. В лагерях для военнопленных они находились непродолжительное время, после чего добровольно поступили на службу в немецко-фашистские формирования. Восемь человек вообще

никогда не служили в Красной Армии, поэтому никаких разведчиков, лётчиков и танкистов, как пишут А.Солженицын и В.Шаламов, среди беглецов не было. Участие в боевых действиях против Германии принимали только трое (непродолжительное время). По составам преступлений – один убийца, двое служащих немецких карательных органов, девять – участники бандформирований.

Прототип самого майора Пугачёва – Тонконогов Иван Николаевич, 1920 года рождения, – до войны был дважды судим по общеуголовным статьям – на 2 и на 3 года лишения свободы. В Красную Армию мобилизован только в 1944 году и прослужил всего два месяца. А до этого времени, оставшись на оккупированной территории, добровольно поступил на службу в немецкие карательные органы и дослужился от рядового инспектора до начальника полиции с. Будылки. Свою жестокость продемонстрировал и во время побега, застрелив раненого товарища (Пуца Феодосия Семёновича).

Все участники побега имели сроки заключения от 15 до 20 лет. Трое первоначально были приговорены к расстрелу.

Особый лагерь № 5 МВД СССР (Берлаг) из 15 отделений (20 лагпунктов) и центральной больницы организован на Колыме в 1948 г. на основании постановления СМ СССР № 416-159 от 21 февраля и приказа МВД СССР № 00131 от 2 августа. Комплектовался по приказу МВД СССР, МГБ СССР и Генерального Прокурора СССР № 00279/00108/72сс от 16 марта 1948 г. за счёт особо опасных государственных преступников.

Особо опасный контингент осуждённых за бандитизм, воинские преступления, пособничество, службу в остлегионах, РОА, частях СД-СС, участие в националистических бандформированиях начал поступать на Колыму с 1945 г., а с 1948 г. этот процесс приобрёл устойчивый характер. В 1948–1949 гг. в ходе «всесоюзной чистки» лагерей значительная их часть была перебросана на Колыму.

Поэтому утверждение в книге «Помним Вас, земляки» о том, что «значительное число невольников Берлага составляли бывшие советские военнопленные, уже прошедшие дорогами фашистских концлагерей» и «Родина встретила их более, чем сурово», никакого основания под собой не имеет.

А вот мнение полковника в отставке Михаила Александровича Ашика, во время Великой Отечественной воевавшего в морской пехоте, не один раз побывавшего в окружении, но всегда с боями и честью выходящего к своим в составе своего подразделения, удостоенного звания Героя Советского Союза. Он с 1951 по 1963 год прослужил в Магадане. Из них – девять лет в качестве оперативного работника отдела контрраз-

ведки и три – командиром войсковой части внутренних войск 6611. Что называется, находился в самой гуще событий. На самом, как принято говорить с чужих слов, «полюсе лютости». И получал информацию, не провозжая вагоны на перроне Москвы.

Выдержка из его письма:

«На самом деле сурово встречали лишь тех, кто свою Родину предал. Англичане таких вешали поголовно, французы до сих пор таких разыскивают...»

А у нас в 1946 г. была отменена смертная казнь, а лиц, просто служивших во вражеской армии, всего лишь ссылали на 6 лет, где они жили на правах вольнонаёмных работников. Без судимости.

По уставу Петра I сдавшихся в плен вешали. Вернувшихся из японского плена при Николае II осудили на смертную казнь – царь заменил на 10 лет в крепости. А мы были гуманистами!

...более 90% возвращались в строй или домой, а наши пресса и телевидение обманывают общественность, внушая – мол, все они оказывались в лагерях...»

Есть категория людей, которые подобные свидетельства считают необъективными. Мол, сотрудник органов, «честь мундира», «у самих руки в крови» и так далее. Хотелось бы этих людей предостеречь. Поскольку они же, обвиняя наше прошлое, говорят об отсутствии в нём состязательности уголовного процесса. Но, отмечая свидетельства сотрудников органов безопасности, они, по сути, исключают сторону защиты, то есть повторяют ошибку прошлого. И в результате тезис «будем помнить прошлое, не заблудимся в настоящем» превращается в простую декларацию. Так давайте не повторять ошибок прошлого.

В противовес информации о прототипах майора Пугачёва и его группы, обычно говорят – ну и что? Протесты и побеги бывших военнопленных ведь действительно были. Взять, к примеру, воркутинское, норильское и кенгирское восстания.

Да, эти события были. Но происходили в лагерях такого же типа, как и Берлаг – особых, и контингент содержащихся в них людей был тот же самый. Никаких военнопленных, напрямую попадавших из немецких лагерей в советские. Если посмотреть по соответствующей ссылке в интернет, то получим тому не одно подтверждение и что ответственность за указанные события охотно берут определённые структуры. Стоит прочитать только заголовки – «Норильские повстанцы 70 % становились вояки УПА...» или «Как украинцы развалили ГУЛАГ» и так далее.

С чем бы выразил несогласие – в информации на сайтах указано, что участники восстаний судимы по «пресловутой 58-й статье УК РСФСР». Не РСФСР – той республики, на территории которой они совершали

преступления. И судебными органами тех же республик (как правило, это были показательные судебные процессы). То есть информация и здесь искажается в интересах формирования негативного мнения о России.

Почётный председатель магаданской организации общества «Мемориал» М.М. Этлис вспоминает о встрече в экибастузском лагере с заключённым, этапированным из Воркуты после произошедшего там восстания. Тот оказался настолько убеждённым фашистом, что М.М. Этлис, с его слов, даже хотел его убить. В дальнейшем указанный этап был переведён в Джезказган, на территории которого располагается посёлок Кенгир.

В Историческом очерке «Министерство внутренних дел России, 1802–2002», изданном в Санкт-Петербурге, фонд «Университет», на странице 421 дано общее количество вернувшихся советских военнопленных – 4199488 человек. Из них арестовано и оставлено для дальнейшей проверки 6,8%. Там же перечислены те, кто арестовывался – сотрудники немецких разведорганов; полицейские – каратели; обучавшиеся в разведшколах; пособники врага, замешанные в кровавых преступлениях (палачи), чья вина доказана в судебном порядке.

И.Пыхалов в книге «Великая и оболганная война» (Москва, «Яуза». «ЭКСМО», 2005), со ссылкой на конкретные источники, приводит промежуточные данные о судьбах советских военнопленных, которые подтверждают опубликованные в Историческом очерке. Так, в период с октября 1941-го по март 1944 года из поступивших 317594 военнопленных более 73,5% передано в Красную Армию, конвойные войска НКВД, в оборонную промышленность. Арестовано – 3,5%.

По сведениям членов уважаемого за рубежом общества «Мемориал» А.Кокурина и Н.Петрова, по состоянию на 1 марта 1944 года, 75,1% бывших военнопленных направлены в армию, в народное хозяйство, на лечение. Подверглись «репрессиям» (арестованы или направлены в штрафбаты) – 6,2%.

Следует подчеркнуть два момента: то, что во всех указанных источниках относительные данные направленных в места лишения свободы колеблются около 6%, и то, что бывшие военнопленные после освобождения направлялись, в том числе, в конвойные войска НКВД. Это я к тому, что если б бывший военнопленный, прошедший муки фашистских концлагерей, будучи конвойным, поднял руку на заключённого-власовца, я б его отлично понял и где-то даже одобрил. Подобные случаи были. При этом руководство и представители власти, как правило, занимали сторону обидчика. Такие факты описаны и я планирую их опубликовать чуть позже.

Вот что рассказывает по этому поводу калмыцкий писатель Станислав Олефир:

«...одного такого «случайно» расстрелял на охоте приехавший из его родного села довольно положительный мужик. С высшим образованием, член партии и всё такое. Говорит, случайно перепутал с медведем, вот и вlepил двумя зарядами самой крупной картечи! В свою очередь правоохранительные органы «вlepили» этому охотнику три года. Правда, всего лишь условно, и отпустили с Богом...»

...Но это дело хоть расследовали, а с бандеромцем Бондарчуком вообще комедия. Выпил самогонки и полез в драку с молоковозом Гёнок. Гёнка порушил ему рёбра, сломал руку, отбил печёнку и в таком виде затолкал в туалет. Участковый даже не стал вызывать следователя. Составил акт, что Бондарчук в пьяном виде упал с унитаза и, получив многочисленные переломы, скончался...»

Но как же всё-таки рождаются легенды по теме «из фашистских концлагерей – в советские»?

Сотрудники системы исполнения наказаний по этому поводу говорят: «Послушать сидельцев, так в зонах сидят одни невинные». Герой очерка С.Олефира, «случайно» застреленный на охоте земляком, отбывавший наказание за то, что, будучи на фашистской стороне, казнил советских женщин, по сочинённой им легенде был бывшим боевым лётчиком, осуждённым за случайно сбитый американский самолёт.

Творческий потенциал предателей реализуется всё больше по мере того, как уходят из жизни свидетели их преступлений – настоящие ветераны, смертность среди которых, к сожалению, выше, чем среди изменников. Ведь они себя не жалели. И именно такие рассказы становятся пищей для падких на сенсации журналистов и писателей.

А.Солженицын и А.Смирнов считают, что кто-то из военнопленных мог оказаться в советском лагере просто потому, что чем-то не понравился сотруднику СМЕРШа. Это представляется несколько абсурдным и, скорее всего, надо говорить о недоработках. Многих, несмотря на то, что они не понравились сотрудникам СМЕРШа, не арестовывали. Ряд архивных дел, с которыми мне приходилось знакомиться, содержал указания на совершённые лицами преступления, но проверить предположения в тех послевоенных условиях, в большом потоке репатриантов, не имелось ни времени, ни возможности. И СМЕРШ оставлял это на будущее. Именно такой работой как раз и занимались Михаил Ашик и его коллеги в местах лишения свободы, где содержались бывшие пособники фашистов.

Указанные архивные дела вновь попадали в руки сотрудников правоохранительных органов и через десятки лет, как это произошло с бывшим командиром карательного

взвода гитлеровцев Добрыниным, по судебному процессу над которым белорусский писатель Алесь Адамович написал документальную повесть «Каратели». Добрынин после войны долго проживал под своей настоящей фамилией в деревне на Северном Урале и был случайно опознан женщиной, на глазах которой во время войны на территории Белоруссии убил её малолетнего брата, разорвав за ноги. Причём даже сохранилась запечатлевшая это киноплёнка – таким образом фашисты закрепляли отношения с предателями. Доживал свой век после определённой ему судом гуманной десятки в своём доме за высоким забором, поскольку мужики, его соседи, сказали: «Высунешься, убьём!» Во время следствия вёл себя в соответствии со статусом предателя – «сдал» своих поделщиков.

Нечеловеческие условия существования и издевательства в советских лагерях этих людей не касались.

Никто не бедствовал и из будущих беглецов группы Пугачёва-Тонконогова. Они сумели втереться в доверие администрации. Двое – бригадирами, двое – дневальными. Остальные – повар, парикмахер, сапожник, художник, хлеборез, портной, водонос. В рассказе В.Шаламов изобразил Пугачёва культургом, других членов его группы – бригадирами, поваром, фельдшером, техником по оружию.

Родившийся в лагере магаданец Юрий Н. рассказывает, что бывшие немецкие пособники в посёлке Стекольном «собирали лампочки», а заключённые из женского лагеря, где находилась его мать, валили лес.

О подобных людях вспоминает бывшая сиделица колымских лагерей М.Алимова:

«...После освобождения многие не спешили возвращаться в родные края. Кого совесть мучила, кто побаивался. Один как-то осмелился. Так его в родной деревне мужики поймали и сказали: «Ночь можешь переночевать, а утром чтобы твоего и духу не было. Не уедешь – убьём». А как же иначе, если он помощником бургомистра при фашистах служил. К нам вернулся, и больше об отъезде и не помышлял. Такие у нас в лагере в охране были – самоохранники назывались. Чистые звери, нелюди. Над заключёнными издевались».

То есть где-то им поручались даже надзорно-полицейские функции над себе подобными, учитывая их опыт, полученный в период службы у гитлеровцев.

Это о таких, как они, Никита Михалков сказал в фильме «Цитадель» мудрыми, и сегодня не теряющими актуальность, словами, вложив их в уста И.В. Сталина: «Им всё равно, какая власть, что наша, что немецкая...»

Делать героя или страдальца из бывшего власовца, полицая это даже не по христиански. И не только. В священных писаниях

почти всех религий мира, на многих языках сказано: «предавший однажды предаст не единожды». И именно поэтому А.Гитлер не пожелал встретиться с предателем генералом Власовым. А наши «власовцы» вначале изменили красноармейской присяге. Потом, по накатанной сдавшись в плен уже Красной Армии, изменили и клятве, данной фашистам, активно работая на «ненавистный» советский режим, как полицай с орденом Дружбы Народов, о котором рассказывается в вышеупомянутой статье в «Аргументах и фактах». А после того, как в стране сменилась идеология, такие орденосцы и передовики производства быстро переориентировались, став обиженными советским режимом и его противником.

Героизируя этих людей, мы забываем тех, кто, попав в похожую с ними ситуацию, столкнувшись с врагом, бился до последнего, подорвал себя последней гранатой, или, попав в плен раненым и беспомощным, переносил муки фашистских концлагерей, но не изменил своей стране, присяге и не смалодушничал, взяв в руки оружие, направленное против своих соотечественников. К таким людям относится Владимир Бочкарёв, чей «Дневник узника фашистского концлагеря», над которым мне пришлось работать, опубликован в № 21 «Колымских просторов», преданный прямым начальником генералом Власовым. Именно такие люди, как Бочкарёв, трижды пытавшийся бежать из плена, а после освобождения снова направленный на фронт, составляют генофонд нации. Именно они должны быть примером для будущих поколений.

Как завещание нам – потомкам звучит найденная вяземскими поисковиками записка, которую написал в плену 10-го октября 1941г. обыкновенный советский солдат М.С.Крутов (опубликовано на сайте AesliB):

«Дорогие люди, соотечественники. Не забывайте нас. Мы, что могли бороться, боролись с фашистским псом. Ну вот, пришёл конец, нас захватили в плен раненных. Истекаем кровью, и морят голодом, издеваются над нами, гонят нас насильно в Починки. А (что) дальше будет, не знаем. Много народу уже поумирало от голода. Кто найдёт эту записку, пускай её передаст в любые органы власти, в сельсовет или в колхоз, или в архив. Может быть, останутся люди живы кто-нибудь на родной земле. Не может быть, чтобы эти гады всех перебили. Кто после нас будет живой, пускай помнят, что люди боролись за свою Родину, любили её как мать. Мы непобедимы!»

Я выполняю Вашу просьбу, товарищ Солдат!

Честь имею!

г. МАГАДАН

В пятидесятых годах прошлого века лётчики, пролетая над Момским районом Якутии, и редкие охотники, гоняясь за дичью, среди тайги видели древний город, затерянный среди северных гор. Пред ними открывалась мистическая картина: почерневшая от времени деревянная, удивительной красоты, церковь высится над городом-призраком: большинство строений разрушено до основания, улицы заросли тальником и высокой травой, рядом с часовенкой кладбищенские кресты будто бы говорили о чём-то зловещем, что произошло в этих краях полтора века назад. Только ветер одиноко гуляет и завывает среди печальных развалин, иногда он ударяет в колокол, тогда тот гулко отзывается, как будто из небытия. Уныло глядят на мир пустыми глазницами оконные и дверные проёмы. Это был позабытый, стёртый из памяти людей, таинственный город Зашиверск.

Барвара КОРЯКИНА

ТАЙНЫ ЗАТЕРЯННОГО ГОРОДА

Что известно об этом загадочном городе? Пронесёмся сквозь века.

Скупые архивные данные гласят, что история города Зашиверска началась в 1639 году, когда русские казаки заложили новое поселение на берегах реки Индигирки в Заполярье. Название города образовано от слова «шиверы», что означает – каменные пороги. Зашиверск имел выгодное географическое расположение, находясь на пересечении сухопутных и водных маршрутов Якутско-Колымского тракта.

В 1783 году Зашиверск с учётом наличия в нём крепости и церкви получил статус города и административного центра Зашиверского уезда, в составе Якутской области Иркутского наместничества. 26 октября 1790 года высочайше утверждён герб города Зашиверска.

Город был по тем временам большой, имелось много зданий: здесь разместились градоначальник и городская ратуша, уездное казначейство, уездный суд по уголовным делам, земский суд и другие учреждения. Открылось питейное заведение, хлебозапасный и соляной магазины. Горожане занимались охотой, рыбалкой и даже земледелием. Юкагиры, эвены и якуты снабжали горожан молочными продуктами, дичью, олениной, медвежатиной и говядиной.

В городе существовала хорошая церковная библиотека, которая располагала справочными книгами по морскому и военному делу.

Время от времени тунгусские племена нападали на этот город-острог, поэтому Зашиверск был обнесён высокой крепостной стеной.

Из документов, которые чудом сохранились, видно, что в XVIII веке жители окрестных мест привозили в Зашиверск меха, ценившиеся на вес золота. Каждый год в ноябре или декабре у стен деревянной крепости устраивались многолюдные шумные ярмарки. Приезжие на санях купцы из Якутска сбывали посуду из железа, ткани, бисер, сахар, табак, местное население – пушнину, бивни моржей и мамонтов.

Вся история этого загадочного города окутана мифами и мистикой.

В народе в момских краях сохранились легенды о Зашиверске. Ведь каждое древнее сказание несёт отпечаток реальных событий и отголоски канувших в небытие времён...

Первое предание повествует о тайнах строительства этого города. Проводником у сибирских первопроходцев был местный житель Бэрт Чёрёгёр. Личность весьма неординарная, мифическая: богатырь, который редко рождается в этом Среднем мире, к тому же ещё обладал, видимо, и некой шаманской силой. Он и определил местность, где был заложен Зашиверск. А место ему указали духи...

С крестом церкви связано ещё одно предание. Богатырь Бэрт Чёрёгёр сам подбирал особое дерево для креста на купол Спасо-Зашиверской церкви.

Дерево было очень большим и росло на горе «Чубукулаах» (место, где водится горный баран). Бэрт Чёрёгёр сказал: «Если есть Бог, то я не умру», срубил дерево, сел на него верхом, и съехал с высокой горы до самого подножья, и остался при этом живым и здоровым. С тех пор гора эта называется Кириэстээх хайа («Гора с крестом»). Богатырь сказал, что дерево это особенное и под крестом из заговорённого дерева церковь будет стоять на века.

Бэрт Чёрёгёр с одним условием указал эту местность: жители нового острога должны относиться бережно к этим благодатным местам, которые даруют изобилие и богатство, охотиться и добывать пушнину в меру, постоянно задабривать духов местности, отдавать им почести и говорить слова благодарности за дары. Если не будут соблюдаться древние законы северных народов, то беды жителям города не миновать. Но не всегда условия мифического богатыря выполнялись, тогда, когда алчность людей переходила рамки разумного, в городе случались пожары или наводнения.

01 / 2017

Из архивных документов видно, что жители Зашиверска умели справляться с трудностями: город благополучно пережил несколько пожаров, наводнений и нападений, но решающими факторами его исчезновения стали сокращение пушного промысла и повторяющиеся эпидемии оспы.

О страшной гибели города повествует другая печальная индигирская легенда, пронесённая сквозь века.

В те незапамятные времена северный город с прекрасными, богато украшенными, домами, многочисленными жителями, процветал. Рождались в этом городе очень красивые и умные дети от смешанных браков. Народу здесь жилось вольготно.

Тогда были в Зашиверске два самых почитаемых человека: шаман и священник, порой враждовавшие меж собой.

Однажды на шумной зашиверской ярмарке шаман увидел в повозке у одного из купцов богато окованный сундук невиданной чудной работы и приказал немедленно выбросить этот сундук – закопать в нелюдном месте или сжечь его. А священник разрешил раздать людям добро, хранившееся в сундуке. Сундук оказался без хозяина, никто и не знал, чей он. Люди не понимали, что устрашающего увидел местный чародей в этой красивой вещи. А в сундуке была богатая одежда, шубы из дорогих мехов.

Люди из жадности отказались следовать указаниям шамана, а прислушались к словам священника, расхватав ценное содержимое сундука. Через несколько дней в городе началась эпидемия чёрной оспы. Заболевшие участники ярмарки в ужасе разбежались по тундре, разнося заразу. Людей умирало так много, что их не успевали хоронить, ведь была зима, некому было копать мёрзлую землю. А весной трупы плыли вниз по реке Индигирке... Опустела в те времена момская земля.

Страшной ценой заплатились зашиверцы за свою алчность и жадность. Такова была гибель этого некогда процветавшего заполярного города. С тех пор в этот призрачный город не ступала нога человека. Местные охотники и странники стороной обходили эти места, где поселилась «чёрная смерть». Так и остался стоять среди гор и тайги этот заброшенный и забытый город.

На этом зловещая история Зашиверска не закончилась.

Путешественники и полярные исследователи первой половины XX века, поднимаясь по Индигирке, видели, что Спасо-Зашиверская церковь по-прежнему стоит среди мёртвого города и к тому же неплохо сохранилась. Будто бы предсказания легендарного Бэрт Чёрёгёрэ сбылись, церковь простояла почти два века и была настолько великолепна, что дух захватывал при виде её.

В 1969 году было решено снарядить экспедицию по спасению этого необычного памятника архитектуры. В состав экспедиции входили историки, археологи, архитекторы, фотографы и кинооператоры. Прилетев на место, исследователи были поражены.

Руководил экспедицией Алексей Павлович Окладников – историк, археолог, один из основателей Института истории, филологии и философии СО АН СССР. Окладников с восхищением писал о церкви:

«Сойдя с вертолётa, мы оказались как бы лицом к лицу с древним мастером, чей топор с удивительным мастерством вытесал и подогнал друг к другу мощные брёвна срубов, искусно прорубил проёмы для окон, которые некогда закрывались слюдяными оконницами, вздыбил высокие шатры, увенчанные грациозными главками. И над всем этим великолепием он вознёс лёгкие и строгие контуры крестов, соперничающих в своём стремительном взлёте ввысь с окружающими горами, и, кажется, даже с самими облаками».

Алексей Павлович Окладников, собирая материал об освоении Сибири, нашёл потерянное имя мастера, воздвигшего это чудо северной архитектуры – Спасо-Зашиверскую церковь. В одном из старых документов, описывающих «древнеправославные храмы божьи» было сказано, что зашиверская церковь сооружена в 1700 году, а «имени мастера нет в документе, но по преданию таковым был местный житель мещанин города Зашиверска Андрей Хабаров».

Но эта экспедиция закончилась печально. Древняя «чёрная смерть» спустя века настигла и участников экспедиции. Как гласит народная молва, археологи вскрыли несколько захоронений в Зашиверске. Одно из них было могилой прекрасной юной дочери местного шамана, которую унесла страшная беспощадная эпидемия.

Смерть красавицы – дочери шамана имеет свою тайную историю. Как говорится в рассказах былых времён, в прекрасную девушку был влюблён сын священника, и юноша подарил юной дочери шамана соболью шубу, которая досталась ему из сокровищ того злополучного сундука. Девушка с радостью приняла дар возлюбленного, укуталась дорогим красивым мехом, заразилась страшной неведомой болезнью и умерла мучительной смертью.

А сам молодой человек не заболел, рассказывают, что молитвы отца оградили его от гибели. Но не смог юноша перенести смерть своей возлюбленной, и сам наложил на себя руки, повесился на высокой колокольне. Тем самым обрёл сын священника свою бессмертную душу на вечные страдания. И его неупокоенная душа навсегда осталась в этом мире и бродит среди развалин города-призрака.

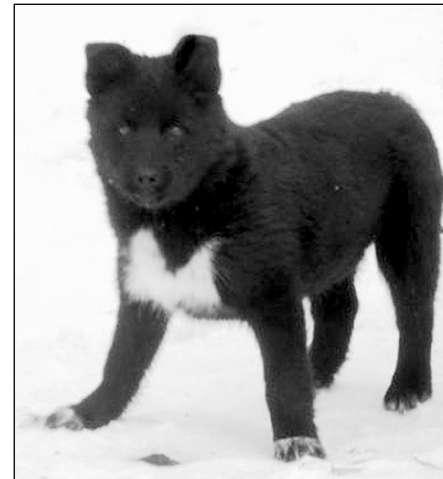
Человек, который первым вскрыл гроб девушки – профессор Иван Маковецкий и снимавший все эти действия кинооператор Олег Максимов были инфицированы спорами оспы и погибли. Тайнственное проклятие затерянного в глубине якутской тайги мистического города нашло новые жертвы.

Таковы тайны загадочного мёртвого города Зашиверска. Таковы предания ушедших столетий...

Людмила
КОЖЕВНИКОВА

ПРОВОДНИК

Щенок давно был на ногах, успел вместе со всеми позавтракать и теперь от нечего делать приставал к ездовым собакам, которые, дожидаясь хозяина, стояли в упряжке. Те же лениво, как от назойливой мухи, отмахивались от него, пёсик обижался, отбегал, громко лаял, потом снова приставал, потом снова с лаем отбегал, путался под ногами и до того примелькался, что после, когда поздно вечером его стали искать, домочадцы никак не могли припомнить, когда он пропал со двора. Куда мог подеваться трёхмесячный пёсик?! Не мог же провалиться сквозь твёрдую, как камень, землю или уйти с головой под воду, если река, к великой радости для конькобежцев, давно превратилась в сплошной ледяной каток. Вот ведь как ещё бывает! Обыскали все дворы, все подворотни, даже ходили в район новостроек, думали, может, придавило или зажало досками и не может он никак оттуда выбраться, кричали, искали, звали – не помогло. Замёрзли, устали, проголодались, время позднее, вставать рано кому на работу, кому в садик, кому в школу. По дороге домой рассудили так: «А что, собственно, произошло?! Что мы все так вдруг всполошились?! В первый раз, что ли, собаки теряются? Так их никто не ищет, они сами по себе находят, тогда чего мы волнуемся?! Он, поди, уже дома и давно десятые сны досматривает». Но, к сожалению, в будке пёсика не было, домочадцы понадеялись, что утром он вернётся. Но, увы, прошедшая ночь ожидание людей не оправдала, более того, во дворе не досчитались ещё одной собаки, исчезла мать первенца – молодая лайка. Неумолимое время отсчитывало секунды, они складывались в минуты, часы, уже зажглись уличные фонари, раскачивая верхушки вековых сосен, тяжёлый гул спускался с небес на землю под снегом, люди работали, смеялись, водили детей в садик, красное зимнее солнце, Луна – ничего не изменилось с той поры, как пропал маленький щенок, жизнь продолжалась. Так же, раньше всех, выходили на проезжую часть дороги снегоуборочные машины, в след за ними спешил другой вид транспорта, обгоняя друг друга, они торо-

пились быстрее преодолеть опасный участок трассы, где их поджидала злая, очень худая собака. Она с громким лаем набрасывалась на проезжающих, бесстрашно кидалась им под колёса, потом ещё долго с громким лаем, сломя голову, преследовала уезжающих. Такое агрессивное поведение лайки раздражало, мешало движению, люди притормаживали, брали палку, отгоняли, уезжали. Со временем шофёры настолько привыкли к её приставаниям, что их даже стало обижать, оскорблять безразличие, которое овладело собакой при их появлении. Теперь с точностью наоборот поменялись местами люди и несчастная лайка, теперь завидев её, они сами притормаживали, останавливались, сами подходили, даже пытались с ней заговорить, приносили еду, но она словно оглохла и ослепла. Молва о странной собаке дошла и до её Хозяина, домочадцы просили мужчину поехать, вернуть лайку домой, в ответ неизменно слышали: ...не трогайте её!

После Покрова дня на улицах села выросли причудливые сугробы, подступая к широким огородам, за оковицей сплошной стеной стоял сосновый бор, снегоуборочные машины выстроились в ряд во всю длину трассы, они, сменяя друг друга, сутками убирали снег с проезжей части дороги, что правда то правда, в эту зиму слишком был обильным урожай снеговых, а быстрая позёмка с небывалым усердием заметала как старые, так и новые следы. Хозяин упряжки, высокий мужчина, визуально казавшийся ещё выше из-за своей длиннополой меховой малицы, вышел покормить собак и увидел Лайку... она была одна. Псы быстро справились с завтраком, только Лайка не думала о еде. Несчастливая лежала возле опустевшей будки первенца, может, спала, может, делала вид, что спит, но глаза у неё были закрыты. Мужчина вздохнул, перевернул крепкую берёзовую чурку, подо-

01 / 2017

гнув под себя полы длинной малицы, уселся на неё и стоявшие собаки, словно по команде, опустились не думающим местом на снег. Стало тихо, даже как будто тёмный бор приглушил свой веками вечный стон, прислушался к словам хозяина упряжки, а они лёгкой, очень осторожной ранозаживляющей мазью ложились на истерзанную больную душу матери-лайки.

– Почему ты решила, что он пропал? Может, просто заблудился, кровь у него горячая, охотничья, увидел белку, побежал за ней, вот она и увела его в глубь тайги. Посмотри, сколько много навалило нынче снегу, думаешь-то сама как, легко ли ему обратную дорогу домой найти?! Ведь он совсем ещё ребёнок, может, чего испугался, может, ещё каких других страхов натерпелся. Так что, мать, ты давай брось это мокрое дело, нечего сердце своё материнское почём зря надрывать. Помолчав, добавил с уверенностью в голосе: «Я вот что думаю, порода у него хорошая, охотничья! Не сегодня, не завтра, а может, на днях сам на людей выйдет».

В самый разгар рабочего дня в столичном здании аэропорта погас свет, видимо, где-то на линии произошёл обрыв электрических проводов. Как-то сразу стало темно, неуютно на всех трёх этажах красивого помещения вокзала, выдержанного в стиле «модерн» из стекла, пластика, никелированной стали. За высоким стеклянным окном творилось что-то не вероятное: по проезжей части дороги пролетел (к счастью) пустой мусорный ящик, неосторожного случайного прохожего подхватило ветром и куриным пёрышком закинуло в глубокий сугроб. Циклон, о котором накануне предупреждали синоптики, вошёл в город и теперь хозяйничал на территории аэропорта, занимаясь отнюдь не восстановительной деятельностью, этим занимались люди, они устранили обрыв на линии, и в здание вокзала вновь появилось электричество. Заработала голосовая связь, включилось расписание вылетов, против каждого рейса высветилось одно слово «отмена». Ожидаемое решение!

– Делать больше здесь нечего, дождёмся утра, – говорили расстроенные пассажиры, занимая длинную очередь в багажное отделение. Зал ожидания быстро пустел, люди выбегали на встречу непогоде и, согнувшись в три погибели, бежали к припаркованным дорогом автомобилям. Садилась в него, газанув, резко срывались с места, вписываясь в один ряд со многими другими отъезжающими. В салоне гремела музыка, уютно жужжал кондиционер, обволакивало теплом напольного вентилятора ноги, мягкое удобное кресло с подогревом принимало форму тела, по телевизору шла реклама о здоровой пользе зубочисток, за лобовым окном метался дворник, безуспешно пытаясь насухо вытереть слезившееся стекло. Утро, день, ночь, ещё утро, день, ночь... Зал ожидания – яблоку негде упасть, к пассажирам ранее не улетевших рейсов прибывают новые, те и другие одинаково в один голос ругают непогоду, красивое, с неоновой подсветкой расписание вы-

летов давно потеряло былую привлекательность. Теперь люди всё больше уповают на небеса, пилоты тоже ждут не дождутся, когда же воздушная канцелярия даст долгожданное добро на вылеты. Ветер, дождь со снегом, высоковольтные многожильные линии электрических проводов превратились в толстые белые канатные дороги, сплошной паутиной опутавшие небо над городом. Циклон, которому синоптики предсказывали длительное пребывание над полуостровом, укладывался в график. Выходил он из него (из графика) незаметно для нервных горожан ночью, и тогда же ртутный столбик уличного термометра опустился до тридцати градусного деления, а на чистое, без единого облачка небо высыпали очень яркие, очень крупные звёзды. Звёздное утро – прекрасное начало дня! Бесшумно растворялись высокие стеклянные двери, пуская входящих, табло пестрит открывшимися по всем направлениям рейсами. Зал ожидания – яблоку негде упасть, улыбки, смех, и пока одни получали из багажного отделения ручную кладь, другие стояли в очередях к кассам регистрации, Ми8 тяжело оторвался от земли, поднялся в воздух и взял курс на север. Плановый вылет в оленеводческие бригады Байдарацкой тундры запоздало, но всё же состоялся. Теперь насколько удачно состоится полёт, зависело от проводника, который дожидался нас в маленьком рыбацком посёлке Белоярск. Большие огни большого города, недавно проснувшиеся автомобильные гудки, белый снег на высоких домах, длинный ряд снегоуборочных машин на трассе федерального значения, быстро промелькнула одинокая избушка охотника, занесённая снегом под самую крышу, теперь ещё не скоро будет встреча с человеческим жильём. Полярная звезда, созвездие Ориона, очень тоненький месяц, снег и Его Величество Холод. Он везде: далеко внизу, высоко под облаками, справа, слева, за бортом, на борту. Сшитая по спецзаказу одежда надёжно удерживает тепло, а вот незащищённые места (щёки, нос) нет-нет да ущипнёт мороз. Как заядлый курильщик выпускает колечками папиросный дым, так и у нас при разговоре вылетает, клубится пар изо рта. И потому, чтобы не заработать ангину, без особой нужды не простужаем гланды, а всё больше молчим и слушаем эфир, а там есть что послушать. Близкий рассвет, штурвал, груз, свист пропеллеров, шум моторов, противопожарный щит, кольца, поршни, воздушные ямы, снег...

Если бы не показания счётчиков: километраж, давление в приборах, расход топлива, да всё та же работа эфирного времени, ощущение, что вертолёт просто так взял да и висит себе от нечего делать между небом и землёй и всё так же от безделья молотит морозный воздух, думая, как бы его чуток согреть, очень даже могло быть. Но как бы там, что и было и не было, а к намеченной цели, посёлок Белоярск, подлетели вовремя. Утонувшие в глубоких сугробах деревянные дома, тенью уличных фонарей пролетели немногие дороги, и вот уже

яркими электрическими огнями светится взлётно-посадочная полоса на реке Щучье, видно стало, как торопливо скатываются по крутому берегу на крепкий лёд лошадиные повозки, собачьи упряжки. Сделав дополнительный круг, идём на снижение, нас уже встречают. Опускаемся сильно шумно, снег взрывается, летит, сбивает с ног встречающих. Но стоящие на льду люди спокойно относятся к созданному вертолётном переполоху снегов, совсем другое дело парнокопытные. Резкие свистящие звуки, ветер, громкий шум моторов пугает бедных животных. Сильно их пугает и то, что не хватает никаких лошадиных сил устоять или как-то удержаться всеми четырьмя ногами за гладкий ускользящий лёд, а он всё куда-то скользит, уходит из-под обутых в сталь копыт, и перепуганные кони невольно пятятся назад, сами того не желая, толкают тяжёлые гружёные сани под берег. В больших лиловых глазах животных, в дивной рамке длинных заиндевевших ресниц мечется страх, в них как в зеркале отражается происходящее на вертолётном пятачке. Видели они (наполненные ужасом глаза), как сорвался, ломаясь, подпрыгивая, летел вдоль берега тяжёлый брезент и как неудачного летуна догнали, со словами «полетел и будет» вернули на прежнее место. Совсем не так просто вот так на раз взять и прекратить работу мощных двигателей, ещё какое-то время мелкой дрожью дрожали натруженные лопасти широких винтов, ещё не полностью отстучали последние громкие аккорды все ходовые части металлического организма, а уже другие звуки, запахи, шорохи спешат, торопятся на смену им. Приподняв полы длинных малиц, аборигены выбивают набившийся под него снег, негромко переговариваются, смеются. Скрипя ключичинами, подъезжают под самый борт деревянные тяжелогружёные сани, цепляясь подковами, чиркают лёд успокоившие лошади, человеческие голоса, задорный лай собак, со стороны посёлка долетел и ворвался на вертолётный пятачок вкусный запах свежей выпечки, которую пекарь недавно вытащил из большой кирпичной русской печки. Яркие звёзды поднимались выше, бледнели, по времени тёмная ночь шла на уступки светлой части дня, но теплее от этого не становилось, низкая температура воздуха как была, так и держалась на прежнем уровне. Мороз не ослабевал, но, как это ни покажется странным, он не был против людей, скорее наоборот, стал союзником: от быстрых движений сильнее двигалась кровь по жилам и, подзадоривая друг друга, весело, шутливо кричали работающие: «...эй! братуха! не лови ворон!» От мелькания рук, от тёплого дыхания людей, животных вроде даже как теплее стало на холодном снегу посреди зимы. Уже после всех работ человек в форме передал Командиру небольшую картонную коробку с грозной надписью «Осторожно! Огнестрельно!» Патроны МК! Вот это подарок так подарок! Не всё же олениво-

дам от волка отстреливаться дробью, умный жестокий зверь достоин стального отпора. Всё загружено, что следовало передать передали, проводник на борту, раскручиваясь, набирают скорость отдохнувшие лопасти стальных широких винтов, снова, ветром надуваясь, пузыряются, становясь колоколом, длиннополые малицы провожающих, неугомонный брезент вновь обрёл силу высоты и, подпрыгивая, складываясь, полетел вдоль реки. Здравствуй вверх хвост, МИ8 тяжело оторвался от земли и полетел в сторону Карского моря. Проводник, высокий ненец, привычно расположился в проходе между нами, приподняв полы длинной малицы и подогнув их под себя, опустил на железный стул. Когда он обернулся, на обветренном лице его от виска до уголков красивых длинных губ белел шрам, когда-то искусно наложенный шов успел исчезнуть, оставив тоненькую видимую память. Проводник наш оказался мужиком толковым, знающим тундру (как он сам говорил, как свои пять пальцев), для него она была раскрытой книгой, и он нам её читал, причём без акцента на хорошем русском языке. Чем ближе к Карскому морю, тем больше сгущались туманы, лететь становилось всё сложнее, но по каким-то понятным только ему признакам северянин проследил маршрут калашника оленеводов и точно вывел на стойбище. И вот уже навстречу, в смотрящее лобовое стекло, полетело человеческое жильё кочевников. На знакомый приближающий шум всегда и везде первыми выбегают дети, а уж потом степенно выходят взрослые. Всё население стойбища (несколько десятков человек) рады были видеть нас, а как же, ведь это целое событие: прилетел вертолёт! А мы как были рады! Этот сложный по погодным условиям район облёта у всего лётного состава пользовался плохой славой и когда благополучно опустились на хороший твёрдый снежный наст, позволил себе расслабиться и с облегчением выдохнуть: ...пронесло. Червячок недобро ухмыльнулся... Нескоро моторы отстучали последние аккорды, ещё подрагивая, тяжело обвисли широкие лопасти натруженных винтов. И вот мы оказались совсем в другом временном измерении: жилища людей – чумы, вокруг них ходят олени, маленькие сторожевые собаки со звонким лаем бегают, охраняют стадо, меховая одежда аборигенов, другая речь, запах дыма, настоящий на травах чай, улыбающиеся люди в длиннополых зимних малицах двумя руками крепкожимают мою протянутую руку и, заглядывая в лицо, тепло спрашивали говорили: «...аньтарова... здравствуй! как долетели? как дети дома?» Долетели благодаря проводнику даже лучше, чем просто хорошо, экономия вышла во всём, особенно во времени, теперь важно

было его не упустить, и она в самом прямом смысле находилась в руках встречающих. Оленеводы знали об этом, так что не было никакой нужды их поторапливать: те, кто погорячее да помоложе, давно уже сняли малицы, а кто постарше – остерегаясь, лишь откинули меховые капюшоны за спины; тут же между ними бегают маленькие сторожевые собаки, всем своим видом старательно показывают, что они, дескать, тут с ними, со своими хозяевами, и готовы выполнить любое поручение, только пусть им скажут. Мороз, падает снег, вместе с грузом люди носят его на плечах, он лежит, не тает на бровях, крупными хлопьями висит на ветвистых рогах оленей, воздух пахнет вкусным берёзовым дымом и свежезаваренным чаем. Нашего (за короткое время общения он стал таким для нас) проводника среди разгружающих не было, не было видно его среди стоящих возле вертолётта, от такого невидения у меня в душе опять появилось было какое-то не здоровое волнение, но отвлекла работа. Под самый борт вертолётта, скрипя деревянными полозьями, поочерёдно подъезжают пустые оленье упряжки, отъезжают гружёные, мелькают улыбки, смех слышался, движение рук предельно точны, как у хорошего хирурга. Соперничество северян с короткой продолжительностью зимнего светового дня заслуживает всяческих похвал. Не сбавляя темпа, с такой же сноровкой оленеводы загрузили борт свежзамороженными оленьими тушами, занесли несколько мешков с субпродуктами (печень, почки, языки, сердце), закатали небольшую, литров на пятьдесят, деревянную бочку с хорошо видимой надписью на крышке: капуста белокочанная квашеная с мочёными яблоками, теперь в ней по сопроводительным документам числилась рыба хариус малосолёный. Все работы завершены, а проводника нет, я подумал уже послать на его поиски, но он и тут оказался на высоте: перехватил мои мысли. Из близкого чума вышла небольшая толпа людей: что ребятишки, что взрослые все в одинаковых длиннополых меховых малицах, не увидев нашего проводника среди них мог разве что незрячий. С таким ростом только в баскетбол играть! Уже и шумные моторы работают, уже и отдохнувшие тяжёлые лопасти винтов, разогреваясь, летят по кругу; поднимается снежная буря, а люди не расходятся, всё население стойбища вышло нас провожать, приветливо машут рукой, желают доброго пути, переговариваются, улыбаются. Снова становятся колоколом, пузырятся длиннополые малицы аборигенов, снежный ураган сбивает с ног детей и несёт по ветру, но это только веселит малышей, других возрастов ребят нет в стойбище, так как с началом учебного года на вертолёттах их собирают по всей тундре и вывозят в школу-интернат, где они живут и учатся весь учебный период. Тёмным кружевом растаяло на горизонте жильё кочевников, звонкий лай маленьких сторожевых собачек, весёлый детский смех ещё звенел

в ушах. Держим курс на Белоярск, с шумом летят над головой пропеллеры, разноголосье стоит в эфире, за бортом холодно, да и в кабине не Африка, хотя красное солнышко, заглядывая в окно, катится совсем рядышком. Что мне нравится в сильные морозы, так это отличная видимость, даже удалось повстречать одинокую стойкую былинку, чему мы были очень рады. Видели вспугнутую большую стаю арктических куропаток, которая белоснежным облаком вспорхнула из-под снега и, недалеко перелетев, снова с головой зарылась в «куропачий чум». От души посмеялись над зайцем-беляком: заметая следы, петляя, перепуганный, он бежал неведомо от кого неведомо куда. Грозу оленеводов, санитаров тундры, жестокого умного зверя не видели, не очень-то и хотелось! Что ему делать в голодной тундре? Пропитание он находит, преследуя стада оленей, разбойник, конечно, он и есть разбойник, но без него тундре тоже нельзя. В одно время чуть было не под корень уничтожили грозного хищника, да вовремя остановились, тревогу забили сами же оленеводы: участился падёж оленей, парнокопытные стали чаще болеть. С тех пор карательные операции с привлечением авиации прекратились, поголовье удалось восстановить, но количество «санитаров тундры» с этого момента постоянно контролировали. Да и сам умный зверь тогда приобрёл бесценный опыт выживания при встрече с вертолёттом: бег врассыпную. Вот так всё не просто! Кругом снег, один снег, везде снег, от такого однообразного мелькания устают глаза. Прилетим в Белоярск, высадим проводника, доберём кое-какой груз, возьмём на борт студентов, опаздывающих из-за непогоды на рейс в Тюмень, а там до Салехарда уж рукой подать. Дорога домой почему-то всегда кажется короче, даже вроде и снег приветливее стал, что ли. Привычно шумно над головой летят по кругу винты, громко работают моторы, на какой-то волне хороший голос тосковал о чайной розе. И вдруг, вот так встреча! Не хотел бы я такой опасной встречи на земле да в чистом поле: услышав знакомые приближающие звуки, большая стая волков раскатилась горохом по тундре. После вчерашнего разбойного нападения на оленье стадо, нелегко им дался этот неожиданный марш-бросок.

– Отъели брюхо! Сейчас, поди, и сами тому не рады, – сказал вслух проводник.

– Тяжело бегут! – согласился с ним Командир и продолжал: – Что-то опять много их развелось.

– Лето было нынче тёплое, сытное, вот потомство и сохранилось полностью.

С шумом пролетели над головами убегающего жестокого зверя, надолго замолчали, каждый думами был далеко у себя. Стекло, пулыт, груз, снег... краешком глаза заметил, как что-то промелькнуло за бортом, подумалось: померещилось! устал вот и мерещится всякое! Ладно, если бы только мне одному показалось. Командир и проводник тоже почувствовали неладное.

Решили проверить, пошли на дополнительный круг, убедились, не ошиблись, действительно в этом месте снег был не один, с этой минуты каждый думал, что думал другой и, дума эта была одна на троих и очень плохая. Командир предупредил диспетчера о вынужденной посадке, теперь все наши действия, мысли были обращены к нему, застывающему на морозе. Думали, советовались, как ближе опуститься, местность неподготовленная для приёма тяжело-грузёного вертолёта, рисковали... Выработали дальнейший план действия, решено было командиру остаться на связи вхолостую работающего вертолёта, а я и проводник поспешили на помощь попавшему в беду. Стыдно признаться, по возрасту он мне в отцы годился, а утнаться за ним, при всём моём хотении, не получалось. Очень слабым утешением в таком позорном оставании разве что были слова далеко ушедшего товарища: «Рисковать почём зря не будем, кто знает, может, это волк нас поджидает (молодец! о другом ни слова), на тот случай у меня нож есть, так что я пойду вперёд, а как махну рукой – подойдёшь». Очень издали на белом снегу чёрное виднелось ярким пятном, странно, почему мы раньше его не заметили, когда летели к морю?! Это что же получается?! Утром, когда было ещё довольно светло, не заметили, а темнеть начало и вот тебе, батюшка, Юрьев день! После вчерашнего обильного снегопада идти по тундре невозможно тяжело, часто проваливаюсь, что никак не скажешь про моего спутника, ненец идёт легко, словно на лыжах. Удивляюсь, при его весе, может быть, центнер с лишним идёт, и дышалка у него будь здоров, ещё та. Приеду домой, нет, не сегодня, сегодня и так устал, а вот завтра начну прямо с утра зарядку делать, будильник бы не забыть поставить вперёд на час, нет, час много, на полчаса. Даже смешно, сам с собой торгуюсь, о чём только я думаю?! Не о себе любимом думать надо сейчас, не о себе, мысли мешаются, с места на место перескакивают, да и как-то страшно в тундре. Как только здесь ненцы живут, даже электричества нет, звёзды вместо него, а ведь живут! И не просто живут, работают, влюбляются, женятся, а какое у них (сам видел) нежное отношение к жёнам, детям?! Как много снега! Не могу идти, во всём теле такая усталость, что прямо тут бы лёг и заснул: «зачем мне это нужно? идти чёрт знает куда, не известно кого спасать, кому уже наверняка моя помощь не нужна». А червячок тут как тут, ухмыляясь, поддакивает: «Правильно мыслишь. Зачем за этим мужиком идёшь как на привязи? Пока следы не успело занести по ним легче выбираться назад, иди в вертолёт, обогрейся, выпей глоток горячего кофе из термоса... Этот абориген малахольный сам всё делает...» Действительно, зачем?! Так думал я, с трудом выбираясь из очередного сугроба, а как увидел условный знак, так душой воспрянул и... побежал. Откуда только всё и взялось: вдруг силы появились, дышалка по-новому открылась, сам себе удивляюсь. Думать начал. На пролом уже не лезу, выбираю, где есть сугроб – обхожу, всё боль-

ше к блеснувшей поверхности наста стремлюсь, то как перекаати-поле сделаюсь, не вдруг прародителя пращура своего далёкого вспомню и на четырёх костях передвигаюсь, а где и крепким матом себя обложу... помогает. Уже и не помню, когда мне так было хорошо, чувствую, по спине пот градом идёт, мокрый весь, словно только из воды вылез. Совсем другое дело проводник, подумалось с грустью: что будет со мной к его годам?! Пока терял время в снежных заносах, пока другой ерундой накручивал себя, товарищ мой занимался делом: освобождал маленькую собачку из большого волчьего капкана. Слава богу, это было не то, о чём мы даже вслух боялись себе признаться, хотя и щенка тоже жаль, совсем маленький, больше двух-трёх месяцев не дашь, а худой. Вот никак не думал, что это собака.

– Странно, почему утром его не заметили?!
 – Правильно, не заметили! А как можно видеть то, чего на самом деле нет, вот потому и не заметили. Утром его здесь не было, он сюда недавно приполз. Видишь, следы совсем ещё свежие, тогда спозаранку щенок только выследил нас по вертолётному шуму, умница большой, запомнил маршрут и полз, брюхом тундру от горизонта до горизонта пахал.
 – Как же так оленеводы оставили его такого маленького одного умирать, не люди, что ли, да хоть бы от капкана освободили, – возмущался я, – вот уж никогда не думал, не ожидал от них.
 – Погоди! Не торопись обвинять, оленеводы тут ни при чём. Ты же сам своими глазами сторожевых собачек видел, а сейчас к этой приглядишься. Ну что, разницу видишь?!
 Поразительно! Гладкая чёрная шерсть, длинные стройные ноги, белый галстук на груди, хвост крючком. Как это ни странно, но белый снег строго оттенял породистость щенка, перед нами лежал щенок лайки. Я никак не мог сдержать удивление и от неожиданности воскликнул первое, что пришло на ум: «...где тайга? а где тундра!» Ненец вздохнул, как перед прыжком в воду, сказал: «Не спорю! Далеко! А что поделаешь?! С каждым такое может случиться, тем более в тайге охотники лесом живут, капканы ставят, посчитай, на каждом шагу. А этот, дурачок, на одну из них и напоролся. Как ещё жив остался?! Тут от одного страха, когда ловушка сработала, можно было умереть. Жаль... кому хромой пёс нужен, в упряжку такого не поставишь, пропадёт...»
 – А можно я его себе возьму? – вдруг, словно на взлёте, выпалил я.
 – Вот это правильно, вот это по-нашему! – обрадовался проводник, а я обрадовался, что он обрадовался. Чувствую, червячок недово-

01 / 2017

но зашевелился, бледнеть начал, уменьшаться, слышу, голос у ненца другим стал: «Вот это хорошо! В городе для Шарика будет больше возможностей восстановиться, может, какой протез сделать или что-то другое придумать».

– Почему Шарик?– удивился я.

– Не знаю, – признался он, – как увидел, так и подумал Шарик.

Ненец, как маленького ребёнка жалел щенка, думал о его дальнейшей судьбе, восхищался им, радовался моим словам, что-то говорил о Судьбе, находил нужные слова для чуть живого пёсика, при этом ни на секунду не прекращал работу по освобождению найдёныша. Я тоже не был без дела. Далеко по тундре разлетался шум работающего вхолостую вертолёт, бежала-топилилась куда-то позёмка, подбираясь к захлопнувшему чудовищному механизму ловушки, из-под ножа ненца раз за разом отлетала кусками смёрзшая наледь с кровью, с шерстью бедного пёсика. Не знаю, как объяснить, что дальше со мной произошло. С кем это было, тот меня поймёт, здесь было и не было... приоткрылось и захлопнулось... В десятую долю секунды я познал безграничную хрупкость мира, мне стало страшно, я боялся пошевелиться. Вывел, вернул к снегу, капкану, щенку голос ненца, он говорил, и я начал бояться ненца, словно он читал мои мысли, а самое странное было в том, что Слова были знакомы мне.

– Как сказать! Дело ли случая, или судьба свою игру затеяла, не знаю что и думать, только чувствую я: не проста земля с небом сговорились нам Шарика подбросить.

Случай, судьба, тундра, зима, игра, Шарик, вертолёт, проводник... как всё это не просто!

– Держи крепче Шарика, не бойся! Не отпускай! На счёт три выдёргивай на себя со всей силой! Сделай упор ногами! Готов?!

Это был завершающий важный момент, от напряжения у ненца над верхней губой выступили бисеринки пота, по линии шрама чётко обозначили следы кнопок. Трудно! Смёрзшие намертво железные зубы капкана разжимались тяжело, положение ухудшалось и то, что был подвижным снег. Он уходил, проседал под руками ненца, под давлением большого почти центнер, а может, и больше его веса тела. И у меня не лучшее было положение, мне всё никак не удавалось упереться ногами за рыхлый снег, я психовал, крыл себя последними словами (не вслух, про себя), старался из последних сил. Нервы были на пределе! И когда прозвучал долгожданный счёт «три», меня всего спружинило... щенок мокрым носом ткнулся мне в лицо и... выстрел, сработала ловушка. Щенок ещё лежал у меня на груди, а я никак не мог отвести взгляд от рук ненца... они ходили ходуном. Он как-то виновато улыбнулся в краешек красивых длинных губ и чуть ли не извиняясь сказал: «Помню первого немца, штык ножом заколол, тогда руки так же дрожали...» Посидели на снегу, отдышались! Мне казалось, что прошла вечность, а по часам выходило, что всего лишь

урок математики прогулял. Этого времени в тундре хватило полностью, чтобы теперь нам ориентиром служили только бортовые огни да шум моторов, даже молоденький месяц рожком уже не цеплялся за тучи. Началась метель. Проводник дал мне верёвку, одним концом завязал себя, другим велел обмотаться мне. Выбирать дорогу не приходилось, её практически не было видно, мы в прямом смысле шли на ощупь. Ненец мог бы уйти вперёд, но верёвка ни разу не натягивалась, иногда сквозь шум ветра я слышал его голос, и мне этого было достаточно. Как хорошо, что Шарик с нами, вовремя успели заметить. Такого же мнения были и проводник, и командир. На борту ненец попросил «Аптечку», взял из неё стрептоцид, бинты, анальгетики, попросил воду, а так как было только кофе, он и на это согласился. Скоро Шарик с перебинтованной ногой, накормленный «человеческими лекарствами», заботливо укрытый дарнитом уже спал в хвостовой части вертолёт. Пожарный щит, объявления в рамочках на холодной стене, крашенные обстановочные палки, обледенелый ледоруб, канаты, верёвки и многие другие нужные в вертолётном хозяйстве вещи стали свидетелями чудесного спасения щенка. С шумом летели по кругу винты, пролетали километры пути, уменьшалось количества топлива в бензобаках, приближалось время расставания с проводником. Показался посёлок, сделали обязательный круг, зашли на посадку, тепло за руку попрощались с Проводником, Шарик под действием лекарств спал в хвостовой части вертолёт. Кто-то выходил, кто-то заходил, студенты находили куда присесть, зашумели, заработали моторы, осталось только закрыть двери и улететь, когда я не обнаружил щенка на месте, убежал. Как же так?! Столько провожающих и никто не увидел, когда он убежал?! Мелькая перебинтованной лапкой, он убежал в пустую тёмную тундру. Замёрзнет, пропадёт, я стоял в проёме открытых дверей, кричал, звал, просил вернуться, до последнего верил, что Шарик услышит... Стоящие на льду люди сочувствовали мне, и вдруг увидел проводника, мне почему-то показалось, что его нет в толпе, а он, оказывается, сидел на снях и всё видел. И теперь, заслонившись рукавом малицы, шёл ко мне, на расстоянии слышимости остановился, прокричал: «Я догоню щенка и верну тебе!»

пос. БЕЛОЯРСК,
Приуральский район,
Ямало-Ненецкий автономный округ

Людмила Ильинична Кожевникова родилась в 1952 году на Обском Севере в рыбацком посёлке Седельниково в многодетной семье рода Вятзовых. Окончила Салехардское торговое училище и Ханты-Мансийский торговый техникум. Сейчас на пенсии.

Установка мемориальной доски палачу финского и советского народов Карлу Маннергейму в Петербурге вызвала возмущённые отклики в самых разных слоях общественности северной столицы. Железный фон-барон не выдержал проверки законности «увековечивания». Провисев лишь пару месяцев, побитый и оплётанный барельеф был демонтирован со здания российского военного училища и вывезен за пределы исторического центра Северной столицы – в музей Первой мировой войны. Надеюсь, его сотрудники снабдят барельеф исчерпывающим пояснением о «деятельности» этого персонажа. Впрочем, маннергеймы приходят и уходят, а дружественный нам финский народ остаётся. Следующий год – великий юбилей Октябрьской революции, давшей независимость и народу Финляндии. Возможно, в честь нашего добрососедства стоит вспомнить и других знаменитых финнов. Вот, к примеру, великий композитор Ян Сибелиус и известнейший архитектор и дизайнер Алвар Аалто. Первый испытал на себе влияние великой русской музыкальной культуры, а второй творил, в том числе, на территории Ленинградской области. Знаменитый политический деятель послевоенной Финляндии Урхо Кекконен, поборник советско-финской дружбы и один из творцов современной европейской системы безопасности. Или можно поставить памятник трём братья Рахья – Эйно, Юкке и Яакко – знаменитым красным финнам, чьи образы так и просятся на киноэкран. Достаточно вспомнить Эйно Рахью, личного охранника В.И. Ленина на его пути из Разлива в Финляндию и затем обратно в готовившийся к восстанию Петроград. Эйно Рахья – прообраз большевика Василия в исполнении Николая Охлопкова в фильме Михаила Ромма «Ленин в Октябре».

Константин ЕРОФЕЕВ

Самый весёлый человек Финляндии

Не менее знаменит уроженец Петербурга Адольф Тамми, один из руководителей финской Красной Гвардии и Карело-Финской ССР. Тесно связан с нашим городом генерал Аксель Антилла, прошедший четыре войны – Гражданскую, Гражданскую в Испании, Советско-финскую и Великую Отечественную. В недолгие месяцы Советско-финской войны министр обороны Финляндской Демократической Республики. Впрочем, мне почему-то кажется, что городские власти не поспешат увековечить светлую память этих замечательных финнов.

А вот в честь пребывания в нашем городе писателя и журналиста Альгота Унтолы (псевдоним – Майю Лассила) на доме по Лесному проспекту установлена мемориальная доска. Альгот родился в 1868 году в семье небогатых крестьян в Тохмаярви, в приграничном с нашей страной регионе современной Финляндии. Эта близость с нашей страной, начавшаяся просто как территориальное соседство, сохранится на всю оставшуюся жизнь Альгота. В 1879 году семья из-за долгов переехала в Рускеала, где вскоре умер его отец. В девятнадцать лет Альгот поступил в Сортавальскую (до революции это был город Сердоболь, а теперь Сортавала снова находится на нашей территории) учительскую семинарию. Учился на медные гроши, из-за постоянного безденежья приходилось прерывать учёбу.

Но всё-таки диплом был получен, и почти десять лет Альгот учительствовал в народной школе в Раахе. Опять скромное, почти бедняцкое существование. С профессией учителя пришлось расстаться, и в 1898 году Лассила перебирается в столицу империи – Санкт-Петербург, здесь он шесть лет работал в посреднической фирме по торговле лесоматериалами.

О петербургском периоде жизни Лассилы всё ещё немного известно. Считается, что он состоял в Боевой организации партии социалистов-революционеров и участвовал в подготовке покушения на министра внутренних дел Плеве. Революционеры приговорили Плеве к казни за его изуверскую жестокость. Ещё со времён «Народной воли» он искусно и последовательно преследовал деятелей освободительного движения, охотно присутствовал на жестоких казнях революционеров, «обустраивал» шлиссельбургскую тюрьму. Возможно, у Альгота были и свои счёты с царским сановником. В течение нескольких лет в должности министра-статс-секретаря Велико-го Княжества Финляндского Плеве проводил последовательную политику фактического погрома финского языка и культуры. 15 июля 1904 года карета Плеве взлетела на воздух. Имена бомбометальщиков и непосредственного убийцы министра Егора Сазонова хорошо известны. Где в тот день был Лассила и какова была его роль, неизвестно.

Не удовлетворившись идеями возведённого в эталон индивидуального террора эсеров и краснобайского по своей сути финского мелкобуржуазного национализма, Лассила вскоре перешёл в стан радикального крыла социал-демократов. С 1905 года Лассила ведущий сотрудник пролетарской газеты «Тюёмиэс» («Рабочий»).

Первое десятилетие двадцатого века стало для Лассилы временем плодотворным, принёсшим ему широкую известность на Родине. Финны, да и не только они, зачитывались приключениями весельчаков Антти Ихалайнена и Юсси Ватанена в повести «За спичками». Примечательно, что верным переводчиком Лассилы был Михаил Зощенко, именно благодаря ему русский и советский

читатель познакомился с рассказами финского писателя. Первый рассказ Лассилы «Воскресший из мёртвых» Зощенко перевёл ещё до Революции. Зощенко – автор перевода и самой знаменитой повести Лассилы «За спичками», по его тексту был снят фильм Гайдая.

Рассказы Лассилы растаскивались на цитаты. Курьёзные ситуации и острые диалоги, подслушанные Лассилой в среде простых людей, туда же незамедлительно возвращались, вложенные писателем в уста своих героев. Простые труженики узнавали себя в образах хуторян и чернорабочих, прачек и бездомных, учителей и мелких коммерсантов. Лассила говорил языком народа, а народ – языком героев Лассилы.

За авантурным, юмористическим сюжетом не всегда можно было угадать глубокую философию Лассилы. Едкая ирония, а с годами всё чаще жёсткая сатира пронизывали рассказы и повести Лассилы. Он становился в один ряд с признанными мастерами этого литературного жанра – русского Михаила Зощенко, украинца Ярослава Галана, чеха Ярослава Гашека.

Лассила – мастер мистификаций и парадоксов не только в своём творчестве, но и в жизни. Нелюдимый и незаметный житель скромной комнатки на окраине Хельсинки, Лассила сам себе готовил, убирал, а на прогулку выходил поздно вечером, в самое безлюдное время. Сам псевдоним Майю Лассила – женского рода, одно время критики числили писателя в разделе «женщины-писательницы». В это верили, так как Лассила, подписываясь новым псевдонимом, ухитрялся ещё и менять стилистику произведения. А всего у Лассилы было под десяток псевдонимов.

Народ, зачитываясь рассказами Лассилы, считал его городским чудачком. Ещё бы, он даже с издателями общался по почте – корреспонденция поступала до востребования. Впрочем, именно издатели знали цену таланту и трудолюбию Лассилы и бесовестно обкрадывали его, назначая нищенские гонорары. Майю Лассила не спорил, не торговался – писал днями и ночами. По воспоминаниям соседей был скромным и тихим. И очень бедным, на городской окраине он обрабатывал картофельную делянку и, похоже, только этой картошкой и питался. Не имея достойного обеда, Лассила на последние деньги покупал конфетки для соседских мальчишек. Говорят, ребёнок Лассилы умер, всю нерастраченную отцовскую любовь он дарил детям бедняков в своём дворе. И ещё вспоминают его опрятность. Каждый вечер писатель чистил своё скромное платье, а чтобы брюки не мялись, клал их под матрас.

Его крохотная восьмиметровая коморка была на первом этаже доходного дома, окошко выходило во двор-колодец. В каморке была простая постель, стол, стул и лампочка. И повсюду, даже на полу, стопки книг и газет. Больше ничего не было. Уборной, простите, тоже не было, Лассила ходил в соседнюю прачечную.

Лассила с удовольствием публиковали и с удовольствием читали. Для широких слоёв читателей он был мастером закрученного сюжета, приправленного искромётным юмором и сюжетной

чехардой. Этим он покорила знаменитого мастера словесной эквилибристики Михаила Зощенко. Михаил Михайлович писал о Лассиле: «Отличный писатель: лаконичный, умный, насмешливый, точно знающий, чего хочет... Он обожает путаницу, неразбериху, я – тоже, хотя мне почти никогда не удавалось устроить такую кутерьму, как в «Воскресшем из мёртвых» или «За спичками»... В жизни впрямь много путаницы, чепухи, диких совпадений, бессмыслицы, и Лассила был истинным поэтом самого невероятного вздора. Интересно, чему это соответствовало в нём самом? Случайным такое не бывает. Суворов любил вздор, это заметил Тынянов, но там всё понятно, а вот Лассила...».

Самые известные книги Альгота Унтола: «Хархама» («Блуждающий», 1909), написанная под псевдонимом Ирмари Рантамала, и «За спичками» (1910), написанная под псевдонимом Майю Лассила. Лассила стал первым писателем своей страны, ему была присуждена государственная премия Финляндии по литературе, от которой он отказался. Казалось, что Лассила разочаровался в бытотписании своих соотечественников.

В предреволюционные годы из под его пера выходили не пространные романы, а хлёсткие и жёсткие памфлеты, воззвания, листовки. В 1916 году Лассила опубликовал «Письма буржуа», в которых отмежевался от буржуазных политических сил и солидаризовался с революционными социалистами: «Отныне силу жизни даёт только социализм, за ним будущее. Всё здоровое, что достигнуто за последнее время, стало возможно только благодаря энергии и натиску социализма».

Лассила до сих пор чрезвычайно популярен в Финляндии. Но популярность его несколько странная. Писатель никогда и никого не идеализировал, не превозносил, никем из своих героев самозабвенно не любовался. Даже его положительные герои не прочь подражаться, солгать, пообжиматься с чужой женой, напиться. Их поступки и порочны, и одухотворены. Поэтическое восхищение родной природой сменяется пьяной потасовкой. Елейная религиозность – безжалостностью к бедняку. Смекалка и житейская мудрость – диким разгулом. Готовность заступиться за друга – подлостью по отношению к соседу.

Финский (да и любой другой страны) обыватель узнаёт себя в героях Лассилы, он в меру готов посмеяться над своими маленькими грешками. Но Лассила и как писатель, и как гражданин далеко перерос своего читателя, даже спустя столетие.

Исследователь творчества Лассилы Юрий Нагибин писал: «Похоже, в эту пору жизни Майю Лассила крепко обиделся на свой народ, на его долготерпение, покорность безумию властей и церковному мракобесию, на тёмную его готовность к оболваниванию и создал самую злую свою сатиру на соотечественников».

В те годы весь народ, кажется, разделился на великодушных героев и палачей с рыбьими глазами. Казалось, первые одолеют вторых. Но события

стали развиваться самым непредсказуемым образом. В декабре 1917 года была провозглашена независимость Финляндии, а 27 января над Народным домом Хельсинки зажётся красный свет, символизирувавший начало народной революции. После двухдневных ожесточённых боёв финская столица была очищена от сторонников Сената и его политического руководителя Пера Свинхувуда и военного диктатора Карла Маннергейма. Над городом развевались красные стяги восстания. Средневековый флаг крестоносцев, казалось, навеки будет низложен. Рабочие, трудовая интеллигенция, батраки организовали народное правительство – Совет Народных Уполномоченных Финляндии, в его состав вошли представители социалистов, профсоюзов, трудовых коллективов. Новое правительство возглавил недавний журналист Куллерво Маннер. Красных финнов поддержали русские военные части.

Красное правительство поддержали промышленные города – Тампере, Коуволла, Выборг. За рабочее дело, казалось, встала вся трудовая Финляндия. Но Маннергейм предусмотрительно перебрался в Ваасу – северный кулацкий регион. Туда же прибыли никем не задержанные сенаторы. Вокруг хунты Маннергейма и Свинхувуда стали спешно формироваться части белых карателей.

Но трудовой Хельсинки ещё праздновал победу. 29 января газета «Рабочий», где трудился Лассила, опубликовала программный документ революционеров – декларацию «К рабочим и гражданам Финляндии!». Финскому правительству протянули руку помощи русские революционные власти. Лассила восторженно поддержал революцию. Для него применимы слова Владимира Маяковского в дни русской революции: «Моя революция. Пошёл в Смольный. Делал. Всё, что поручали». Так и Лассила взвалил на себя груз издания главной газеты страны: писал воззвания, манифесты, листовки, встречался с рабочими, красногвардейцами.

В первые же дни маннергеймовцы развязали кровавую гражданскую войну. С Севера началось наступление на трудовой красный Юг. В Красную гвардию вступали целыми семьями. Среди красногвардейцев были женские отряды – до двух тысяч человек. Было много подростков 15-16 лет. В Красную гвардию вступали многие русские добровольцы – солдаты и матросы из расквартированных в Финляндии воинских частей бывшей императорской армии. Во главе некоторых подразделений красногвардейцев встали русские офицеры. В частности Михаил Свечников, подполковник императорской армии, георгиевский кавалер или подполковник Георгий Булацель, вместе с поручиком Мухановым, оборонявшие Тампере.

Однако вскоре наступил перелом. Белые получили подкрепление за счёт прибывших из Германии националистов, воевавших на стороне кайзера. С 15 марта по 6 апреля длится осада Тампере. Три недели рабочие сдерживали наступление отборных частей «егерей», приехавших из Германии, финских кулаков и шведских наёмников. Но ценой немалых потерь город был взят и маннер-

геймовцы устремились к Хельсинки. 3 апреля германцы высадили на южном побережье Финляндии экспедиционный корпус фон дер Гольца. Два «фон-барона» – германский генерал Гольц и его недавний противник бывший русский генерал Маннергейм – осадили Хельсинки.

В первые же дни апреля революционное правительство эвакуируется в Выборг, надеясь там организовать новый очаг сопротивления. Многие называют этот шаг бегством, так как «диктатор-главнокомандующий» Маннер бросил в Хельсинки многих красногвардейцев, оставшихся дать последний бой маннергеймовскому кулачеству и интервентам. Русские гарнизоны согласно похабному Брестскому миру обязывались не вмешиваться. 12 марта в городе шли ожесточённые стычки. Неправда, что столица сдалась без боя. На старом кладбище в центре Хельсинки установлены помпезные памятники с десятками немецких, шведских, эстонских фамилий интервентов, нашедших свой конец в апрельские дни. Но вскоре всё было кончено, 14 апреля Маннергейм принимал победный парад своей военщины и наёмников на центральной площади. Но и в этот день повсюду звучали выстрелы – расстреливали рабочих.

В трагические апрельские дни Лассила совершил настоящий подвиг. Он остался совсем один в своей редакции, маленький голодный учитель. Все разбежались и в ночь на 12 апреля Лассила сам готовил и печатал последний номер «Рабочего». Это даже не газета, простой листок. Его успели прочитать последние защитники красных баррикад. Яростный призыв к борьбе, слова чести и мужества – последнее произведение Лассила нашло своих последних читателей. А утром Лассила до синевы побрился и, одев свой безукоризненный костюм, вышел на Эспланаду, заполненную орущими от радости и размахивавшими бело-голубыми полотнищами лавочниками, студентами и кулаками. И тут же был схвачен.

А потом была тюрьма, ожидание приговора. Лассила не верил, что его казнят, хотя каждый день к воротам тюрьмы Серняйнен подъезжала «Чёрная Мария» и камеры наполовину пустели. Людей – мужчин и женщин, стариков и детей, рабочих и врачей – увозили на казнь. Это не преувеличение. В холодные весенние дни 18-го маннергеймовцы казнили более семи тысяч человек. Ещё порядка двенадцати тысяч человек умерли от нечеловеческих условий содержания в концлагерях. Маннергеймовцами был организован 61 концлагерь, там содержались даже женщины и дети. Только сейчас исследователи приступили к изучению документации лагеря смерти в Хеннале (район Лахти). Только в этом лагере и только весной 18-го были расстреляны 218 женщин (некоторым не было и 15 лет) без судебного разбирательства. Исследователь Ханна Лумме пришла к выводу, что их убили исходя из идей расовой гигиены и демонизации образа «красных» женщин в буржуазной прессе. И здесь нет преувеличения. Белофинны и их германские союзники на пятнадцать-двадцать лет опередили гитлеровцев в теории и практике расовых

01 / 2017

преступлений. Всего было убито и замучено около тридцати тысяч «красных» – более одного процента населения страны... Всего шемякины суды отправили в заключение или наказали иным образом более семидесяти тысяч человек (при населении страны порядка трёх миллионов человек).

Находясь в тюрьме, Лассила, видя каждый день экзекуции, написал заявление, смысл которого заключался в том, что самым большим преступником в тюрьме был он, да и то из-за того, что был самым большим демагогом. На это комендант тюрьмы пошутил, что расстреливают из уважения, что подтверждается ежедневными сообщениями в газетах.

Сторонники реакции до сих пор смакуют подробности, что Лассила, узнав о смертном приговоре, плакал в камере. Конечно, учителя шокировал жестокий приговор, ведь он был журналистом, а не солдатом. Но не только своя судьба волновала его в последние дни. К нему на свидание пришла жена его давнего друга Пунанена. Лассила всё просил её собрать картошку с его делянки, чтобы накормить друга. Рабочие в те дни голодали...

21 мая «Чёрная Мария» приехала за Лассилой. Его запомнили, впоследствии писали, что в машину посадили «маленького человека в огромном пальто».

Финское кулачье, добровольцы шюцкора, в предвкушении скорой радости от расстрела беззащитных «красных» весело-нервно играли затворами винтовок. Студенты-националисты с белыми повязками на рукавах насмешливо улыбались. Немецкие солдаты, как всегда они делают в случаях бессудных казней, сохраняли спокойную деловитость. На убийство, как пишут, пришёл поглядеть Освальд Кайрамо, в «российском» прошлом профессор ботаники, а в «незалежной» Суоми блюститель соблюдения законности при расстрелах и сенатор. Проститься с писателем увязались и два его старых знакомых, «товарищи по цеху» – тут как тут Эйно Райло и Кюёсти Вилкуна. Райло пописывал исследования о столь модных в те годы готических романах, а по совместительству возглавлял издательство «Кирия», самым бессовестным образом наживавшегося на Лассиле. Он ненавидел Лассилу как «красного», завидовал, что не ему, а Лассиле дали государственную премию, но жажда наживы коммерсанта от литературы заставляла его печатать и печатать труды гениального юмориста. Вилкуна не просто знал Лассилу, он был его давним другом. Вилкуна с трудом скрывал торжество, сохраняя постную физиономию. Ведь ещё недавно ему пришлось несколько месяцев отсидеть в петербургской тюрьме как участнику прогерманского подпольного военного общества «егерей». Из узилища его выпустила русская революция, теперь шелкопер спешил отплатить своим избавителям. Платил этот бывший апологет русской классической литературы (Вилкуна широко пропагандировал учение о непротивлении злу Льва Толстого в Суоми) не только чёрной неблагодарностью, но и пулями. Вилкуна самолично казнил

людей в Гражданскую войну. Теперь обоим следовало «отмыться» от близости к «красному агитатору», как они теперь называли Лассилу. Лучший повод – отметить при исполнении приговора маленькому учителю. Они не будут стрелять сами, но их лицемерные выражения лиц не меньше шюцкоровских пуль будут ранить Лассилу в последние минуты его жизни.

По окончании расправы Эйно Райло и Кюёсти Вилкуна поспешили в дорогой рыбный ресторан, где, запивая «шнаапси» лососину, ещё и ещё насмехались над криками умирающих, их последними судорогами. Мрачный Гельсингфорс ещё отмывал с мостовых кровь расстрелянных «красных», рабочие окраины голодали, а два проходимца не скупилась на чаевые – пропивали деньги, заработанные на только что казнённом Лассиле. Финны молчаливы, но для презрения не нужны громкие слова. Говорят, с тех пор даже в глухую годину маннергеймовщины жители Хельсинки переходили на другую сторону улицы, чтобы не подать руки Райло и Вилкуне.

Путаница и чехарда преследовали Лассилу до смерти. Многие палачи оставили свои воспоминания, но все по-разному описывают обстоятельства смерти писателя. Одни вспоминают, что Лассила до последней минуты старался подержать осуждённых вместе с ним на казнь, даже заступился за оскорблённую охранником женщину. Якобы в отместку его сбросили в воду и расстреляли, затем втащили обратно на борт тюремного катера и добились. Другие пишут, что всех осуждённых убили уже на берегу, на острове Сантахамина. Сохранилась фотография: белогвардейцы несут тело писателя к братской могиле. Лассила был невероятно популярен и публику интересовали обстоятельства его смерти. Все-все подробности. Журналисты спешили принести горяченькие снимки и репортажи в свои редакции. А многие считают, что Лассила был убит тюремщиками ещё на берегу, в Хельсинки. Такова была ярость к этому маленькому человеку. Бессудная казнь, бессудный приговор – протоколы судебного заседания никем не были найдены.

У Лассилы нет могилы, на старом кладбище установлена плита, на ней с десятков псевдонимов Лассилы, но в могиле его нет. Через десятки лет из братской могилы на Сантахамине вырыли чьи-то кости и перезахоронили на столичном кладбище. Но Лассила и не ложился в землю, не ушёл в небытие. Он и сейчас в заводских цехах Тампере, студенческих аудиториях Турку, журналистских кофейнях Хельсинки. Он и в нашей стране, на книжных полках. И у осквернённой православной часовни в Лахти. Каменная стена хранит выбоины от пуль, здесь маннергеймовцы расстреливали рабочих. Кто-то оставил на стене надпись в память о казнённых:

*Буржуи похитили деньги,
Белые мясники содрали шкуры,
Пасторы повернулись спиной,
Перед вами мы должники.*

Николай
НИКИТИН

Как Камчатка стала русской землёй

Северо-восток Сибири, первоначальное освоение которого русскими пришлось на вторую половину XVII века, можно условно разделить на три большие области, имевшие, при всех различиях, несомненное сходство как в условиях, так и в характере их присоединения к России. Одна из этих областей примыкала к Чукотскому полуострову и Берингову морю. Опорным пунктом её колонизации являлся Анадырский острог (основанный Семёном Дежнёвым в 1649 году), а основное население составляли чукчи, эскимосы, коряки и юкагиры. Другая область охватывала побережье Охотского моря и долины впадающих в него рек; главным центром её освоения являлся Охотск (основанный тоже в середине XVII века), а коренное население было представлено тунгусскими племенами – звенками и эвенками. Третья же область включала в себя Камчатский полуостров, присоединение которого к Русскому государству началось на самом исходе XVII столетия с опорой прежде всего на Анадырский острог. Камчатку заселяли в северной части – коряки, а на основной территории – ительмены.

Освоением всех областей этого обширного региона ведал Якутск, но, кроме административного подчинения, их объединяла и такое обстоятельство, как изолированность и крайняя отсталость коренных жителей, пребывавших по существу в «классическом» каменном веке. До знакомства с русскими изделия из железа если и доходили до этих племён, то, как правило, через посредников, в порядке многоступенчатого обмена, и использовались, главным образом, в боевом вооружении – для наконечников копий и стрел. Обитатели северо-восточного «угла» Сибири отличались воинственностью и чудовищной (по мнению европейских

наблюдателей) жестокостью и постоянно воевали друг с другом. Их войны носили весьма специфический характер, соответствующий уровню социально-экономического развития региона, и велись либо за промысловые угодья и олени пастбища, сопровождаясь истреблением или вытеснением побеждённых, либо с целью банального грабежа соседей, а также для испытания силы и мужества воинов.

Практически у всех этих народов имелись рабы из пленных, захваченных в ходе военных столкновений, но, зная «институт рабства», аборигены северо-востока Сибири не знали «института подданства», и поэтому требования русских служилых людей отдавать меха для какого-то неведомого «великого государя» не находили понимания у коренного населения края. Отсюда ожесточённость сопротивления аборигенов попыткам их «объясачивания» – гораздо большая, чем у тех сибирских народов, которые, соглашаясь давать русским дань-ясак, лишь меняли своего сюзерена. И хотя благодаря преимуществам вооружения и военной тактики, а также своей стойкости и отчаянной храбрости первопроезды чаще всего одерживали верх в боях даже с многократно превосходящим их по численности противником, эти победы нередко доставались русской стороне очень тяжело. Сохранилось немало жалоб служилых людей на трудности приведения «иноземцев» в этом регионе «под высокую государеву руку». Казаки сообщали «великому государю», что их противники «люди воисты, боем жестоки», что «в тех, государь, службах многих нас, холопей твоих, тунгусские и

иных земель люди побивают...». Документы того времени пестрят сообщениями о серьёзных потерях в казачьих отрядах и промысловых партиях (а порой и о полном их уничтожении аборигенами), о длительных осадах русских зимовий и острожков, о взятии некоторых из них «иноземцами» в ходе жестоких «приступов». Характерное объяснение причин своего ухода с Тихоокеанского побережья дали служилые люди, после того как тунгусы сожгли Охотский острожек: «Жить де на Охоте от иноземцев не в силу...».

В то же время, укрепления самих аборигенов бывали столь основательны, что иные «иноземческие городки» казакам приходилось брать по всем правилам военного искусства того времени – с использованием специальных «щитов», с сооружением «осадных башен» и т.д. При всей отсталости в социально-экономическом развитии «иноземцы» северо-востока Сибири быстро и довольно успешно перенимали у русских воинские приёмы, в том числе и способы взятия крепостей, а к «огненному бою» пришельцев приспособились так, что вскоре не только перестали испытывать страх перед ним, но и сами научились «огненной стрельбе», применяя против казаков захваченные у них же пищали.

При таких обстоятельствах полагаться лишь на военную силу в присоединении края не приходилось, поэтому и взимание ясака с покоровшихся «великому государю» племён поначалу часто напоминало торговый обмен. По крайней мере, сами аборигены, наверняка, воспринимали эту процедуру именно так: в ответ на «подарки» с русской стороны «иноземцы» давали меха, которые служилые люди затем оформляли как ясак. А «подарки» эти для аборигенов бывали воистину бесценны. Помимо бус и прочих безделушек, жившие в каменном веке «иноземцы» получали медные котлы, оловянную посуду, стальные ножи и топоры, а порой, вопреки официальным запретам, и настоящее боевое оружие – наконечники копий и даже сабли. Ценность предметов такого рода была для коренного населения региона несопоставимой с отданными за них мехами (это касалось не только «подарков», но и прямой торговли с пришельцами): сибирские иноземцы не скрывали своего удивления «глупостью» русских, готовых отдать железный топор или нож «всего» за несколько соболей...

Заинтересованность в приобретении такого рода товаров нередко имела гораздо большее значение для вовлечения аборигенов в орбиту русского влияния, чем сила оружия, тем более что московская власть, стремясь всемерно увеличивать поступление ценных мехов в казну, ориентировала служилых людей на взимание ясака «ласкою и приветом», «непослушников» рекомендовала «смирять» лишь «небольшим разорением» и была готова прощать «иноземцам» все их «измены» за возобновление уплаты ясака. Некоторые аборигены быстро раскусили суть такой «национальной политики» и открыто злоупотребляли ею. Историкам давно известен тунгусский «князец» Зелемей, рассчитывавший на поддержку маньчжуров и говоривший своим

соплеменникам: «Что вы, глупые люди, не разумеете и русских переводов не знаете, вы бы так же жили, как я, Зелемей, живу; самим вам известно, сколько я русских людей побил, а как над собою увижу какую немеру, то я к русским людям приклонюся, и до меня, в ваших глазах, русские люди лучше прежнего».

Однако больше всего забот русским властям в регионе доставляли не тунгусы, а чукчи. По общему мнению, из всех народов северо-востока Сибири они были самыми воинственными, считали лишь себя «настоящими людьми» и не только отразили все попытки подчинить их «великому государю», но и сами вели активное наступление как на русских, так и на соседей-аборигенов, в том числе тех, кто принял российское подданство в надежде на защиту от вражеских нападений. Сохранилось немало обращений к русским властям юкагиров, коряков и тунгусов с просьбами (и даже требованиями) о защите от чукотских набегов. Стремление воспрепятствовать этой экспансии и стало главной причиной «русско-чукотской войны», длившейся целое столетие без особого преимущества для обеих сторон.

В числе факторов, определявших неудачи русских при покорении Чукотки, помимо воинственности её обитателей, следует назвать отсутствие у служилых и промышленных людей должной заинтересованности в походах в глубь полуострова: там не было соболя – главного стимула движения землепроходцев, а открытые ещё С.Дежнёвым залежи «рыбьего зуба» на морском побережье довольно скоро «испромышилились». Кроме того, в не имевшей крупных рек безлесной гористой местности, какой являлась Чукотка, служилые люди не могли во время походов ни закрепить на вражеской территории, поделав острожки или иную «крепь», ни даже укрыться за бортами судов от стрел и камней, метко бросаемых чукчами из пращи.

И ещё одна особенность русско-аборигенного противостояния в крае: в отличие от тунгусов и юкагиров, чукчи, а также большинство корякских племён «не держались» аманатов (заложников), считая попавших в плен сородичей погибшими (как если бы их «море взяло» или «земля взяла»), и обычно не давали «под них» никакого ясака. Так что важнейший способ подчинения сибирских «иноземцев» русской власти в случае с чукчами «не работал».

Всё это способствовало тому, чтобы главным в действиях служилых и промышленных людей в крае стало южное направление, которое и привело их в конце концов на Камчатку, ставшую

Чукча. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» И.-Г. Георги.

Коряк. Раскрашенная гравюра из «Описания народов» Г. Георги.

последней в череде «землиц», открытых русскими на севере Азии в XVII веке.

Относительно того, кто из русских первым достиг Камчатки, у историков нет единого мнения. Высказывались предположения, что это был спутник Дежнёва Федот Алексеев Попов, судно которого в 1648 году якобы было занесено бурей к полуострову, где он и его товарищи вскоре погибли. Известно, что в 1651 году казак Михаил Стадухин вплотную подошёл к западному побережью Камчатки и узнал там о существовании большого «носа» (т.е. полуострова) между Анадырем и Пенжиной, что дало основание некоторым исследователям считать именно Стадухина «первооткрывателем Камчатки». Высказывалось также не лишённое оснований предположение, что в 1658 году на одноимённой реке побывал казак Иван Камчатый, и его сослуживцы назвали её в память о своём товарище Камчаткой, а

позднее название реки перешло и на весь полуостров. В 1662 году на этой реке побывал казак Иван Рубец, повторивший плавание Дежнёва из устья Лены вокруг Чукотки. В 1688 году от Анадыря на Камчатку отправился на двух небольших кочах местный приказчик Василий Кузнецов, но в отличие от И.Рубца ему крайне не повезло. На обратном пути близ залива Креста экспедиция Кузнецова потерпела кораблекрушение и была истреблена чукчами. Все эти походы носили в основном промысловый и разведывательный характер и не имели большого значения для покорения Камчатки.

Первые серьёзные попытки привести в российское подданство её население были предприняты в первой половине 1690-х годов. Тогда на север полуострова из Анадырского острога «сухим путём», через перешеек, дважды (в 1693–1694 и 1696 гг.) ходил Лука Старицын по прозвищу Морозко. Он прошёл через горы по пути, ранее «проведанным» одним из участников его экспедиции Иваном Гольгиным, взял ясак с ряда родо-племенных объединений и во время второго похода повернул назад всего за день пути до реки Камчатки. Численность экспедиции Морозко определяется историками по-разному, но в любом случае она не превышала 60 человек, из которых 40 были ясачными юкагирами. Было ясно, что такими силами покорить Камчатку невозможно.

Это, видимо, хорошо понял и якутский казак Владимир Атласов, которому выпало на долю завершение серии великих русских географических открытий на севере Азии в XVII веке,

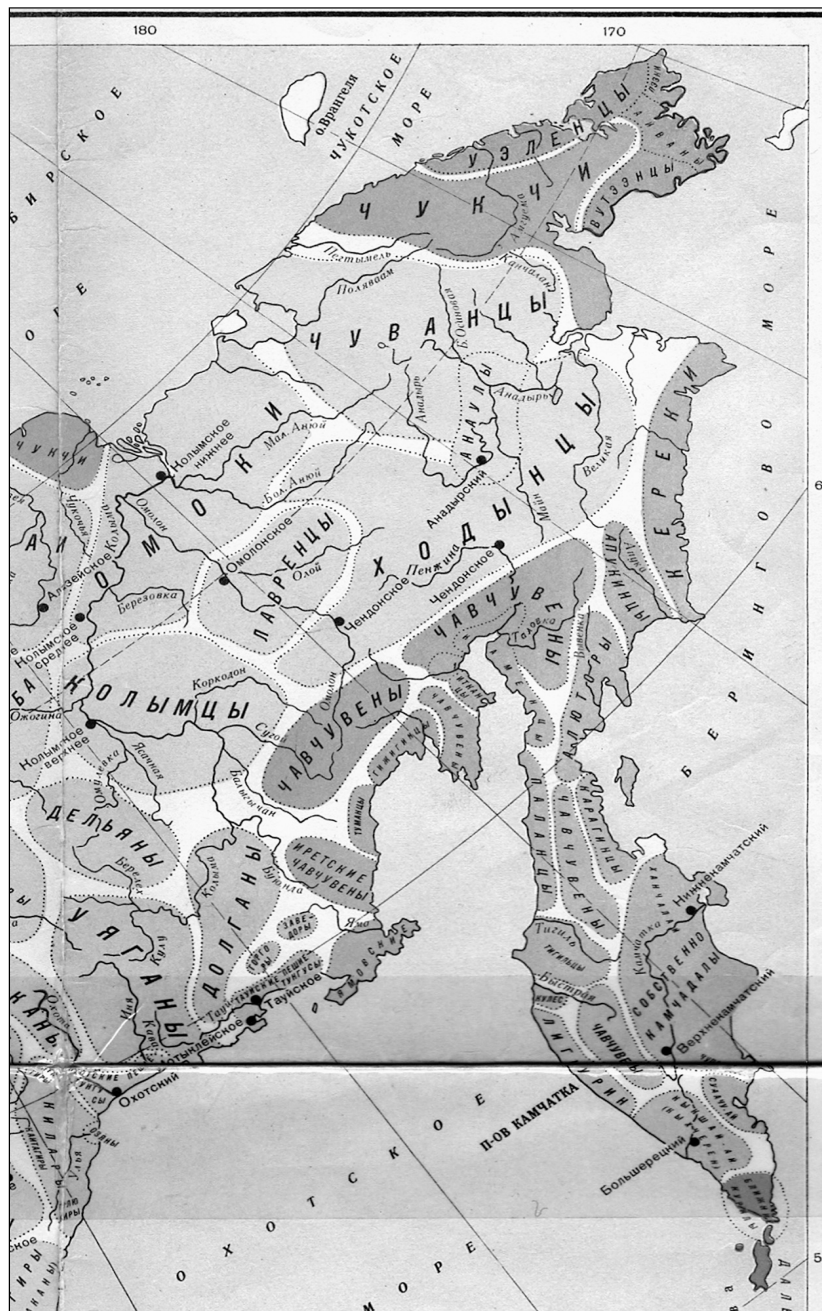
положив начало присоединению Камчатского полуострова к государству Российскому. В 1694 году он заинтересовал планами «проведывания» новых земель якутского воеводу И. Гагарина, обеспокоенного падением доходов казны на подведомственной территории, был им произведён в казацкие пятидесятники и назначен приказчиком (управляющим) в Анадырский острог...

А.С. Пушкин, незадолго до смерти обратившийся к истории покорения Сибири, назвал Владимира Атласова «камчатским Ермаком», увидев немало сходства в судьбах первого и последнего из знаменитых землепроходцев. Общее у них просматривалось уже в том, что, подобно проложившему русским дорогу на сибирский простор Ермаку, завершивший этот путь на дальневосточных рубежах Атласов оставил немало «тёмных мест» в своей биографии. Вплоть до конца XX века историки не могли прийти к единому мнению даже относительно отчества «покорителя Камчатки», расходились в определении его возраста, происхождения и т.д. Но, к счастью, от конца XVII века сохранилось неизмеримо больше документальных материалов, чем от конца XVI, и благодаря прежде всего изысканиям профессора Г.А. Леонтьевой теперь мы знаем, что отца «камчатского Ермака» звали тоже Владимиром, что отчество у него было Тимофеевич, а прозвище – Отлас, что родом он был, как и большинство землепроходцев, с северо-русских земель (вероятнее всего – из Сольвычегодска), что, отправившись в Сибирь на промысел соболя, он, в конце концов, поступил в Якутске на казацкую службу. А его сын, будущий «покоритель Камчатки», родился приблизительно в 1660–1661 годах, был зачислен в якутский гарнизон в 1682 году (в год смерти своего отца), и в фамилии его, ранее начинавшейся по-северному на «О», первая буква, благодаря столичным чиновникам, была на московский манер заменена на «А», против чего он нисколько не возражал.

Ко времени своего камчатского похода Владимир Атласов уже имел за плечами большой

Камчатцы достали огонь из дров

жизненный опыт, включая навыки, необходимые для военно-разведывательных экспедиций и других «дальних посылок». Довелось ему отвезти и кнута – в ответ на «челобитье» якутов, пожаловавшихся на излишнее «усердие» Атласова при сборе ясака. Тем не менее, казак Атласов находился на хорошем счету у воеводской администрации, поскольку был энергичен, смел, предприимчив, наблюдателен, «умел грамоте» и знал язык коренного населения. Но он, конечно, был человеком своего времени – героического и вместе с тем сурового, жестокого, не располагавшего к сантиментам...

На Камчатку экспедиция Атласова отправилась в декабре 1696 года и состояла из 60 русских (служилых и «охочих» казаков из числа промысловиков) и 60 ясачных анадырских юкагиров. Ещё несколько человек во главе с Лукой Морозко присоединилось к этому отряду позднее, нагнав его в пути. Часть казаков снаряжалась в поход за счёт Атласова (в долг), часть – на свои средства. Цель предприятия обозначалась так: «...Для при-

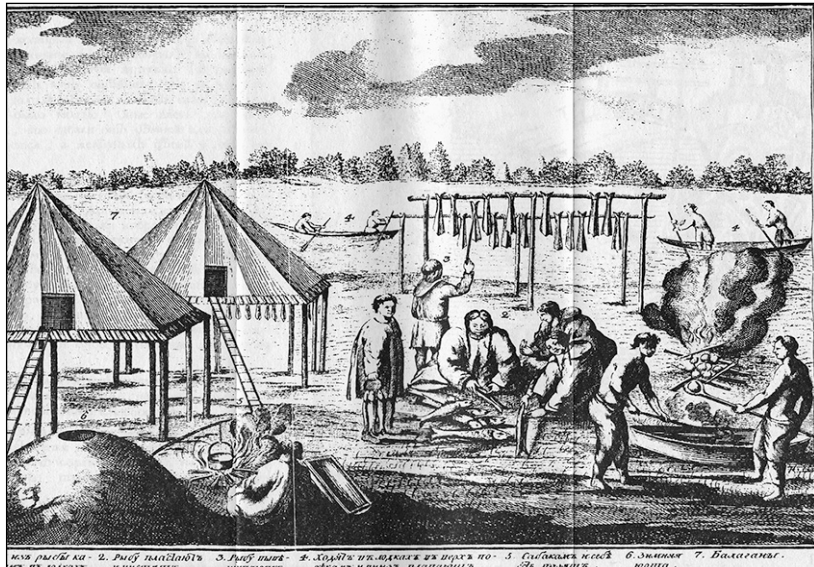
иску новых земель и для призыву под самодержавную великого государя высокую руку вновь неясачных людей, которые под царскою высокосамодержавною рукою в ясачном платеже не бывали...».

Шли довольно быстро – на запряжённых в нарты оленях, которыми управляли юкагиры, и уже через две с половиной недели перевалили «великие горы» (Корякский хребет), встретив там первых «неясачных иноземцев». Ими оказались более трёхсот «пеших» (т.е. оседлых) коряков. Атласов, судя по его записанному позднее рассказу, без особых сложностей – «ласкою и приветом» – призвал их «под высокую государеву руку», а собранный ясак («лисицы красные») отправил в Якутск в сопровождении нескольких казаков. «Учинились покорны» без боя и представители корякского племени олюторов, острожек которых встретился через две недели пути на морском побережье.

Ободрённый первыми успехами, Атласов разделил своё войско на две равные группы. Одна во главе с Морозко пошла вдоль восточного побережья полуострова, другая под предводительством самого Атласова двинулась вдоль западного побережья. Однако распыление сил привело к неожиданному и печальному последствию. После первого же серьёзного столкновения с местными жителями – «оленными» (т.е. кочевыми) коряками – часть участвовавших в походе юкагиров изменила, внезапно напав на группу Атласова. Было убито 6 и ранено 15 человек, включая главу экспедиции, получившего шесть ран. Лишь счастливая случайность помогла некоторым казакам избежать смерти (так, одного из них – Якова Волокиту – спасло заступничество друга-юкагира, который «на Яшку Волокиту пал и убить не дал»). С трудом отбившись от «изменников», казаки «сели в осаде», но смогли послать одного из преданных юкагиров с вестью о случившемся «к товарищам своим служилым людям» из второй группы. «И те служилые люди, – рассказывал позднее Атласов, – к нам пришли и из осады нас выручили».

Вновь объединившись, казаки и оставшиеся им верными юкагиры двинулись на реку Тигиль. Теперь атласовское войско состояло из 55 русских и лишь 30 юкагиров. Двигаясь вверх по Тигилю, они взяли ясак с коряков двух острожков, располагавшихся в долине этой реки. В её верховьях казаки оставили оленей на попечение юкагиров, а сами пешком отправились на Еловку, приток реки Камчатки, и возле их слияния обнаружили первые поселения ранее неизвестного народа – ительменов. Русские стали называть их камчадалами.

Жители верховьев Камчатки обрадовались появлению пришельцев («по государскому счастью русским людям... были рады») поскольку надеялись с помощью этих «огненных людей», обещавших защиту всем, кто признает власть их государя, «смирить» враждебные племена, обитавшие в низовьях реки. Атласов согласился помочь новым российским подданным, но вначале поставил зимовье и произвёл разведку, которая по-

казала, что от Еловки до устья Камчатки насчитывается не менее 160 ительменских острожков. Сделав большие лодки, казаки вместе с новоявленными союзниками отплыли вниз по реке и через три дня «погромили» врагов «и посады их выжгли». Под впечатлением произошедшего все ительмены долины Камчатки согласились давать «великому государю» ясак, но просили об отсрочке платежа, «потому что они соболей не промыслили и русских людей не знали».

Атласов внимательно присматривался к ительменам, отметил их «невеликий» рост, «средние» по размерам бороды и то, что лицом они «походят на зырян». Многие в жизни камчадалов изумляло русских. Перед ними были люди настоящего каменного века с луками из китового уса, стрелами с каменными и костяными наконечниками. Меха ительмены употребляли только на одежду (в основном зимнюю, поскольку, по замечанию Атласова, «летом те все иноземцы мужеского полу ходят наги»), питались главным образом рыбой, которую варили в деревянных колодах, добывая огонь трением и бросая в воду раскалённые камни.

Из более поздних описаний путешественников следовало, что для ительменов характерны «ярость, ненависть и мщение», порождающие «войны как между собою, так и с соседними народами». Атласов тоже отметил постоянные междоусобные распри у камчадалов («род на род войною ходят и дерутся»), но боевые качества их воинов оценил не слишком высоко: «А к бою временем бывают смелы, а в иное время плохи и торопливы». Общую же ситуацию на полуострове он обрисовал так: «А вышписанные иноземцы державства великого над собой не имеют, только кто у них в котором роду богаче — того больше и почитают... А наперёд сего дани с тех иноземцев никуда не имано...».

Не могли не произвести впечатления на русских и вулканы: казаки впервые видели горы, из которых «днём идёт дым, а ночью искры и зарево». Атласов дал подробное описание природных богатств Камчатки и быта её жителей, заложив тем самым основу дальнейшего изучения полуострова.

В верховьях Камчатки казаки построили ещё одно зимовье, ставшее впоследствии Верхнекамчатским острогом и установили большой деревянный крест, который должен был символизировать присоединение новой «землицы» к России. О нём стало известно благодаря знаменитому исследователю Камчатки Степану Крашенинникову, который находился там в 1737–1741 годах и скопировал надпись, вырезанную на этом кресте. Она гласила: «1697 году июля 13 дня поставил сей крест пятидесятник Володимер Атласов с товырыщи 55 человек».

Осень 1697 и зиму 1698 года казаки занимались пушным промыслом, весной же отправились собирать дань с «иноземцев». Часть камчадалов, вопреки прошлогодней договорённости, отказала Атласову в ясаке и, укрепившись в новопостроенных острожках, попыталась оказать русским сопротивление. Однако они довольно быстро его сломили и взяли с «непослушников» ясак.

Вскоре от юкагиров, оставленных с оленями в верховьях Тигиля, поступило сообщение, что местные коряки «воровски отогнали у них всех оленей, для того, чтобы им, Володимеру с товарищи, служить великому государю было не на чем». Серьёзность угрозы, нависшей над экспедицией, заставила Атласова поспешить на Тигиль. Нагнать похитителей по следу, казаки «поставили с ними бой» и, по словам Атласова, «бились день и ночь, и... их, коряк, человек ста с полтора убили, и олени отбили, и тем питались, а иные коряки розбежались по лесам». Двигаясь вдоль моря далее к югу, русские достигли реки Ичи, встретили там ительменов и взяли с них ясак за символические подарки «ласкою и приветом». Место понравилось казакам, и было решено построить и там зимовье. Исследуя окрестности Ичи, Атласов обнаружил находившегося у местных жителей в рабстве японского моряка, занесённого бурей на Камчатку, и взял его с собой. Несказанно обрадованный переменой судьбы японец звался Денбей; он произвёл приятное впечатление на Атласова («гораздо вежлив и разумен») и был принят им за «индейца».

Выйдя вновь на морское побережье, русские попытались объяснить обитавших там «олениных» коряков. Те, однако, «с жилищ своих убежали вдаль». Пустившись в преследование, казаки вжимали ясак (опять же «ласкою и приветом») у встречавшихся на пути ительменов, а через шесть недель уже на реке Большой настигли и бежавших коряков. Переговоры с ними окончились безрезультатно, «непослушники» в ходе жаркого боя были разгромлены и бежали, а принадлежавшее им оленьё стадо перешло победителям.

Почти на самой оконечности полуострова казаки «наехали» на 6 острогов «курильских мужиков». Это были представители смешанного, айноско-ительменского населения. Взяв приступом один из их острогов, Атласов убедился, что здесь «в ясак взять нечего» и решил повернуть назад. На протекавшей поблизости реке пропал без вести казак Иван Голыгин, пользовавшийся большим уважением участников экспедиции, и они назвали эту реку Голыгиной (подтвердив, что анало-

01 / 2017

гичным образом могла получить своё русское название и река Камчатка). С этого места Атласову удалось рассмотреть один из Курильских островов, и сообщение об этом можно считать ещё одним географическим открытием знаменитого землепроходца.

На зимовку Атласов решил остановиться на Иче. Но там его казаки потребовали возвращения домой и официально заявили своему начальнику в челобитной, что у них «пороху и свинцу не осталось и служить стало не с чего». В марте 1699 года Атласов двинулся в обратный путь. Для ясачного сбора были оставлены в Верхнекамчатском зимовье (перестроенном в острог) 15 казаков и 13 юкагиров с Потапом Серюковым, а в зимовье на Еловке – около 20 «промышленников» с Лукой Морозко (они долго жили там «в совете» с ительменами, но затем были убиты коряками). С Атласовым же отправились 17 русских, 30 юкагиров, вызволенный из камчадалского плена японский моряк и один из ительменских «князцов». В пути вновь изменили юкагиры. Их нападение было отбито, но Атласов потерял ещё двух человек – служилого и промышленника. В Анадырский острог он вернулся в июле 1699 году с богатой «ясачной казной» и ценнейшими сведениями о Камчатке.

Они произвели огромное впечатление в Якутске, Тобольске и в Москве (куда Атласов прибыл в феврале 1701 года), а потом стали известны и в Западной Европе. Вывезенный с Камчатки «князец» умер по дороге, а вот японец Денбей благополучно доехал до столицы и по указу Петра I стал первым в России учителем японского языка. Атласова «за службы» щедро наградили деньгами и тканями, присвоили ему высокий чин «казачьего головы» и поручили возглавить новый поход на Камчатку – на сей раз во главе отряда в 100 служилых.

Своё войско Атласов должен был набирать в сибирских городах сам – главным образом из «казачьих детей, братьев и племянников». Организация новой экспедиции шла не без трудностей, но в целом успешно, однако судьба отвернулась от Атласова, когда его «новоприборные» казаки по отплытии из Енисейска в Якутск ограбили

встретившееся на Ангаре купеческое судно с дорогими «китайскими товарами». И получилось, что «камчатский Ермак» завершил военную карьеру тем, с чего подлинный Ермак её, по преданиям, начал...

По жалобе купца делу был дан законный ход, в итоге которого «покоритель Камчатки» оказался в тюрьме и даже подвергся пыткам при допросах. Некоторые исследователи не скупятся на осуждения Атласова за эту его «разбойную акцию», видимо, плохо представляя себе менталитет служилых людей XVII века – особенно «новоприборных», среди которых оказывалось немало людей случайных, в том числе с уголовным прошлым. История Сибири знает примеры, когда казачьи атаманы расставались с жизнью, пытаясь удержать своих подчинённых от грабежей.

Своего оправдания Атласов добился в Москве только в 1706 году, после чего был сразу же снова направлен приказчиком на Камчатку, причём с ещё большими полномочиями и с войском уже в 170 человек, которых по пути следования опять надо было набирать в разных сибирских городах – Тобольске, Енисейске, Илимске, Якутске. В июле 1707 года он добрался со своим сборным отрядом до реки Камчатки и принял управление над Нижнекамчатским и Верхнекамчатским острогами. «Проведанная» Атласовым и не знавшая «державства» земля спустя десятилетие предстала перед своим «покорителем» уже вполне освоенной волостью Якутского уезда, правда, весьма беспокойной из-за своеволий служилых людей и нападений «иноземцев».

Попытки нового приказчика навести порядок в своём «присуде» и укрепить в гарнизоне дисциплину провалились. В декабре 1707 года казаки отрешили Атласова от власти, а в 1711 году убили его и двух других, присланных ему на смену «начальных людей». Бунтовщики числом более 70 человек создали нечто вроде вольной казачьей общины во главе с wybranными на «круге» атаманом (Данилой Анциферовым) и есаулом (Иваном Козыревским), перебрались на юг Камчатского полуострова и расположились там в восстановленном ими же Большерецком остроге. В мае 1711 года его осадил трёхтысячное «иноземческое» войско, однако в ожесточённом сражении (кульминацией которого стала вылазка казаков и их удар по противнику «в копья») оно было разгромлено.

Вся округа была после этого «замирена», но мысль о неизбежности наказания за убийства приказчиков не давала бунтовщикам покоя. Стремясь искупить свою вину перед «великим государем», они совершили в 1711–1713 годах несколько походов на Курильские острова и положили начало их присоединению к России. Но это, как говорится, уже совсем другая история...

Вадим КУЛИНЧЕНКО

ПОДВИГ ЛИНКОРА «АРХАНГЕЛЬСК»

73 года назад 30 мая 1944 года был поднят флаг Военно-Морского Флота СССР на английском линкоре «Ройял Соверин» в базе Розайт (Шотландия). В ВМФ линкор получил название «Архангельск», командовал им опытный моряк контр-адмирал Вадим Иванович Иванов. Одновременно советские военно-морские флаги были подняты на 8-ми потрёпанных эсминцах, один из которых носил громкое ныне имя «Челси» (все они получили русские имена. – В.К.), и на 4-х подводных лодках типа «Урсула», которые получили индекс «Веди»: «В – 1, 2, 3, 4». Все эти корабли готовились к переходу на Северный флот, где их ждали. Союзники считали долгом, чтобы эта «эскадра» дошла без потерь по нескольким причинам, одна из которых, что после войны и раздела итальянского флота они получали свои корабли обратно. А это немало тонн металла. Корабли были старые, но в руках русских они представляли ещё грозную силу. Переход был осуществлён в период 15–24 августа 1944 года в составе конвоя JW-59 и вылился в целую операцию по его охране. Во время перехода из Скапа-Флоу в Североморск (Ваенга) одна лодка погибла (командир Израиль Ильич Фисанович, герой Советского Союза. – В.К.), как и где, неизвестно до сих пор.

В период 2-й мировой войны этот линкор особо не прославился. Он и на Севере не совершил ни одного боевого похода, но с его прибытием на СФ была организована эскадра надводных кораблей флота, а у гитлеровцев появилась постоянная головная боль. Фюрер 3-го Рейха панически боялся больших, надводных, боевых кораблей, в количестве которых он так и не смог перещеголять «владычицу морей». Поэтому всему германскому флоту и, в частности, подводным силам было дано указание – уничтожить линкор «Архангельск». На переходе линкора в Союз этого сделать не удалось, и разрабатывалась операция по его уничтожению на рейде Ваенга сверхмалыми подводными лодками. О перипетиях этих неординарных действий

любопытный читатель может прочесть подробно в книге писателя-мариниста Виталия Гузанова «Волчий фьорд» (изд. Терра, 1998 год). А я хочу этим коротким материалом напоминанием ещё раз подтвердить тот факт, что флот своим присутствием оказывает влияние на военные и политические решения. Об этом указывал ещё Николай Герасимович Кузнецов (Адмирал флота Советского Союза) в своём интервью в 1973 году –

«..., пожалуй, самое главное то, что будущую войну, если она, не дай Бог, случится, я представляю уже не такой континентальной, какой была Великая Отечественная война. Роль океанов, роль морей, а отсюда и флотов, будет иная». (Интервью брал Георгий Куманёв, профессор, доктор исторических наук – В.К.)

Но эти выводы тогда и сегодня остаются без внимания у нас, зато наши «друзья» США в полной мере понимают значение флота в наши дни.

В 1944 году перелом в войне был осуществлён в пользу союзников и в такой обстановке они уже не так «щедро» делились с Союзом материальной помощью, тем более военной. По словам Н.Г. Кузнецова, «союзники старались держать свой «табачок» врозь».

Вопрос о передаче части итальянского флота возник в июле 1943 года, после капитуляции Италии, но союзники тянули его и только в феврале 1944 года было получено согласие Рузвельта и Черчилля на передачу нам устаревших кораблей в счёт итальянских (они были более совершенны. – В.К.), а эти, по словам одного амери-

01 / 2017

канского журнала, «годились только на слом». В английском адмиралтействе знали, в каком плачевном состоянии находились эсминцы, поэтому сразу отказались перегонять их арктической трассой в Мурманск. Только американцы передали свой крейсер «Милуоки» нашей приёмной команде в Кольском заливе.

Приёмка и перегон их в Союз была поручена вице-адмиралу Г.И. Левченко. Это был человек надёжный, знающий, способный возглавить сложную работу в иностранных портах по приёмке, а затем переходу отряда из Англии в Мурманск: война ещё была в разгаре, и нападение фашистов на корабли продолжалось. Командование отряда при содействии командования СФ, и под личным руководством наркомом ВМФ адмирала Н.Г. Кузнецова, ответственно подошло к приёмке кораблей от союзников. Уже 28 апреля 1944 года с очередным конвоем сформированные в Архангельске команды кораблей (одна из причин, почему линкор получил имя «Архангельск». – **В.К.**) отправились на запад. 7 мая конвой достиг места назначения. Советские моряки немедленно отправились в английские порты, где предстояло принимать корабли. А уже 30 мая на них были подняты Военно-морские флаги ВМФ.

При принятии решения о передаче во временное пользование ВМФ СССР кораблей, английское адмиралтейство рассчитывало, что советские моряки не смогут в короткий срок освоить незнакомые крупные корабли, тем более, привести их в Мурманск через бурные военные моря. Но, загадочная русская душа! Русские моряки, несмотря на незнание английского языка, быстро освоили иностранную технику. Англичане, как на чудо, смотрели на то, что линкор, самый крупный корабль, насыщенный сложнейшими механизмами, наши моряки приняли и освоили всего за 20 дней.

«Русские прислали не матросов, а переодетых инженеров!» – писали английские газеты.

Наши матросы только посмеивались и делали своё дело. Нужно отдать большую дань уважения людям из электромеханических подразделений, или как они именуются на флоте – боевые части пять (БЧ-5). Они практически отвечают за всю жизнь корабля, дают ему ход и т.д., но почему-то всегда остаются в тени строевых подразделений. А между тем, без них не было бы никаких побед...

Современные корабли – это сложнейшие инженерные сооружения. Они несут на себе мощнейшее оружие. Но чтобы использовать это оружие, корабль должен иметь ход и продолжать сражаться, даже если получит серьёзные повреждения. Сколько раз было в войну: корабль весь изранен, еле держится на плаву, но побеждает и возвращается в базу. Это всегда была и есть заслуга, прежде всего, моряков боевой части пять! Низкий им поклон от всех моряков и простых людей! Поэтому и при приёмке иностранных кораблей командование больше всего внимания уделяло работе этих подразделений.

До 17 августа, всего 1,5 месяца, ушли на тренировки перед ответственным переходом. За это время было проведено 150 разнообразных стрельб, и только 7 из них были признаны неудовлетворительными. Механизмы были освоены полностью, и «Архангельск» свободно развивал самый полный ход, что всегда считалось сложным делом для такого огромного корабля.

От того, что сегодня корабли больше стоят у причалов, или живое дело заменяют тренажёрами, боеготовность их отнюдь не повышается. Флот тренируется постоянно, а сражается один раз!

Наконец наступил день прощания с Англией отряда боевых кораблей (ОБК) во главе с линкором «Архангельск». Подводные лодки вышли раньше, ещё в начале августа. Первой, ещё в конце июля из Розайт вышла «В-1» («Санфиш») под командованием прославленного подводника, Героя Советского Союза (3.4.1942 г.), капитана 2 ранга Фисановича. Её личный состав

был укомплектован опытными подводниками, закалёнными в огне войны. Но до места назначения «В-1» не дошла. Причины и обстоятельства её гибели не установлены, однако, известно, что 27 июля, когда «В-1» совершала переход ещё вблизи английского побережья, английский самолёт по маршруту её следования сбросил какую-то неопознанную подводную лодку. Этот случай в Англии расследовала специальная комиссия, но результаты её работы остаются в секрете до наших дней. Срабатывает старый принцип: «Дружба – дружбой, а табачок врозь!».

Перед выходом командование отряда изучило оперативную обстановку по маршруту перехода. Она не внушала оптимизма. В норвежском Альтенфьерде стоял мощный немецкий линкор «Тирпиц», более 10 эсминцев противника находились в готовности в северных базах Норвегии, а в норвежском и Баренцевом морях враг мог выставить до 50 подводных лодок, которые представляли основную угрозу для ОБК и конвоя.

О секретности перехода думать не приходилось. Конвой в 34 транспорта, с которым шёл отряд советских кораблей во главе с флагманом линкором «Архангельск» был лакомым объектом для «волчьих стай» Деница, хотя его и охраняли значительные силы прикрытия (одних авианосцев в охранении было 4. – **В.К.**)

А в это время гросс-адмирал Дениц в своей штаб-квартире в Берлине давал указания своему начальнику штаба вице-адмиралу Годту:

– У нас, слава Богу, есть мощный подводный флот. Нельзя упустить редкую добычу. Наши «волчьи стаи» пойдут по следу линкора «Архангельск». Важно всё просчитать на десять ходов вперёд...

К утру приказ был готов. В девять ноль-ноль он был подписан Деницем и разослан на подводные лодки боевой группы «Норд».

И вот линкор «Архангельск», отдав морские почести стоявшим на рейде в Скапа-Флоу

английским кораблям, вечером 17 августа, пройдя под мостом без лоцмана и буксиров, не поцарапав своих бортов и не повредив береговых сооружений. Чем ещё раз вызвал восхищение англичан, вышел в сопровождении крейсера «Милуоки» (команда на крейсере была американской. – В.К.) и эсминцев в открытое море. Командир отряда вице-адмирал Гордей Иванович Левченко готовился к худшему: если потребуется, отряд готов принять бой!

В море был 9-бальный шторм, что способствовало скрытности. Отряд советских кораблей шёл на восток. Предстоял нелёгкий и дальний путь. Основная задача – не допустить к линкору вражеские субмарины. Эсминцы образовали полукольцо вокруг флагмана. Они неотступно следовали рядом, словно были на коротком поводке, писали вокруг линкора кривые линии, приносивались, как охотничьи псы, в ожидании мига перед рывком, если вдруг появится противник. Чуть шторм поутих, начались атаки немецких подводных лодок.

Корабли отряда сразу перестроились. Долгое время им пришлось идти противолодочным зигзагом. Силы прикрытия не упускали из виду «Архангельск», держась на определённой дистанции. И каждый из кораблей охранения был готов пойти на

самопожертвование. Лишь бы линкор целым и невредимым пришёл и встал на якорь в Кольском заливе.

У капитан-лейтенанта Ланге, командира «У-711», учащённо забилось сердце, когда он увидел в окуляры перископа линкор. Это случилось на рассвете. Ветер стих. Волны уже почти не горбились и явно шли на убыль. Ланге ловко поворачивает перископ в другую сторону и видит: его лодка внутри походного ордера кораблей охранения и прямо на неё надвигается эсминец. Выпущенные с лодки торпеды не достигают цели. «У-711» уходит на предельную глубину. Корабли сделают всё, чтобы не допустить лодку к линкору. Выпустив торпеды, она надеялась, что эсминцы бросятся следом за ней, а тем временем другие лодки из «волчьей стаи» расправятся с линкором. Просчитались – нашим морякам знакомы эти штучки. Командир дивизиона эсминцев послал один эсминец преследовать «нахалку», а остальные продолжали выписывать вокруг «Архангельска» противолодочные зигзаги. 22 августа силы охранения потопили две немецкие лодки, одну из них («У-344») уничтожил эсминец «Дерзкий». Авиация Северного флота произвела 60 самолётывылетов для поиска вражеских подлодок в районе перехода

конвоя и 82 самолётывылета для прикрытия его с воздуха.

*Секретно и лично
от премьера И.В. Сталина
премьер-министру
г-ну У. Черчиллю.*

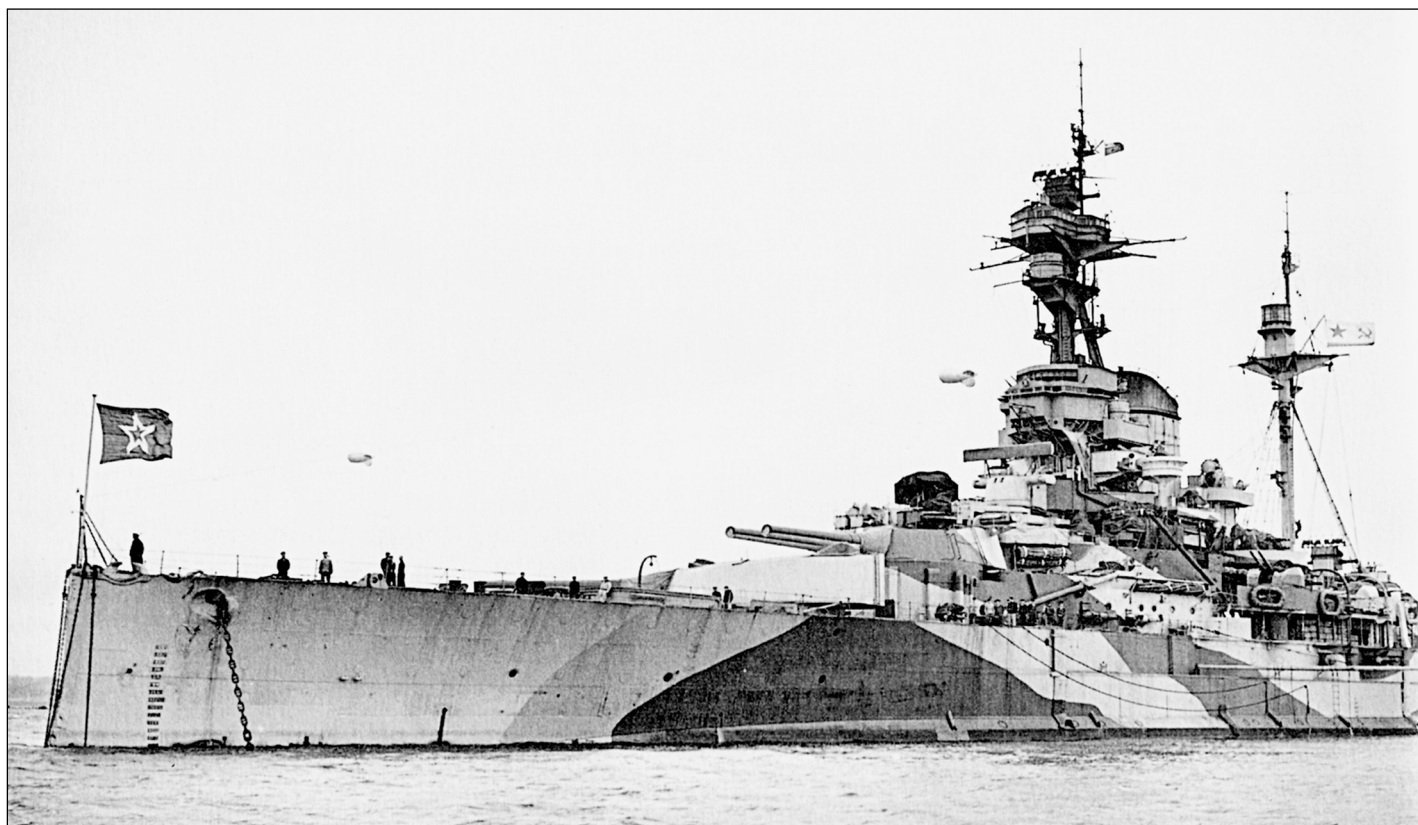
Сегодня, 24 августа, утром благополучно прибыла из Англии в известный Вам советский порт эскадра в составе линкора и восьми миноносцев, переданных Советскому Союзу Великобританией.

24 августа корабли, пройдя 1880 миль, отразив не одну атаку фашистских ВМС, вошли в Кольский залив и стали на рейде Ваненга. Вся операция заняла около четырёх месяцев. Все наши моряки, от рядового до адмирала, показали высокое мастерство и отличные боевые качества.

Полученные «во временное пользование» английские и американские корабли, отлично освоенные нашими моряками, исправно несли службу до конца войны. А когда 10 февраля 1947 года был подписан мирный договор с Италией, эти корабли были возвращены в Англию и США, а 33 итальянских корабля пополнили Черноморский флот, в их числе и печально известный линкор «Джулио Чезаре» («Новороссийск»).

И хотя линкор «Архангельск» не сделал ни одного боевого

Подвиг линкора «Архангельск»

01 / 2017

выхода, он стал флагманом Северного флота, ядром сформированной эскадры флота. Флот становился не тем, которым вступил в войну. Тогда здесь было несколько эсминцев, а теперь была уже целая эскадра. Это вызывало беспокойство фашистской Германии, не давало покоя Кригсмарине. Хотя линкор был символом, в некотором роде, но эсминцы воевали и топили подлодки Деница:

«Берген, 3 декабря. «У-387» из 13-й флотилии имела акустический контакт с русским эсминцем «Живучий» на подходах к Кольскому заливу. Лодка в Нарвик не возвратилась. Командующий ВМС группы «Норд».

Уже к середине 1944 года у Гитлера созрела мысль поссорить русских с томми и янки... Он потребовал от Деница, которому очень доверял, ответа на вопрос: – Столкнутся ли лбами русские со своими союзниками или нет? Главнокомандующий ВМС заверил фюрера, что «яблоком раздора может стать гибель линкора «Ройял Соверин». С этого времени началась охота за линкором. На переходе морем не получилось.

В штабе Деница царило уныние: – Ах, Ланге, Ланге! Какую упустил возможность? Нанёс удар – и впустую. Он мог стать третьим героем нации после Прина и Тизенхаузена. Линкор... Какую упустил возможность! Я рассчитываю, – продолжал Дениц, – что Петерс (командующий группой ВМС «Норд». – **В.К.**) перейдёт к активным действиям. Я не знаю, кто потопит «Архангельск». Мне всё равно. Я хочу, чтобы мои подводники сохранили лицо. Надеюсь, Годт, вы меня поняли?

– Да, гросс-адмирал. В ближайшее время я вам доложу план операции «День X» – уничтожение «Архангельска» в Кольском заливе.

Активность немецких подводных лодок в конце 1944 начале 1945 годов на подходах к Кольскому заливу резко возросла, о чём свидетельствует в своих воспоминаниях адмирал Арсений Григорьевич Головкин, командовавший СФ во время

войны. Только за январь-апрель 1945 года флот сбросил на вражеские подлодки 6 300 глубинных бомб, а самолёты – 250 тонн бомб. Три подлодки были потоплены, не менее 10, получив повреждения, вынуждены были возвратиться в свои базы. Хотя подлодкам с «Биберами» (сверхмалые подводные лодки. – **В.К.**) на борту и запрещалось ввязываться в боевое соприкосновение, они всё-таки были обнаружены и атакованы противолодочными силами Северного флота. Три субмарины-носители были захвачены нашими разведчиками, а потом атакованы штурмовиками у мыса Нордкап в 8.30 5 января. Январское утро было холодным. «Вижу три цели. Подводные лодки незнакомой конфигурации. Приготовиться к атаке!» – сообщил комэкс своим ведомым. На субмаринах заметили советские штурмовики. Лодки пошли на погружение. Но штурмовики успели атаковать их эрэсами и сбросили бомбы. Хотя атака длилась каких-нибудь 5-7 минут, она принесла свои плоды.

Об этом свидетельствует донесение командира группы «Биберов» капитан-лейтенанта Вердемана в штаб командующего боевой группы ВМС «Норд»: *«...Покорнейше прошу вас обратить внимание на следующий факт: дальнейшее следование особого отряда к побережью Кольского залива нецелесообразно...»*

*Подводные взрывы, вибрация лодок-носителей, которую свети до минимума не сумели, прорывы воды в корпусы «Биберов» при погружении, не поддающиеся ликвидации пары бензина и другие причины обрели на провал тщательно спланированную и подготовленную операцию «День X». Столь пространный телеграмма с весомыми причинами вынудила фашистов затопить «Биберы» (всё таки это было сверхсекретное оружие – **В.К.**), а лодки носители вернуть в базу.*

Через несколько лет после окончания 2-й мировой войны в журнале «Маринер рундшау» (ФРГ), под рубрикой «20 лет назад» была опубликована хроника боевых действий

военно-морских сил 3-го Рейха, в которой говорилось: «5.1.45. Три германские подводные лодки, имея на палубе сверхмалые подводные лодки, вышли в море с задачей атаковать в Кольском заливе линкор «Архангельск» и корабли союзников. Задача не была выполнена». Короткая, без комментариев информация с честным признанием: «Задача не была выполнена».

Я привёл этот малоизвестный факт из истории нашего флота в напоминание тем, кто принижает роль ВМФ СССР в Победе в Великой Отечественной войне (в частности, писатель Игорь Бунич), и тем, кто считает флот для России дорогой и ненужной игрушкой (некоторые наши политики). Флот всегда был стержнем государственности, и не только Англии, но и надёжным защитником государственных интересов России.

СПРАВКА

*Линкор «АРХАНГЕЛЬСК»
Водоизмещение полное 33 500 т.
Турбины Парсонс – 18 котлов
Полная скорость – 22 узла
Вооружение:
8 – 381 мм орудий
12 – 152 мм орудий
8 – 102 мм орудий
4 – 47 мм орудий
16 – 40 мм автомата
8 – пулемётов
Размеры: длина – 191 метр
ширина – 31,3 метра
осадка – 8,7 метра*

Линкор один из основных классов крупных боевых кораблей, предназначенных для уничтожения в бою кораблей всех типов, а также нанесения мощных артиллерийских ударов по береговым объектам.

В ходе 2-й мировой войны линкоры использовались главным образом для защиты авианосцев и конвоев от кораблей противника и обеспечения десантных операций. Немцы использовали их в качестве рейдеров (пиратские действия на коммуникациях противника).

пос. КУПАВНА,
Московская обл.

Валентина ЧИСТЯКОВА

СЕВЕР В МОЕЙ СУДЬБЕ

Я родилась в Мурманске. Это было давно. Шестидесятый год. Семья была многодетная, четверо детей. Мать нас воспитывала одна. Мы жили в коммунальной квартирке на первом этаже, занимали одну комнату из двух. В другой комнате тоже жила многодетная семья. Двор у дома с утра до ночи был забит детворой. Наши родители чуть ли не силой загоняли нас домой, потому что игры занимали всё наше время. Весело было и без всяких компьютеров, мобильных и других современных наворотов.

Наша мама попала в Мурманск, можно сказать, случайно, но осталась в нём до своей ранней смерти. Маму звали Галина Николаевна Чистякова. Родилась она в Тверской области в городе Бежецк. До Великой Отечественной Войны жила в большом доме. Отец у неё был архитектор, мать учительница. В 1939 году они развелись. Мама Гали, Спировская Ольга Григорьевна, умерла от рака. Ей не было и пятидесяти лет. А отец Гали, Чистяков Николай Николаевич, уехал в Ленинград и умер там в блокаду. И осталась моя мама одна в 19 лет. А вскоре пошла цепочка одних несчастий за другими. Родная тётка отобрала у неё дом и выгнала девушку на улицу. Но, видимо, «сверху» случившееся посчитали несправедливостью, и дом, доставшийся тётке, сгорел. И пошло, и поехало.

Работа на заводе Сельхозтехники в городе Бежецке в качестве художницы. А мама у меня оканчивала художественную школу. Но у говорливой Гали вышел конфликт с директором завода. Самое интересное, в годы «репрессий» Галя не постра-

дала никак. Директор понизил её до должности уборщицы.

Во время войны отец приглашал Галю в Ленинград, но моя мать всегда говорила нам, детям, что боялась туда ехать, так как отец хотел её съесть. Она верила этому. После войны моя мать всё-таки поехала в Ленинград и устроилась на стройку маляром.

Через некоторое время одна подруга из бригады подговорила Галю рвануть на заработки на Север. Мать, молодая, не долго думая, поехала в Мурманск. И, как часто бывает, подруге что-то не понравилось на Севере, и она уехала назад в Ленинград. А моя мать осталась. Выбор работы у неё оказался невелик. Устроилась в Траловый флот. Стала ходить на море на кораблях, то как юнга, то как повар. И естественно, в многомесячных походах молодая Галя влюблялась. Но моя мать в этом плане была очень избирательна. Мужчин на кораблях много, но её тянуло всегда к руководству.

Первый мужчина у неё был старший боцман. От этого союза потом родился мой старший брат. Но этот первый мужчина оказался в судьбе моей матери тем самым, который «поматросил и бросил». Он потом нашёл себе помоложе и поинтереснее.

Второй мужчина у моей мамы был уже капитан. И она была, видимо, довольна таким союзом, раз родила от капитана ещё троих детей. У меня есть ещё старший брат и старшая сестра. Кстати, потом этот мой второй старший брат долго ходил матросом на норвежских судах. Голодные 90-е его не затронули. Не буду рассказывать, что многодетная семья – это не так хорошо и весело, как говорят, это

иногда тяжело и психологически некомфортно. У нас была одна мама. Одна комната на всех пятерых, было мало денег, голодно. Помощь от государства была скорее условная, чем реальная. Да и мама умерла рано по жизненным меркам, пятидесятилетней женщиной, оставив нас, детей, ещё в малом возрасте. Единственное, что нам досталось от мамы, так это трёхкомнатная квартира, которую она получила накануне своего ухода в мир иной. А мне было тогда только одиннадцать лет. И пошла моя самостоятельная жизнь. Буквально. Вот скажи сейчас молодым, что я не спилась, не скурилась, спортом занималась, много читала, по музеям ходила, не поверят. А это правда.

Меня и сестру вначале хотели отдать в детдом, но старший брат сказал, что возьмёт опеку над нами. Ему тогда было двадцать лет. Его вернули из армии по семейным обстоятельствам.

А второго старшего брата, вопреки всем законам, отправили на три года в Североморск, служить морпехом. И вот мы с сестрой ещё школьницы; старший брат на работе. И мы с ней по хозяйству были. А через несколько лет получилось так, что мы с сестрой уехали с Севера. Видимо, Север может удержать только тех людей, которые там закрепились. А мы с сестрой были очень молодые и, как наша мать, поехали строить свою жизнь и семью уже в другое место, в Подмосковье. По себе знаю, что моя судьба несёт в себе повторения жизни моих предков, и я продолжаю жизнь своей матери, которая могла у неё произойти, если бы она никуда не уезжала из своего Бежецка.

В ноябре 1993 года береговая охрана Франции обнаружила в Бискайском заливе перевернутую вёсельную лодку, а потом и тело отважного гребца, затеявшего беспрецедентную «кругосветку» – 40 200 километров за 557 суток.

Виктор ЕЛИСЕЕВ

ОДИН НА ОДИН С ОКЕАНОМ

Примером был отец

Погибшим оказался Е.П. Смургис. Евгений Павлович родился 19 августа 1938 года в Оренбурге. Его отец Павел Фёдорович в годы войны в качестве штурмана дальней авиации бомбил Берлин и другие объекты в глубоком тылу врага. После войны возглавил Оренбургское лётное училище, в котором учился первый космонавт Ю.А. Гагарин. Ещё в сороковые годы Смургис-старший был известен и как хороший футболист. В 1950 году семья Смургисов переехала в город Липецк тогдашней Воронежской области. Здесь Павел Фёдорович испытывал новые истребители, а супруга Таисия Андреевна была домохозяйкой. Она воспитывала двух сыновей: Владимира и Женю. Младший всегда брал пример с отца. В молодости увлёкся футболом. В Липецке, вскоре ставшем областным центром, Павел Фёдорович является «отцом тенниса». В городе постоянно проводились соревнования, и Евгений тоже увлёкся этим видом спорта. А вскоре на смену теннису пришли лыжи, лёгкая атлетика, плавание. Пришлось ему и постоять на ринге. В своё время увлёкся боксом. Как считают многие его друзья, бокс помог ему не только закалить силу характера и силу воли, но и способствовал переносить трудности, развил физически. Навыки эти помогут ему в его странствиях-путешествиях.

Трудиться он начал с юных лет. В 1973 году его друг Николай Песляк создал строительно-монтажную бригаду, и первым в неё пришёл Смургис. Он был монтажником, и порой приходилось варить конструкции на большой высоте. Затем судьба забросила его в захолустный приморский леспромхоз. Кем здесь он только не был. И охот-

ником, и лесорубом. А когда наступало время запрета на отстрел животных, Евгений спешил в родную Липецкую область. И вновь приходилось работать монтажником. А с 1967 года Смургис стал работать рядовым учителем физкультуры в посёлке Тулпан на берегу речки Колва, что в Пермской области. Он уже к этому времени был мастером спорта по боксу.

Увидев однажды...

Ученики Смургиса жили в разных селениях. И после занятий многие отправлялись домой на... гребных лодках. Кто-то плыл вверх по Колве, кто-то вниз. А однажды летом 1965 года Евгений охотился в тайге. И он увидел старенькую бабушку. Она сидела в лодке с копной сена и привязанной к корме козой и довольно размахисто гребла веслом. Позднее Смургис запишет в своём дневнике: «Забыв про рябчиков, понёсся домой. Воображение рисовало радужные картины. Ту же лодку, но сделать подлиннее, нос и корму поднять, приладить хорошие вёсла – и в путь». В сорока трёх километрах ниже по течению Колвы располагалась деревня Русиново. Здесь жил 73-летний А.П. Миков. Андрей Павлович был мастер на все руки. И топором владел, и долотом. Два года пролетело незаметно. Многому научился Смургис у старика. И ранней весной 1967 года Евгений построил семиметровую лодку. И название дал весьма оригинальное – «МАХ-4». А означает это «Махай в четыре весла». Нашёл себе и попутчика. Это был уроженец Липецка Валерий Лютиков. Приближалась юбилейная дата – 50-летие Октябрьской революции, и два друга решили посвятить своё «плавание» этому юбилею. Тогда это приветствовалось. Да и в маршрутной книжке

чётко было указано: «Путешествие посвящается 50-летию Великого Октября». 9 июля 1967 года началось это плавание. Вместе с ними плыла и овчарка Ватан. Путь был долгий. Река Кама, затем Волга, Дон и река Воронеж. Всего друзья прошли за сорок три дня без малого 4500 километров и финишировали в родном Липецке. Они побили рекорд англичан Блайта и Риджуэ, которые за год до этого 3998 километров прошли лишь за 91 день. В 1968 году новое «путешествие». Вышли из родного Липецка, а затем была столица и далее по Мариинской водной системе и по рекам Свирь, Ладоге и Неве добрались до Ленинграда. А затем курс на столицу Латвии – Ригу. А оттуда путь лежал в город-герой Волгоград. На этот раз на корме лодки красовалась другая надпись: «Посвящается 50-летию ВЛКСМ». Она, словно индульгенция, открывала перед Смургисом и Лютиковым двери больших чиновников. На этот раз Смургис плыл с липчанином Виктором Поповым. А затем, вроде бы, Евгений «завязал». Но, оказывается, он обдумывал новые маршруты. Да и нужны были деньги. И не маленькие. Поэтому Смургис был вынужден вновь работать в далёком Приморье охотником-промысловиком. Здесь он подобрал после смерти матери маленького медвежонка и назвал его Борькой. Он взял его с собой в очередное путешествие. Стартовал Евгений из Риги, а затем по Даугаве и Днепру попал в Чёрное море. Далее мелководное Азовское море. И всё это время его сопровождал медвежонок. Но в Ростове-на-Дону Борька стал неуправляемым и его пришлось определить в местный цирк.

А затем были новые маршруты. На «МАХ-4» он исколесил озёра, водохранилища, реки с запада до самого Тихого океана. На переходе из Волгограда до устья Урала он грёб один. Позднее его попутчиками станут Николай Песляк, Вячеслав Лыков, тот же Виктор Попов. Затем был коварный маршрут – выход в Карское море. И здесь Евгений грёб один. Кстати, пограничники, находившиеся в устье Оби, дали ему «добро» на выход в Карское море. Затем он поднялся вверх по Енисею. Здесь к нему примкнул Леонид Микула из Донецка. За тридцать дней он прошёл без малого две тысячи километров. Были сломаны вёсла. В Иркутск по коварной Ангаре он вновь грёб в одиночку. У него были две «бумаги» – одна от редакции журнала «Вокруг света» и вторая от генерал-полковника Матросова, который в то время

был начальником пограничных войск СССР, – об оказании содействия. Смургис пересёк Байкал в страшный шторм и с великим трудом попал в реку Селенгу. Затем была остановка в Улан-Удэ, куда он с Василием Галенко шёл только на вёслах и против течения. Местные рыбаки посчитали их за «идиотов» и полных «дураков». Таких «чудаков» они видели впервые. По притоку Селенги – Хилку они достигли Читы. Отсюда Смургис вновь сидел в лодке один и плыл по Шилке и Амуру. На Амуре он и встретил затруднения. Пограничники даже никакого внимания не обратили на «охранную грамоту» их начальника. Совсем недавно произошёл инцидент на Даманском. В Хабаровске его лодку погрузили на платформу и доставили к Амуру. В то безопасное место, где не проходила государственная граница между СССР и Китаем. В Николаевске-на-Амуре к нему вновь присоединился Галенко. Теперь их путь лежал на Владивосток по Охотскому и Японскому морям. А время было штормовое. Шёл август. Они трижды попадали в тайфун. Уже после Находки «МАХ-4» понесло ветром в сторону Японии. Но на их счастье ветер стих и путешественники добрались до Владивостока. Здесь их ждали. Лодку Смургиса несли на руках. Вскоре она стала экспонатом краеведческого музея имени В.К. Арсеньева.

Свою следующую лодку Евгений Павлович строит на заводе «Пелла»: и она была рассчитана на преодоление северных маршрутов. На ней он совершает маршрут из Онеги в Москву. Вместе с ним часть маршрута шёл его сын Александр, который стал участником путешествий отца с 14 лет.

У Смургиса новые планы. 24 июня 1986 года он дал старт первой в мире кругосветной экспедиции на гребной лодке в Тикси. Впервые маршрут гребной лодки проходил в арктических морях. А здесь навигация длится не более месяца-полтора. И то на помощь судам приходят ледоколы. И Смургис в одиночку совершает переход по арктическим морям из Тикси в Диксон, достигнув при этом параллели 77 градусов 45 минут северной широты. Какие только трудности он не испытал. Порой невозможно было плыть между льдинами, и тогда он вытаскивал лодку и перетаскивал её на чистую воду. При этом приходилось орудовать ледорубом собственной конструкции и маленьким ломиком.

Попал в Книгу рекордов Гиннеса

В новое путешествие он отправился в августе 1992 года из Тикси вместе с сыном Александром. 2500 километров по двум морям – Карскому и Баренцеву они преодолели за 43 дня. Это достижение, так же как предыдущая «кругосветка», попало в Книгу рекордов Гиннеса. Плавание и на этот раз выдалось тяжёлым. Гребли по очереди. Один отдыхал, второй махал вёслами. Средняя скорость была не более 4 километров в час. Евгений Павлович с сыном измеряли также уровень загрязнённости морей. Маршрут был завершён в Мурманске. И у Евгения Павловича возникла новая идея о «кругосветке». На этот раз решено было отправиться из Мурманска в Лондон и далее. Было решено преодолеть 40 200 километров за 557 дней. Из Мурманска он отплыл с сыном. В Северном море встретились первые трудности, но отец и сын их преодолели. Через два месяца, миновав Баренцево, Норвежское и Северное моря, «МАХ-4» и путешественников радостно встречали в столице туманного Альбиона. На время их приютил яхт-клуб и помог в ремонте лодки. Да и самим путешественникам необходимо было отдохнуть. За этот переход потеряли в весе свыше

десяти килограмм каждый. А экономить пришлось практически на на всём. Не густо было и с провиантом. Смургис часто говорил: «Деньжат не хватает, но ничего – как-нибудь выкрутимся. У нас есть лодка – деревянная, восьмиметровая, с небольшой каюткой. Стало быть, и крыша над головой». Человек гордый, он привык в основном рассчитывать лишь на свои силы. Впереди отца и сына ждали более тридцати тысяч километров. И на борту лодки лишь один навигационный прибор – компас. А путь предстоял нелёгкий. Они планировали зайти в порты Франции, Испании, Португалии. Затем маршрут лежал на Канарские острова, Панамский канал – и движение к северу вдоль американского побережья. После чего возвращение на родину – в Тикси. В Ла-Манше судьба словно предупредила их в последний раз. Штормило. Лодку перевернуло. Гребцы оказались в воде. Хорошо, что поблизости находился английский пограничный катер. Заметил потерпевших бедствие и доставил на соседнюю военно-морскую базу. Там им оказали сердечный приём. И обогрели и накормили. И даже одарили кое-чем из техники. И, что особенно ценно, хорошим опреснителем морской воды. Но намеченный график «хождения за семь морей» был нарушен. А тут ещё одна задержка, угрожающая успеху путешествия. Улетел по срочному делу домой Александр. Решалась судьба его жилья. Смургис-старший решил твёрдо стоять на своём. Он не привык отступать. Поплыл один, распростившись с дружелюбной базой королевских ВМС. В это время года Бискайский залив опасен даже для крупных судов. А он сидел на вёслах поморского чёлна. Путь лежал в порт Кадис...

Страшный шторм произошёл в ночь на 15 ноября 1993 года близ устья Гаронны у побережья Франции. Лодку выбросило на берег близ городка Ла-Треблад. Она была без видимых повреждений. А вскоре было найдено и тело самого Евгения Павловича. Это место, где он погиб, с давних времён считалось одним из самых опасных, и недаром в народе его называли «поглотитель людей». Тело Смургиса было доставлено самолётом в Липецк, и он похоронен на Косыревском кладбище города-металлурга.

В морском музее Ла-Треблада под открытым небом стоит теперь лодка «МАХ-4». Это памятник мужества русскому путешественнику. К лодке прикреплена табличка с надписью на французском языке. Здесь приведены цифры, говорящие сами за себя. С 1967 по 1993 год на трёх гребных лодках Евгений Павлович прошёл за 710 ходовых дней сорок восемь тысяч километров. Последние свои 11 300 километров – от полярного Тикси до устья Жиронды он шёл по программе «кругосветки» 255 дней. И много дней выпало на Арктику. Он прошёл от 130-го градуса восточной долготы до 50-го градуса к западу от Гринвичского меридиана. Ещё никто ни из европейцев, ни из американцев не побил рекорд русского морехода. И никто ещё на вёслах не сумел проплыть сорок восемь тысяч километров. В областном Липецке о нём помнят. Его именем названа одна из улиц.

Жанна ГЕРМАНОВИЧ

С ВОСТОКА НА ЗАПАД

Отпуск. Для живущего на Камчатке в этом слове заключено много больше, чем просто «временное освобождение от работы на определённый период времени для отдыха или иных целей...». Едва ли не каждому, особенно сельскому, жителю греет душу маячащий на горизонте шанс вот-вот вырваться из цепких лап многоликого Севера и махнуть на «материк», окунуться в атмосферу говорливых городов и вечно суетящихся людей, затеряться среди обилия достопримечательностей и диковинной природы, обогатиться духовно.

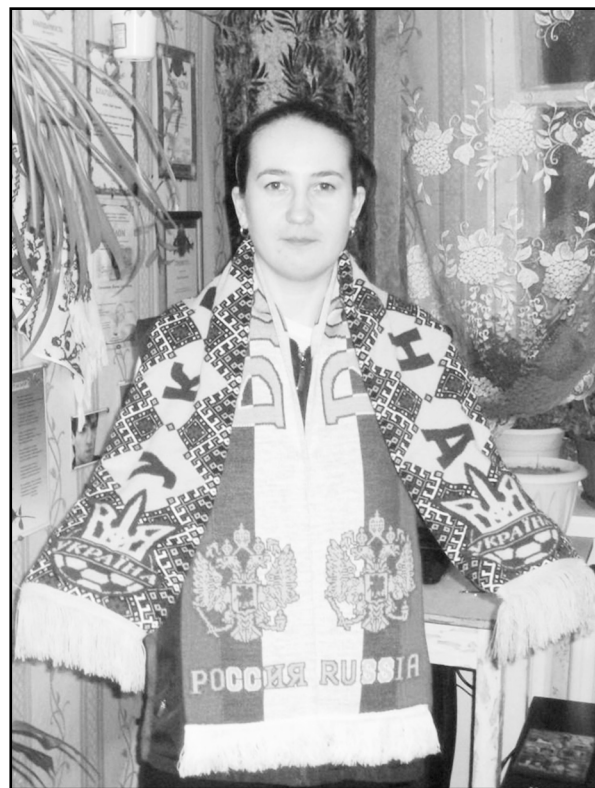
К сожалению, мы лишены возможности незамедлительно, вняв зову сердца, умчаться на вокзал, купить билет на поезд и отправиться в пункт назначения «Впечатления». Зачастую едва теплившееся в душе воодушевление окончательно сходит «на нет» из-за необходимости покупки билетов за полгода до поездки и их дороговизны, из-за перспективы трястись в душном автобусе часов десять, а то и больше, до краевого центра ради того, чтобы помятыми и уставшими пересекать часовые пояса на самолёте, кляня зоны турбулентности. Но ведь загвоздка вовсе не в этом... Необходимо преодолеть себя, оседлый образ жизни, вырваться из вязкого, устроенного быта, перестать искать отговорки. А главное, раз и навсегда расстаться с мыслью о торжестве зла в мире и равнодушии людей. Мир не так страшен, как его малюют СМИ, целенаправленно выискивающие с какой-то маниакальностью негатив, и не так

мрачен, как его преподносят люди, разочаровавшиеся в себе и в других.

Путешествуя, волей-неволей обращаешь внимание на попутчиков, случайных прохожих, вглядываешься в их лица. Черты лица как некий отпечаток прошлых воплощений души, пережитых скорбей и восторгов, как свидетели свершившегося и как предсказатели – непостижимая «Книга судьбы». Однажды незнакомец сказал мне: «Интересное у вас лицо! Плохое ли, хорошее... нет, не так – сложное. Лицо, которое заставляет останавливаться и задуматься».

В небольшом городке, посёлке каждый житель на виду. Те, чья жизнь пуста и бессцельна, те, чей внутренний мир скуден и жалок, находят себя в критике, в критике чужой личной жизни, в обмусоливании и «приукрашивании» событий. В мегаполисе ты и в людях и около людей. Не этого ли жаждет душа, пресытившаяся прелестями сельской жизни? Ощутить всю полноту бытия, стать частью его кардиограммы и воспользоваться уникальной возможностью прочувствовать всеми фибрами своего существа атмосферу иного, неизведанного, магнетического.

С момента моего крайнего визита в западную Украину минуло четыре года. Меня, как человека имеющего кровную связь с ней, не может не раздражать стремление литераторов, так сказать, примазаться к истории: нынче среди деятелей искусства «модно» вести разговоры о военном конфликте в Украине, совершать вылазки в зону боевых действий с пафосны-

ми лозунгами вроде «Русские своих не бросают!». Тема не сходит с языков, произведения и посты в социальных сетях пеэстрят «подробностями», впечатлениями, отношением к происходящим событиям. Нет ничего проще и гнуснее, как пропиарить себя, своё творчество, воспользовавшись трагедией.

Оказавшись в Москве, не раздумывая, я купила билет на поезд до Львова. Хотелось повидаться с родственниками, а также в который раз убедиться в том (и донести до недружелюбно настроенных), что коренные львовяне – толерантные и благожелательные люди, а западная Украина – это не пристанище бандеровцев.

Российско-украинская граница. Украинские пограничники шуток не любят. Один пассажир имел неосторожность съюморить, и его удачно ссадили с поезда. Вообще на территории незалежной, а особенно на границе, лучше хорошо говорить по-русски, чем плохо по-украински, дабы не поганить, как выразился один из пограничников, их мову. Поведение пассажиров – это отдельный разговор. Пока поезд, мирно постукивая колёсами, колесит по российской территории, украинцы ведут себя немного скованно, а русские прокручивают

в голове все возможные варианты развития событий при въезде на территорию чужого государства. Что касается меня, то пограничник дотошно допытывался, с какой целью я въезжаю в его страну. Позже сосед по нижней полке произнёс: «Сколько пересекаю данную границу, впервые вижу, чтобы девушку допрашивали с таким рвением... Жанна, вы держались достойно!». Чем моя скромная персона вызвала такой интерес, для меня так и осталось тайной за семью печатями. Кем бы ты ни был, с какой бы страной себя ни ассоциировал, но гражданство определяет многое. Остались позади зоны таможенного контроля. Россияне выдохнули с облегчением, а украинцы заметно оживились. Такая же ситуация и на обратном пути, только всё наоборот.

Немного о поезде. В плацкартном вагоне дешевле и веселее. Ты у всех на виду, но и ты обзираешь всех. Вагоны старенькие. Вспомнился казус: счастливая обладательница нижней боковой полки, расстелив постель и уютно устроившись, с грохотом рухнула на пол, смеялись вместе с ней всем вагоном. Как оказалось, складная часть спального места провалилась, не выдержав нагрузки. Решение нашлось незамедлительно: подставили ведро! Проводники теплолюбивые, натапливали до +30. Обратно я возвращалась на верхней полке, по ощущениям было +40. В вагоне царили ароматы копчёного сала, варёных яиц и горилки. Сквозь полудрёму до меня доносились обрывки спора между пассажирами о том, кто же такие «хохлы», «москалы» и «кацапы». В конце концов, спорщики обняли друг друга и произнесли тост за мир во всём мире, а главное, за мир между братскими народами.

Львов. Я не ставила себе целью заниматься перечислением и описанием его достопримечательностей, с этим много лучше справится любой туристический путеводитель. Для меня не столь важно, как называется тот или иной шедевр архитектуры, а важна атмосфера, царящая в нём, и то впечатление, которое он производит и какой

след оставляет в душе. Немного позднее, оказавшись в Праге, я поняла, что Львов – это Прага в миниатюре. Отопление, как и во всей Европе – наболевшая тема. В помещениях довольно прохладно. Особенно это ощущалось в двадцатиградусный мороз. К слову, «материковские» морозы с преобладанием высокой влажности да ещё с пронизывающим ветром много свирепей наших камчатских тридцатиградусных, вот здесь вполне уместно выражение «промерзнуть до костей». Одним словом: зимно! Главный рынок Львова – «Краковский», пестрит разнообразием ассортимента: от «вышиванок» до товаров первой необходимости. Покупатели, стуча зубами, меряют обновки, а продавцы согреваются горячительными напитками.

Важно, что, несмотря на все тяготы, народ поражает своим оптимизмом, открытостью и добродушием. За время пребывания в западной Украине я спокойно изъяснялась на русском языке, ходила в шарфе, украшенном надписью «Россия», не встречая никаких нелюбимых выпадов от кого бы то ни было. И здесь считаю должным привести один случай: зайдя в одно из многочисленных кафе, я увидела, как на меня пристально смотрят за соседним столиком; в голове промелькнула мысль: «Шарф... шарф!!!» Посетителями кафе оказались уроженцы Киева, а одна из женщин являлась обладательницей такого же шарфика, купленного в Москве. Узнав, что я родом из России, они произнесли: «Мы с вами!». Неизгладимое впечатление произвела и компания людей, бурно обсуждающая предстоящий концерт в Доме органной и камерной музыки, располагающемся в костёле Марии Магдалены. Заслышав русскую речь, я спросила, не из России ли они, на что мне ответили: «Просто мы коренные львовяне, а не бандеровцы». Весомостью и значимостью данная фраза развенчивает миф о так называемых злых «западенцах», ненавидящих русских, русский язык и всё, что связано с Россией. Вспоминается, как перед отъездом мне пы-

тались внушить страх историями вроде: поезда, следующие из Москвы, закидывают камнями и бутылками... Спешу разочаровать, камнями и стеклотарой нас никто не закидывал, знаменитыми киевскими тортами и котлетами тоже.

Отдельно хочется рассказать о выставке украинских народных музыкальных инструментов в Музее народной архитектуры и быта «Шевченковский гай». Сотрудник музея, весёлый мужичок, завлекавший посетителей рождественскими колядками, вручил каждому по инструменту. И все вместе мы – представители различных уголков земного шара – сыграли радостную, заводную мелодию. В какой-то миг мне показалось, что: «...Всё завертелось радостным вихрем, праздничной пляской людей, влюблённых друг в друга, в жизнь, начатую ради другой жизни – красивой, бодрой, честной...» (М. Горький «В людях»).

Нельзя не упомянуть о рождественском концерте в Латинском соборе (Архикафедральная базилика Успения Пресвятой Девы Марии) знаменитой семьи Поспешальских из Польши. Музыканты исполняли колядки под аккомпанемент органа, саксофона, гитар, придавая им джазовое звучание. Собор вместил всех желающих вне зависимости от вероисповедания и знания польского языка.

Когда говоришь, что ты с Камчатки, это вызывает бурю эмоций. Нередко сотрудники музеев и сувенирных лавочек, обрадованные появлением гостя из далёкой «страны вулканов», открывали моему взору шедевры, недоступные многим туристам из других регионов. За что я им сердечно благодарна!

Что касается пребывания в Москве, в этот раз я познавала её улочками, сохранившие память о поэте Сергее Есенине.

А кое-кому звонила из «нехорошей» квартиры...

Конечно, в жизни есть место разочарованиям, несправедливости, злу. Но ведь жизнь творим мы сами. А закон бумеранга ещё никто не отменял...

Андрей и
Павел ГАГАЕВЫ

Посылаем Вам модель космо-психо-логоса (КПЛ) и сказки нанайского этноса. Работа предназначена нанайскому этносу и народу. Дерсу Узала и сказка Айога – образ нашего детства. Каждый народ должен иметь Пять книг: Книгу языка, Книгу эпоса и сказки, Книгу философии и истории философии, посредством которой формируется активное этносамосознание, идентичность и идентификация, Книгу живых и мёртвых в своей вере и религии, Книгу истории этнической педагогики, формирующей развивающуюся этническую личность. Немногие народы имеют свою историю философии. В данной работе создана модель космо-психо-логоса, сказки и образ философии нанайского этноса в сравнении со сказкой и философией угро-финских этносов мокши и эрзи, которые родственны удмуртам и нанайцам по своим гаплогруппам. Подчёркиваю, что работа предназначена именно для нанайского человека, которому интересна его психогенетика, философия, эпос и сказка.

Философия Жизни

Сравнительный анализ эрзя и мокша, нанайской сказки и философии. Философия сказки «Айога» и «Гарпамди — меткий стрелок». Нанайская философия

Памяти братьев-Близнецов — нанайского богатыря Дерсу Узала и русского богатыря В.К. Арсеньева посвящается.

I. Психогенетика нанайцев.

Нарратив языка

Нанайцев насчитывается до 12 тысяч человек в мире, из которых 9 тыс. проживает в Хабаровском крае. А может ли у нанайцев быть своя философия?

1. Нанайский род Самар имеет североевропейскую гаплогруппу N1c1-M178, которая достигает 83%. Другие гаплогруппы: C-M130, I-M170, J2a1a-M47, O2-P31. Гаплогруппа N1c1-M178 маркирует тунгусское происхождение рода. Гаплогруппа C-M130 представляет связь с коренным населением ареала Амура. Данный нанайский род близок к якутам, хакасам, бурятам, мокши и эрзи, угро-финнам вообще. Гаплогруппа N1c1 у финнов – 68%, у якутов 80%, у удмуртов – 56%, у татар – 22, 6%, у мокши и эрзи до 20%. В эрзе N1c1 – 12%, мокше 16, 9%

2.1. Нанайцы – носители байкальского антропологического

типа с небольшой примесью северо-китайского антропологического компонента.

2.2. Этническая основа в этногенезе – конгломерат родов, но субстанция – тунгусские рода Приамурья. Как общность гольды (нанайцы) сформировались к

XVII веку, но включили в себя племена – нанай, нани, киле, акани. Нанайцы подразделяются на верхних и низовых нанайцев. Их численность в мире – до 12 тыс. человек, 9 тыс. проживает в Хабаровском крае. Организация жизни в XIX веке – семейная, родо-

вая, объединение родов доха, семья субъект собственности и распоряжения территорией. Субъект собственности – не община, но именно семья.

2.3. Государство Цзинь Чжурчжэней существовало в X–1234 гг. на территории Маньчжурии, Центрального и Северо-восточного Китая, Северной Кореи, Приморского края. Расцвет государства – 1115–1234 г. Чжурчжэни – этнос, принадлежащий по языку к тунгусо-маньчжурской группе. Чжурчжэням родственны эвенки. Потомками чжурчжэней являются удэгейцы. Возможно Дерсу Узала был удэ. Дючеры, жившие на среднем Амуре, возможно, подгруппа чжурчжэней или группа им родственная. Нанайский язык так же принадлежит к тунгусо-маньчжурской группе. Сказки нанайцев, отражающие войну с монголами, возможно, отражают и события 20 летней войны чжурчжэней с монголами в 1210-1234 гг. Мифология и сказка чжурчжэней и удэ, нанайцев может быть общей в этногенезе и демогенезе, имея общее и с китайской и угро-финской мифологией.

3. Религия – шаманизм как естественная религия, создаваемая личностью в коммуникации с природой, но не некоторым одним основателем религии. Шаман – избранник духов; имеет индивидуальный опыт (нет книг и канонов), но значима устная речь, песня, сказка, миф; шаман вселяет в себя духа и лишь отчасти им управляет, дух управляет шаманом; шаман изучает мир духов и создаёт свою личную модель Вселенной, личную модель знания; воздействие на духов – магия, анимизм, ритуал, обряды, звук музыкальных инструментов, ономатопея; в транс-сне шаман путешествует в иных мирах: верхнем, нижнем, среднем; шаман встречается лицом к лицу с богами, духами вещей, растений, зверей; ищет души умерших, которые заблудились и возвращает их в их новый дом; познает верхний, нижний и средний мир; умеет превращаться в феномены природы и живых существ; через мировое Дерево осуществляет посредничество между людьми и духами; реализует практические цели лечения и прогноза буду-

щего, борьбы со злом. Как раз шаманизм предполагает магическое воздействие подражаемыми природе звуками, то есть форами ономотопеи на феномены природы и живых существ (резонанс в физике). У нанайцев некотором отношении в критических условиях шаманом может быть опытный и мудрый человек, и им был и Дерсу Узала. Термин «шаман» у нанайцев – *саман* (колдовать), в татарском *кам* (японское *sami* – бог конкретного места или феномена природы, растения, дерева, горы и т.п.). Шаман и нанайское *qomio* – помогающий дух. Шаманизм родственен даосизму с его идеями естественности, магии, добрых и злых духов, чувстве протеста против угнетения и несправедливости. Философия шаманизма – философия естественного тождества энергий природы и энергий в человеке (как в индуизме, чакры, таттвы энергий) и использования этих энергий в практике и личном познании. Знание имеет форму именно личного знания. Шаман воздействует на следствия вещей – духов, чтобы управлять их причинами и направлять динамику следствий. Форма мышления – прогрессивный силлогизм.

4. Нарратив языка. Нанайский язык. Тунгусо-маньчжурский язык (тунгусо-язычная общность). Нанайский язык агглютинативно-суффиксальный, имеет послелогги, уточняющие падежные значения, но не имеет префиксов и инфиксов, синтетический язык. Но имеет и аналитический способ выражения формальных значений посредством служебных слов. Морфемы располагаются в определённом порядке: корень + суффиксо словообразование + суффиксо деривационное формообразование + суффиксо смешанное словообразование + суффиксо реляционное формообразование + суффиксо частицы. Обязательной частью является только основа. В притяжательных словосочетаниях первый член выражает предмет (определение), второй – предмет обладания (определяемое). Нет согласования определения с определяемым, то есть определяемое берётся в некотором отношении тождества в уровне общности (традукция и умозаключения о

субъекте, не предикате). Порядок слов в предложении: S-O-V (подлежащее, прямое дополнение, сказуемое: кошка молоко пьёт. Вероятно, в языке субъект и предикат образуют нечто целое, которое носит локальный характер-это местная спецификация жизни рода. Само название – *нанай* (*нани*, от на – «местный» + *най* – «человек»), то есть «Местный человек». На нанайском языке говорит 100-150-350 человек.

Фольклор, мифология, сказка предполагает метафоричность и ономотопею. **Ономатопея**, в латинской транскрипции *onomatopoeia* – словотворчество (производно от *имя* и *делаю, творю*) – это слово, которое эссенциально подражает естественным звукам природы, растений, животных, например, имя Айога, которое возникает путём меризматического, формантного и фонетического уподобления (фоносемантика) не речевым звукокомплексам Природы. Ономотопеической характер носит лексика, которая подражает феноменам природы и живым существам, звуки которых образуют их язык. Таковы глаголы «квакать», «мяукать», «кукарекать», «гоготать» и производные от них существительные. А то, что ономотопеически творится: имя и его смысл, то есть это номиналистическое и семантическое определение, изморфизм структур, а вместе – синтаксическое эссенциального типа определение (звукоподражание), которое моделирует некоторый природный процесс или выборку, свободную выборку, конкретную выборку и конкретную функцию в природе и жизни в модели некоторой рекурсии шаманского типа.

Ономатопеические подражания логически не что иное как экзистенциальные обобщения, аналогии изоморфизмов-структур или функций, остенсивные и операциональные определения, а предложения – семиотические определения (номиналистические, семантические, синтаксические, регистрирующие, уточняющие, переквалифицирующие, лингвистические, понимающие, например, в Айоге. Ономотопеизм присущ сказке «Айога» и сказке «Гар-

памди – меткий стрелок», языку Дерсу Узала. «Соседская девочка жуёт лепёшку. Айога на девочку оглядывается. Шея у неё вытянулась – длинная стала. Говорит девочка Айоге: возьми лепёшку. Мне не жалко! Совсем разозлилась Айога. Зашипела, замахала руками, пальцы растопырила, побелела вся от злости – так замахала, что руки у неё в крылья превратились. Не надо мне ничего-го-го! – кричит. Не удержалась на берегу, бултыхнулась в воду Айога и превратилась в гуся. Плавает и кричит: – Ах, какая я красивая! Го-го-го! Ах, какая я красивая! ...Плавала, плавала, пока по-нанайски говорить не разучилась. Все слова забыла. Только имя своё не забыла, чтобы с кем-нибудь её, красавицу, не спутали, и кричит, чуть людей завидит Ай-ога-га-га! Ай-ога-га-га!».

5. «Ты один, Гарпамди – мэрген, можешь помочь природе одолеть железную птицу Кори» («Гарпамди – меткий стрелок»). Гарпамди – перформатив как форма идентичности и идентификации в нанайском языке, мифологии и сказке в нанайский этнос! Эта сказка – о Гарпамди – героический эпос (*нингман*), который содержит мотивы *тэлунгу* (рассказ претендующий на достоверность в изложении и слушании), *сиохора* (китайская мифология), *гисурэна* (устного реалистического рассказа).

II. Нанайская сказка.

1.1. Сказка «Айога». *Философия сказки и психосемантическая философия, система философии.* Эта сказка – счастье и чудо нашего советского детства, метафоры, тропа и смысла и глубины философии нанайского этноса, родственного угро-финнам, якутам, эрзе и мокше (угро-финская философия). Сказка имеет смыслы: претекст, номинальный смысл, реальный, деконструктивный, эпохальный, этнический (нанайский, русский, угро-финский), послесмысл, собственный смысл, смысл аккультурации – рецепции – реторсии, субъективные личные смыслы. В сказке «Айога» девочка любит себя, ле-

нится не трудится и в итоге превращается в гуся (шаманизм), забыв свой родной нанайский язык, но сохранив в звучании или ономастике имя.

1. Претекст. Это индийская сказка «Невеста, потерпевшая неудачу» и аналогичные сказки. В сказке «Невеста, потерпевшая неудачу» выясняется природа женщины, её трудоспособность, внутренняя красота и обманчивость красоты внешней. Это и удмуртская сказка «Лентяйка», которая в свою очередь является аналогом индийской сказки «Лентяйка» и китайской сказки «Ленивец». Но суть её не в том, что женщину лентяйку научили трудиться, а в том, что обосновывается принцип «кто не работает, того, мы, ведь, не кормим». Это и нанайская (Дерсу Узала), и христианская сказка, излагающая суждение апостола Павла: «Ибо, когда мы были у вас, то завещавали вам сие: если кто не хочет трудиться, тот и не ешь» (2 Фесс. 3: 10). Конечно, это и мотивы древнегреческого Нарцисса.

2. Номинальный смысл. Женщина занята своей красотой и отказывается трудиться, в ней развивается лень и эгоизм. Но внешне она прекрасна, тогда как душа её – лень и себялюбие, эгоизм, безобразие.

3. Реальный смысл – труд и постулат: кто не работает, тот не ест. Мать не даёт девочке лепёшку, поскольку она не трудилась, но отдаёт соседской девочке, которая трудилась. Это и материнская традиция бытия женщиной.

4. Деконструктивный смысл. Девочка, которая отказалась помогать матери печь лепёшки, противопоставляется соседней девочке, которая, вероятно, внешне не красива, но помогает матери Айоги печь лепёшки. Этой девочке присуща эвтюмия и эта девочка обладает внутренней красотой, а Айога по душе оказывается безобразной. Это пара девочек антагонистов. Сказка обсуждает природу прекрасного и безобразного.

5. Эпохальный смысл: а) конфликт поколений, в котором младшее поколение деградирует; б) наказание дочери лишением её хлеба поскольку она не трудится.

6. Этнический нанайский смысл: утрата нанайского языка в эгоизме, но сохранение омастического имени.

7. Этнический русский смысл: злость в отношении других людей, соседей, детей, а сама Айога как тип ребёнка «вредины». Доля вредин сокращается с 22% до 14%. Доля добряков неизменна и составляет 5%. Доля умеренных добряков сокращается с 39% до 11%. Доля умеренных любителей справедливости возрастает с 17 до 30%. Доля любителей справедливости возрастает с 7% до 30%.

8. Послесмысл. Превращение человека-девочки в бессловесное животное – гуся (шаманизм). Но гусь – осторожное и тревожное существо – птица. Но по звучанию Айога сохраняет своё имя, то есть возможность возвращения в облик человека (конфуцианское исправление имён).

9. Собственный смысл. Сказка – диалоги Айоги и матери, как системы рекурсий и прогрессивных силлогизмов, модель следствий – причин в буддизме, которые рассматриваются как средства манипуляции поведением. Это языковая игра, которая учит операции обоснования как истины, так и лжи в буддийской модели следствий – причин, рекурсий. Собственный смысл сказки – процедура обоснования истины и отличия её от лжи в структуре дилеммы – быть Айогой или соседской девочкой! Если Айога – то ты не ешь, и если Айога – забывается нанайский язык; отрицается и первое и второе, потому отрицается и Айога. Это и разделительно-категорическое умозаключение: Айога или Соседская девочка, не Айога; соседская девочка (отрицающе-утверждающий модус: *modus tollendo ponens*).

10. Аккультурация, рецепция и реторсия. Аккультурация – проблема внутреннего и внешнего человека и внешней красоты и внутреннего безобразия, и внешней обыкновенности, но внутренней красоты женщины – невесты. Рецепция: проблема жизни не для себя, а для другого. Мать живёт для детей, а не для себя! «Да даст вам, по богатству славы своей, крепко утвердиться духом Его во внутреннем человеке» (Еф. 3: 16). «Ибо что мне судить и

01 / 2017

внешних? Не внутренних ли вы судите? Внешних же судит Бог. Итак извергните развращённого из среды вас» (1 Кор. 5: 12-13). «Никто не ищи своего, но каждый пользы другого» (1 Кор. 10: 24). Реторсия: гусыня, в которую превратилась Айога сохраняет по звучанию имя девочки, но, вероятно, утрачивает смысл имени как человека (нет семантического определения, есть номинальное определение), поэтому согласно модели имени сохраняется возможность возвращения в облик человека и невесты. Может быть, гусыня вспомнит своё имя в его смысле, произнесёт его и превратится в человека!

В сказке «Бедняк Монокто» Монокто теряет человеческое естество, превратившись в раба богатого человека, но когда он сжёг его огнём огнива, стал бороться против угнетения, в нём восстанавливается человек, а люди вспоминают забытое его имя, перестают именовать его ангазбедняк или человек без имени. «Поклонились люди Монокто, имя его вспомнили». Может быть, и Айога вспомнит смысл своего имени!

Это мотив вероятностного мышления у египтян, эрзи и мокши «ки содасы» – «кто знает?» (эксплуататор уничтожит бедного или бедный уничтожит богатого и несправедливого?). Ясно этот мотив представлен в нанайской сказке «Два слабых и один сильный»: «Один слабый против сильного что сделать может! А два слабых против сильного – ещё посмотреть надо, чья возьмёт?». В сказке «Близнецы» обосновывающей борьбу нанайцев за свободу с маньчжурами говорится: «А может быть, они о тех близнецах (Удога и Чубок) от своих отцов слышали. Кто знает?». А эти близнецы как раз показали маньчжурскому нойону, что «кто знает?» сумеет ли он превратить живых нанайцев – в мёртвые! Сама природа защитила нанайцев от маньчжур! Близнецы – люди двойняшки, сыновья Бога Воды – Земли, двойняшки – адо-сэвэны, которые сбивают Первое старшее Солнце, Третье младшее Солнце и оставляют среднее – Второе солнце.

Общий смысл сказки «Айога». Сущность женщины – внутрен-

няя красота, а не внешняя – любовь и забота, труд, кто не работает, тот не ест; критерии выбора супруги; структура обоснования истинностной оценки человека и выявление ложных оценок и иллюзий в межличностном познании; взаимоотношения поколений и авторитет родителей, педагогика, наказания и вознаграждения; эвтюмия или ненависть к людям и соседям; идентичность и идентификация в этнос и этнический язык и своё имя, его смысл; цель жизни – семья и коллективная жизнь, не жизнь в одиночестве; естественные циклы жизни человека и согласование своеволия с материнской Традицией; возможность возвращения к смыслу имени.

11. Личные субъективные смыслы сказки, например, нарциссическая семантика или, напротив, любовь к ближнему, соседи, шаманизм и т. п. .

Общий смысл сказки – природа женщины; внутренний и внешний человек и их красота и безобразие; поколения; труд, постулат – «кто не работает, тот не ест»; идея воскресения человека через память имени (сказки «Бедняк Монокто», «Два слабых и один сильный», «Сабля Мэргэ», «Близнецы»), этническая идентичность и идентификация в нанайский этнос и нанайский язык через память имени («Бедняк Монокто»), телеология семьи и критерии выбора супруги; материнская традиция; несчастье женщины, которая не может быть матерью и женой.

1.2. Сказка «Недобрая Ладо» развивает смыслы Айоги. Ладо очень любит родители, но она не любит их и, в самолюбовании, отклоняет всех желающих взять её в жёны как охотников, рыбаков и управляющих собачьими упряжками, то есть не понимает, что основной критерий выбора мужа – способность к труду. Смысл сказки – девушка отказывается от мужа и семьи и труда и творчества жизни; не любит людей; не любит отца и мать и людей; пробует себе найти новую мать (материнскую традицию); утрачивает бытие девушки, превращаясь по собственному желанию в лебедя и уже не может вновь стать девушкой-человеком; живёт без мужа и детей, в одиночестве; без заботы; и её никто не любит; жизнь прошла впустую. Это трагедия женщины – не иметь мужа и детей. А трагедия мужчины – не иметь мужества, то есть иметь заячье сердце и не иметь ума.

1.3. Сказка «Маленькая Эльга» реализует мотив «Золушки», дочери и Мачехи, которая ненавидит дочь мужа. Эльга – маленькая богатырка, убивающая тигра по закону леса, с предупреждением. Эльге в её единстве с природой помогают Папоротник, игрушки оленей и собак, копьё, которые сделаны любящим отцом. Эльга убегает по лунной дорожке, а на этой дорожке Мачеха превращается в сову. Эта лунная дорожка – зороастрийский и исламский мост Ас-Сират (Чандвар, Чинват) или Мост судейского

разбора. «В День Воскресения люди будут собраны, и Он скажет: «Пусть каждый последует за тем, чему он поклоняется!» – и некоторые из них последуют за солнцем, некоторые – за луной, некоторые за (теми, кого они считают богами), а эта община вместе со своими лицемерами останется... И Он призовет их, и будет воздвигнут над адом Сират, и стану я первым из посланников, кто сможет пройти по нему с общиной своей, и в тот День никто не заговорит, кроме посланников, посланники же станут говорить: «О Аллах, спаси, спаси!» А в аду есть крючья, подобные колючкам са'дана. Они станут хватать людей сообразно делам их, и некоторые из них будут погублены за свои дела, а у других будут вырваны куски плоти, но потом они спасутся... И они станут выводить (таких) (прощённых), узнавая их по их следам (, которые останутся на них) от земных поклонов, ибо Аллах запретил огню уничтожать такие следы».

2.1. Сказка «Пустая голова». Сказка – аналог сказки «Айюга», но только в отношении мужчины. Чунгу в роде Заксоров мало работал, жил, чтобы есть, а не ел, чтобы жить, мало думал, всему верил, не знал кто и что он, хвастался своей внешностью, которую он видел в воде, потерял своё лицо и самого себя, приобрёл раскрашенное женой чёрное – красное лицо, страшную рожу.

Претекст сказки: индийские сказки о соотношении мужа и жены: «Муж добрее жены», «Жена добрее мужа», «Что лучше – мудрость или богатство?», «Счастье и ум». Претекст сказки – сказки о Палэсмурте (удмуртский человек), Куйгороже (мокшанский человек), Хель (скандинавская богиня, которая наполовину гниёт), Шурале (татарский человек), Боку (получеловек), Какзаму (Злой горный человек, вредящий людям), Агды-гром, превращающий людей в ничтожную пыль, Ганка (получеловек-полурыба), Хима – амба (ползущая тварь), Уленда-Кривой (вор, завидующий, ленивый, ненавидящий трудящегося человека, Иуда), Таёжный человек живущий в тайге в одиночестве, человек, который

превратился в зверя – Медведя, Чунгу с разрисованной в красное и чёрное страшной рожей.

Номинальный текст: ничтожность внешней красоты мужчины, если нет ума и жажды трудиться и жажды сражаться, иметь сердце мужчины, а не зайца. Реальный текст: не познание самого себя, потеря лица (внутренней красоты), поиск себя, смех над человеком не имеющим себя (ума и мужества, здравого смысла, излишне-доверчивого).

Деконструктивный смысл – самолюбование, эгоизм, различие внешнего прекрасного, а внутренне-безобразного по душе человека. Эпохальный смысл: кто не работает, тот не ест, как в Айюге.

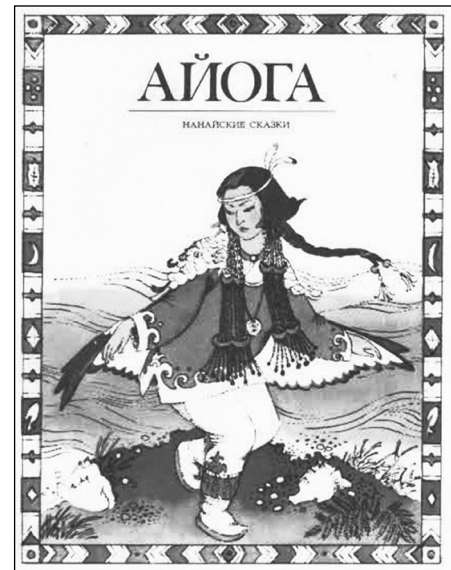
Нанайский смысл: эволюция человека в Таёжного человека, который живёт один и Безобразную не естественную рожу, Боку, Какзаму, Ганку, Химу-амбу, Агды-грому, Уленду-Кривого, Медведя, которые утратили ум, способность к труду, служения нанайскому этносу и имеют злые мысли, намерения, не любят людей, а ненавидят и завидуют им, жадные. Нет жалости к пустому человеку.

Русский смысл: излишняя доверчивость и сон бездеятельности. Угро-финский смысл: аналогия с удмуртским Палэсмуртом (половинным человеком) и Куйгорожем мокшан.

Послесмысл: изгнание человека, который бесполезен для общины, из общины. Собственный смысл: ум больше богатства, человек должен быть полезен для общества, отсутствие от человека реальной пользы для общины основание для его изгнания из общины. Женщина в правах равна мужчине, исчезновение человека в мире людей.

Аккультурация – соотношение мужа и жены. Рецепция: эволюция человеческой природы в Зло и конфликт поколений. Реторсия: изгнание человека, который бесполезен для общины. Личный смысл: умная жена и глупый муж.

Общий смысл сказки: сущность мужчины – труд и мужество, а не внешняя красота, кто не работает – тот не ест; скепсис восприятия людей; самопознание и самоформирование мужчины и женщины; эволюция

человека в существо красное-чёрное и без ума, безумное и бесполезное для общества, в получении Злого человека, исчезновение человека в мире людей, во круг – одни черты; освобождение женщины от глупого мужа.

2.2. Сказка «Никанская невеста» развивает смыслы сказки «Пустая голова».

Показан сын богатея, который не имеет ни ума, ни мужества, урод, но отклоняет предлагаемых ему невест, оскорбляя женщин, девушек, желающих иметь семью и мужа. В итоге он получает невесту-урода, старую женщину, которая не может родить ребёнка. Он бежит и кто знает, куда он бежал. То есть его род прекратился. Он искал небесную женщину, а никого не нашёл. Искать следует Земную женщину, которая есть твоя Судьба!

2.3. Сказка «Пудин и лягушка» продолжает обсуждение проблемы критериев выбора супруги. Претекст сказки – индийская сказка «Невеста потерпевшая неудачу». Выбор одного человека осуществляется на основе слов женщины, которая хочет казаться тем, чем она не является, и это ошибочный выбор. Выбирать следует не по словам, а по трудоспособности и тому, может ли юноша быть мужем и отцом!

3. Сказка «Гарпамди – меткий стрелок».

Мальчик спит и не знает, кто он и для чего он в этом мире. Сон это момент сна русского богатыря. Но сон мальчика не сон русского богатыря, а магический сон роста силы. Приходит Дух Рода-Дюлен, он живёт в Гуси

Торо – Столбе, поддерживающем родовой Дом и будит его, говорит ему, что он и его имя – Гапчи-Гарпамди или Меткий стрелок. Он должен уничтожить историческое зло – железную птицу Кори, которая закрыла солнце, исчезло тепло для гольдов. Он должен сражаться насмерть с этой птицей, убить её и вернуть солнце нанайцам. Гарпамди не может один победить птицу Кори и ему помогают и Дюлен и вся Природа, которая страдает от этого зла, все живые существа в Природе борются против Кори. «Помни, Гапчи: род твой -нанай. Это значит, что ты – сын Земли, человек, рождённый землёй. Встань же и защити мать родную от страшной птицы Кори» (Гарпамди – меткий стрелок). «Ты один, Гарпамди-мэрген, можешь помочь природе одолеть железную птицу Кори!». Гарпамди сражается за жизнь на земле, за свой народ не на жизнь, а на смерть. Ему требуется и Традиция, и Сила, и Ум и Хитрость, и Любовь, и Единство с местной природой, ландшафтом, чтобы достичь Победы. Шесть стрел потребовалось Гарпамди, чтобы убить птицу Кори (6-членный классификационный фрагмент присущ мышлению китайца в «Книге Перемен»). Гарпамди побеждает, женится на красавице Элге, которая поёт, а песня её – голос всех видов жизни в местном ландшафте (ономатопея).

1. Претекст сказки – смыслы китайских сказок и мифов «Справедливый», «Справедливый И», мифов о Стрелке Хоу И, который сбил 9 из 10 солнц, «Царь удав», индийской сказки «Пеку и бобовое поле», русской сказки «Верлиока» и «Кощей бессмертный», сказок о сне богатыря, угро-финская эстонская поэма «Калевипоэг» Ф. Крейцвальда. Мифический герой Справедливый И – стрелок И или Хоу И древнекитайской мифологии, который сбил стрелой 9 из 10 солнц, которые мешали людям спать и жить. Это этническая китайская мифологема, суть которой: связь сян-предыдущего и Хоу – последующего, а И – должная справедливость в формировании аналогии целого – Солнца и Неба и Земли как множества частей, освещаемых

одним потоком Света, предполагая не творение справедливости и мира в пространстве-времени кем то, а их самотворение в изменении человека и Мира! Справедливый И как Хоу И дан как не «благородный муж» («цзюнь цзы» в иерархии господ и подчинённых) Конфуция, но как Шэнжень (совершенноумрый этнический народный человек) даосизма и как системообразующее отношение гармонии и равновесия. Полная структура мифологемы Стрелка Хоу И такова: послан Верховным Владыкой Отцом Ди цзюнем (первопредок). Он Послал сына И избавить людей от бед – чудовищ; Хоу – Последующий после сян-Предыдущего, а это Эката, Двита, Трита, Траэаона, Христос, Дальний Бог индуизма берущий на себя грехи как Смерть и человек, бессмертен и смертен; охотится за нарушение порядка космоса за своими 10 братьями-солнцами сыновьями Ди цзюня (гражданская война), убил 9 и хотел убить 10-го в своей избыточной энергии. Его от этого удержали, и он создал порядок Одного солнца; убил ряд чудовищ и спас людей; за убийство братьев Ди цзюнь в гневе отправляет его на Землю с Неба, чем очень недовольна его жена; путешествует на Запад в страну мёртвых и её глава Си Ван мун даёт ему напиток бессмертия, если бы его выпили оба – стали бы бессмертными, а если один – один станет Богом на Небе и это желала его жена, а Хоу стал смертен; приобретает вредный характер и учит ученика Фэнмэна стрелять, но тот из зависти как предатель – Иуда пытается убить Хоу И, но неудачно; Хоу И убивают по наговору ученика Фэнмэна (как по наговору Иуды Христа) палицей из персикового дерева, как Бальдера убивают стрелой из Омелы; Хоу И превращается в Цзун бу – бога отвращающего нечисть, злых духов. «Ибо знал Он предателя Своего, потому и сказал: не все чисты» [Ин. 13: 11]. «Иисус, отвечая им, сказал: «Моё учение не Моё, но Пославшего Меня» [Ин. 7: 16]. « ... Иуда! Не целовани-ем ли предаёшь Сына Человеческого?» [Лк. 22:48]. «Бог послал Сына Своего» [Рим. 8: 3; Гал. 4: 4].

Данная сказка «Гарпамди – меткий стрелок» момент нанайского эпоса в целом, развивающая мотивы мифа о Трёх солнца, из которых два были сбиты из лука Хадо. Злой дух создал 2 лишних солнца, чтобы уничтожить всё живое. Он сбивает солнце старшее, младшее, но сохраняет среднее. То есть и старое и младшее поколение – виновны в рождении Боко, Какзаму и Палэ-мурта. Хадо хотел уничтожить и среднее, но ему этого не дали как и в китайской мифологии. Хадо ушёл в мир мёртвых – Буни и стал Шаманом. Хадо – образ адо-сэвэны (двойняшки, близнецы), форма или сын Бога Воды-Земли. Момент сна в сказке – момент русской сказки, в которой русский богатырь спит, и его будит женщина, чтобы он послушал родной земле. Это момент и сказки «Кощей бессмертный». «Иван-русский богатырь, не пора спастись, а пора вставать». «Фу-фу, русский дух долго спал, да скоро на ножки встал». «Ах, Иван-царевич! Какой ты спящий! Я за тысячу вёрст летаю, а ты всё сишь! Но это и угро-финский мотив сна в «Калевипоэге» Ф. Крейцвальда. Это удивительная сказка, соединившая китайскую и русскую мифологию и сказку в эпос сражения за Жизнь Природы и нанайского этноса с внешним и внутренним врагом (сном бездействия и отказа от борьбы с Боку в себе). И в нанайской сказке «Чориль и Чольчинай» именно женщина спасает Чорилия и уничтожает Злого Шамана! А Чориль заснул и спит в берлоге медведя во сне превращаясь в медведя. Сон богатырей – сон нанайского народа как и сон русского народа, сон, в котором исчезает этническая идентичность и идентификация.

2. Номинальный текст. Каждый человек имеет своё имя – Гапчи – Меткий стрелок, в котором он должен послужить своему народу. Пока человек не знает и не понимает своего имени-предназначения в жизни – он спит. Это шаманская природа человека – регенерация своего предназначения в жизни и в становлении человека-героя в каждом человек. Но смысл жизни всегда связан с семьёй и Женщиной, красавицей

Элгой или формой Естественности – Природы. Мы все меткие стрелки – нанайцы, если следуют своему имени и понимают свою судьбу и служение этносу.

3. Реальный смысл: к бодрствованию и борьбе с злом пробуждает знание Традиции отцов и матерей – Дюлен или Дом и Очаг, в данном случае нанайский Дом и природа месторазвития нанайцев, их родной ландшафт. Только нанайцы имеют прерогативу на эту местную Природу, она принадлежит себе и нанайцам как части природы, но госструктурам России.

4. Деконструктивный смысл. Тождество Гарпамди и всего живого, Природы. Все живые существа месторазвития – лось, тигр, медведь, мышь, бурундук, леса и горы, Амур, рыбы, музыкальные инструменты, Песня, Звук родной земли в музыкальном инструменте, который настраивает природу на взаимодействие с Гарпамди и борьбу со Злом.

5. Эпохальный смысл: борьба с внешним врагом – маньчжурами, русскими, татарами и внутренним – человеком Бока в груди и заячьим сердцем (Семь страхов) за свой суверенитет, свой Дом и образование.

6. Этнический нанайский смысл – личностная модель знания (шаманизм), операциональные и остенсивные определения и самосознание нанайца. «Помни, Гапчи: род твой-нанай. Это значит, что ты – сын Земли, человек, рождённый землёй. Встань же и защити мать родную от страшной птицы Кори» (Гарпамди – меткий стрелок). «Ты один, Гарпамди-мэрген, можешь помочь природе одолеть железную птицу Кори!». Регенерация в человеке – героя. «Всегда иди впереди всех». Всегда сражайся за свою землю не на жизнь, а на смерть.

7. Русский смысл – сон богатыря, который не знает, как его имя, то есть что он должен делать и нужна Женщина, чтобы он это узнал. В нанайской сказке будит и не Женщина, а Дух родового Дома-Дюлен и Женщина в сказке «Чориль и Чольчинай». Они тоже – Близнецы эволюции в различии.

8. Угро-финский смысл – деградация человека, полного че-

ловека, местного человека в Боку, Какзаму, Агды-грома, Хима-амбу, Ганку, Уленду – Кривого, Куйгорожа, Палэсмурта, Шурале, Хель (гниение человека), то есть в полчеловека, если человек утрачивает своё – нанайское, мокшанское, татарское имя и отказывается от борьбы со злом с оружием в руках. Тогда он уходит в небытие.

9. Послесмысл: Зло вызывает окаменение, а родная Земля – Бог Воды и Земли восстанавливают жизнь в окаменевших друзьях и наполовину окаменевшем Гарпамди.

10. Собственный смысл.

А) У человека много путей и он может сбиться с пути. Показатель этого то, что наконечник стрелы заржавеет, то есть стрелу не используют для борьбы с врагами; Б) Есть правильный путь и Правильный путь предполагает лук и стрелы, то есть вооружённую борьбу со злом.

11. Аккультурация – творение порядка Мира, в котором – 1 солнце – это справедливость, а человек и Природа – едины; рецепция – сосредоточение на Доме и этнической идентичности и идентификации (определяя выживание-питание, манипуляцию людьми, принятие решения, оценку ситуации и себя); реторсия – помнить, что род твой – нанай и отбрасывать то, что вдет к ассимиляции и утрате прерогативы Земли и Воды как нанайской собственности жизни!

12. Личные субъективные смыслы сказки. Таковы шаманская природа Гапчи-Гарпамди, Дюлена, философия имени, тематика песни, родовое дерево, душа нанайца (омия с родового дерева; душа тела будущего ребёнка; душа паяня после рождения ребёнка) и т. п.

Общий смысл сказки: сон народа, утратившего своё имя-нанайца; возвращение к Традиции Отца и матери и пробуждение этносамосознания нанайца (род твой – нанай); личная шаманская модель знания; активная борьба с внешним злом с оружием в руках в единстве с Природой; борьба с внутренним злом – Боку, Кори и Палэсмуртом в себе; идентичность и идентификация в нанайский этнос; создание семьи и демографическое продолжение

рода нанайцев как субъектов своих (собственности) Воды и Земли; естественность жизни; преодоление гниения человека в творчестве жизни.

4. Что общего у сказки «Айога» и «Гарпамди – меткий стрелок»?

Обе сказки реализуют претекст и собственную его интерпретацию. Претекст – судьбы женщины и судьба мужчины – становящегося героем через магический сон (метаморфоз) и борьбе с внешней и внутренней опасностью (эпос), в самоформировании, творении мира в целом, творении в видах деятельности, в идентичности в нанайский этнос и язык, в целях реализации и постижения своего нанайского имени, то есть судьбы, в целях самоизменения и изменения мира, в росте активности совместимости живых и добрых существ, истребляющих существ злых. Обе сказки содержат песни как эмпирические обобщения первого рода в познании второго рода о жизни – это переживания, которые вызывают абсолютно истинные суждения соответствующие а) Традиции Примордиальной, б) суждению героя Шамана (критерий истины, например, Дерсу Узала) в этом месторазвитии. Это мотив китайской «Книги Песен» (Шицзин) и – творение перемен, возвращаясь к своему имени – мотив «Книги перемен» (И-Цзин) и конфуцианского исправления имён, моисского преодоления судьбы, преодоления судьбы Сюньцзы и естественности Чжуан Чжоу. В обеих сказках задаётся судьба и она – преодолевается путём возвращения в Примордиальную Традицию. Айога может преодолеть свою судьбу, наполнив смыслом гусиный гогот. Нанайский фольклор очевидно испытал влияние китайской мифологии и сказки. Но, тем не менее, модель знания в нанайской сказке – собственная – это модель личного знания, продукции, эссенциальных обобщений, остенсивных и операциональных определений, метафорического вывода, умозаключений от следствий к основаниям, разделительно-категорических умозаключений. Но Дерсу Узала не смог изменить трагическую

судьбу нанайского этноса и погиб от руки Какзаму, который убил его во сне. Это знамение и прообразование смерти нанайского этноса во сне.

III. Философия Близнецов

1.1. В нанайской сказке широко представлена идея «Близнецов», которая реализуется и в модели близнецов, и в модели братьев любящих друг друга, братьев, из которых один ненавидит другого, и в модели совместимости усилий, и в модели антагонистов, в модели отца и сына, в модели матери и дочери, героя и Духа рода, заблуждающихся братьев. Это такие сказки как «Два слабых и один сильный», «Айога», «Пустая голова», «Близнецы», «Семь страхов», «Мальчик Чокло», «Гарпамди – меткий стрелок», «Как Бельды воевать перестали», «Берёзовый сынок», «Соболиные души». Очевидно, что концепт пары и Близнецов – системообразующий смысл многих нанайских сказок, а пара – основной классификационный фрагмент мышления. В «Книге перемен», например, такой основной фрагмент – 2 и 6, а у индусов – 8. Смысл философии Близнецов следующий.

1.2. Понятие Близнецов в психогенетике и этноистории.

Близнецы – два или более потомка одной Матери, рождённые в результате многоплодной беременности. Они могут быть или дизиготные (двухяйцовые, ложные, ДЗ) или монозиготные, (настоящие, МЗ). Развитие близнецов сходно, но ослаблено относительно детей рождённых одиночно. Но к двум годам они догоняют в развитии одиночно рождённых детей. Кроме того, один из двух близнецов может быть менее физически крепок, чем другой за счёт специфики питания плода. ДЗ – близнецы могут иметь различный генотип и быть как однополыми, так и разнополыми, а МЗ – близнецы имеют один генетический тип и однополые. Рождение близнецов связано с частым многоплодным зачатием. К 5-му месяцу беременности в 70% случаев из двух эмбрионов остаётся один. Одна пара монозиготных близнецов рож-

дается на 250 рождений. ДЗ – близнецов в два раза больше чем МЗ – близнецов. Рождение близнецов в различных расах различно частотно. В племени йоруба в Нигерии доля близнецов-3%, у других негроидных племён – 1,7%, у европейцев – 1%, у монголоидной расы – 0,5%. Предполагают, что биохимический фактор рождения близнецов в племени Йоруба – овощ ямс, который содержит эстроген, который стимулирует синтез гонадотропинов (гонадотропный гормон, содержится в сыворотке крови жерёбой кобылы), вызывающих рождение близнецов.

Рождение недоношенными затрудняет и тормозит развитие близнецов относительно одиночно рождённых детей. В их развитии среда может актуализировать – сходное или различное. Существует понятие «эффект пары» – усиление сходства близнецов в их собственной и внешней коммуникации. Среди двух близнецов может быть как равенство, так и лидерство. В развитии близнецам присущи невротические реакции и отставание до двухлетнего возраста в развитии от детей рождённых одиночно. Им могут быть присущ гипердинамический и гиподинамический синдромы. Речь близнецов формируется к 2-3-5 годам, тогда как одиночно рождённый ребёнок начинает говорить с 1 года. Близнецы смешивают местоимения «я» и «мы», более мысля в категории «мы», чем «я». Часто они до 2 лет не реагируют на собственные имена, реагируя на общее имя. У близнецов свёрнута эгоцентрическая речь, но развивается автономная речь. Психогенетики считают это недостатком и задержкой речи. Но я думаю, что наоборот, у близнецов за счёт общей нервно-психической конституции развивается интуитивистский тип логики и мышления, позволяющий сразу видеть сущее-сущность вещей. Вероятно им присуща большая степень наличия и доминирование именно коллективного интеллекта относительно личного интеллекта. Их речь простая и краткая, ограничиваются формы абстракции и отношений. Речь более эмоциональнее, чем рациональна. Возможны

ДЗ-близнецы как трое, из которых 2 монозиготные девочки, а третий – брат как ДЗ-близнец. У ДЗ-близнецов сходство в 40-60% генов как у братьев и сестёр. Женский близнец может иметь повышенную долю мужского гормона тестостерона, что делает женщину агрессивной (богатыркой в древности и спортсменкой) и мало ориентированной на мужчин. Предполагают, что если ДЗ разного пола, то у мальчиков увеличена доля эстрадиола (женского гормона) и они феминизированы, то есть ориентированы на совместимость и снижение агрессии, а у девочек увеличена доля тестостерона (мужского гормона) и они маскулизованы и имеют повышенную активность.

Вероятно, Близнецы в среде нанайцев обнаруживали а) за торможенность развития, б) ускоренность развития за счёт развития интуиции и коллективного интеллекта, в) демонстрации коллективного интеллекта и его эффективной работы г) демонстрации феномена эусоциальности в мышлении и поведении!

В отношении Близнецов в сказке неверна позиция психогенетиков отрицательно оценивающих гипердинамический и гиподинамический синдромы. В сказке близнецы обладают гиперактивностью, избыточной энергией и информацией, которую они извлекают из природы за счёт интуитивистского мышления и коллективного интеллекта, который и задаёт не хватку, а, наоборот, у Близнецов, избыточность концентрации внимания, поскольку их общая ассоциативная зона внимания – шире и глубже, чем не у близнеца. То же самое относится и к синдрому гиподинамии – это в рамках коллективного интеллекта не заторможенность, а скептическая и критическая оценка естественных событий!

Близнецы обладают врождённым скептическим мышлением и недоверием к тому, что видят и слышат, не болеют как раз латах (повторение приказов и безинициативность), эхоталией (повторение услышанного) и эхопраксией (повторение увиденного), а потому и могут быть в древних обществах и сказках –

Учителями – инноваторами преодолевающими иллюзии старших поколений!

В целом и у близнецов на базе коллективного интеллекта шире и глубже зоны: ассоциативная зона внимания; ориентационно-ассоциативная зона восприятия пространства – времени (левое полушарие близкое пространство, а правое – дальнее, у них выше степень взаимодействия полушарий, чем у одиночно рождённых детей); зрительно-ассоциативная зона (дорсальное восприятие действий и вентральное восприятие имён с позиций не «я», а «мы»); вербально-речевая понимающая зона именно интуитивистской логики языка как языка коллективного и речи как коллективной, представляющих зоны МПО (любовь родительская) и ВМПК (стыд и вина, сострадание и сорадование), зону хвостатого ядра (ориентация на общее благо) и островка (чувство несправедливости), которые определяют зону скорлупы или эффективности, а не индивидуальной системы, этнический синтетический центр понимания в именно в этноколлективном интеллекте, активно определяющим индивидуальный общий интеллект! Вероятно, в коллективном интеллекте у близнецов доминируют именно системы идентификации и идентичности в этнос и дом, на этой основе – выживания и питания, на этой основе – манипулирование людьми, на этой основе – оценки ситуации, на этой основе – принятие решения, которое задаётся системами хвостатого ядра, островка, МПО и ВМПК которые определяют индивидуальный интеллект и зону скорлупы в типе ЦНС и системе гипоталамуса, миндалина (страх) и гиппокампа, т.е. в лимбической системе.

По всей видимости, коллективный интеллект близнецов – который ни кем до сих пор не исследовался, обладает ярко выраженной именно этнорасовой идентичностью и идентификацией своей системы «Мы» – и друг с другом, и с этносом в целом, делая близнецов, в частности в истории нанайцев, учителями этносов.

2.1. Основу «И-цзин» образуют 64 гексаграммы, состоящие из 6 расположенных друг под другом черт. Полное количество вариантов из 6 черт равно – 26 или 64. Стрелок Гарпамди 6 стрелой убивает птицу Кори, а пять стрел не дали результата (пять стрел – у-син или 5 элементов китайской философии (дерево, огонь, земля, металл, вода, которые порождают друг друга). В мифологии нанайцев двойственный бог – Воды-Земли, который посылает Хадо или адо – двойняшек сэвэнов сбить два лишних солнца. Сбиваются два солнца – старшее и младшее, а среднее – оставляется. Это Аналогия с китайским мифом о Стрелке Хоу, Хоу И. Но там было 10 солнц, а здесь 3 и от них путь идёт к 1, сбивая пару отрицательного характера – старшее и младшее солнце! То есть ни суждения старших сами по себе не истинны, ни суждения младших сами по себе не истинны. Необходимо их совмещение, что и требует сказка «Большая беда» и «Сирота Мамбу». Пара, 2 – метафора и классификационный фрагмент как субстанция – Вода – Земля Амура.

2.2. Концепция близнецов имеет основания и в зороастрийской мифологии.

«И Ахура Мазда поведал пророку о двух изначальных духах – Благом и Злом...». Имя Ахура Мазды – единство мысли, слова и дела в осуществлении Его учения!

«Оба духа, которые уже изначальны в сновидении

Были подобны близнецам,

И поныне пребывают во всех мыслях, словах и делах, суть Добро и Зло»

Из них обоих благомыслящие правильный выбор сделали, но не зломыслящие.

Когда же встретились оба Духа, они положили начало

Жизни и тленности и тому, чтобы к скончанию веков

Было бы уделом лживых – наихудшее, а праведных – наилучшее.

Из этих двух Духов избрал себе Лживый – злодеяние,

Праведность – избрал для себя Дух священный,

Чьё облачение – небесная твердь»

«Благотворительный (Дух) говорил Лживому так:

«Ни мысли наши, ни заветы, ни намерения,

Ни решения, ни изречения, ни действия,

Ни совесть наша, ни души наши не совместны».

«Заратуштра повторяя заповедь Ахуры: «Благие помыслы, благие слова, благие дела», прошёл сквозь пылающий огонь – огонь не причинил ему вреда».

Ахура-Мазда – Добрый дух, а Ангхро-Майнью – Злой дух.

В Нанайской сказке Дух зла персонифицирован как модели Деградировавшего человека. Это, прежде всего, получеловек Боку, Злой горный человек Какзаму, окаменяющий людей, Агды-гром, превращающих людей в ничтожную пыль, Ганка или получеловек полурыва, Хима-амба или ползучая тварь, Таёжный одинокий человек и т. п. В силу языческой множественности истины в шаманизме и его личного характера, таких модификаций Злого духа Заратустры множество. Человек целостный и Боку – Близнецы-братья, но первый добр, а второй Зол и ищет причинения зла человеку и этносу нанайцев.

3.1. Вероятно пара, 2 имеет претекстом и концепцию «Ян» и «инь», в которой «Ян» – движение, мужское начало, 2 а «инь» – женское начало, мягкость и 9. Вероятно Небо – 1, земля – 2, вода – 9. В сказке «Соболиные души» имеет место нумерология: 1; 2; 3 и 3; 6 и 6; 9 и 9; 1, 10, 2. Все числа имеют своё различное качество, это различия. А вместе они – отношение совместности, выводимости, следования, транзитивности, симметрии и рефлексии Братьев и нанайского этноса, Неба и Земли, Подземного мира.

3.2. Конечно, концепция близнецов имеет и эволюционное биологическое основание в модели Мужчины и Женщины как Близнецов, создающих жизнь вместе в Различии и не превращении друг в друга. Женщина, которая любит себя самой, как Айога или Недобрая Ладо или мужчина, который любит себя – Пустая голова и сын богача в «Никанской невесте» – формы не мужчин и не женщины и они уходят в сказке в Неизвестность. Им нет места в жизни.

01 / 2017

4. В силу интенции ономотопей понятия представляют собой экзистенциальные обобщения звука Природы, и термин «Близнецы» – субстанциональная форма некоторого понятия, а именно: подобия, сходства и различия. Понятие это подкрепляется, вероятно, наличием большого числа детей и значительным количеством биологических близнецов в родах нанайцев.

5. В силу родственности близнецов и того, что они равномогны и одинаково думают, оценивают, чувствуют, ощущают, имеют общие интуиции мир личным образом репрезентируется в парах объектов, парах людей, образующих классы эквивалентности, связанных отношениями подобия, то есть изоморфности структур и функций, транзитивности, симметрии, рефлексии в двойной центр – Близнецы (и как дети), которые образуют отношение соответствия, в котором другие члены общины – значения функции Близнецов. Сами же Близнецы – личная форма воплощения закона жизни.

6. Все процессы представляют в парах (аналогии с Близнецами, конфуцианство) и метафорически (шаманизм и даосизм).

7. Близнецы – избыточная энергия процесса развития нанайского этноса, они не антагонисты, а именно отношение не тождества, а подобия, сходства и различия, совместимости, выводимости, следования как отношения соответствия для всех членов нанайских общин.

8. Близнецы реализуют рекурсию – определение всей деятельности в цели свободы и независимости, идентичности и идентификации в нанайский этнос и его свободу от маньчжур, монгол, татар и русских, рекурсию в нанайской модели шаманизма и естественного лесного закона жизни – помощи ближнему и эусоциальности бытия в тайге.

В сказке «Большая беда» действует пожилой Шаман и старшее поколение, которое хочет в шаманстве спастись от монгол и младшее поколение в лице Димидиги, которое имеет своё суждение о монголах – шаман не поможет и силы уничтожить монгол – нет, бесполезны Идолы шаманизма, поэтому следует

уходить в леса и горы и оттуда наносить удары по монголам. Они не смогут быть в горах и лесах со своими лошадьми. И молодость оказывается правой, а старость – нет. Но в дальнейшем эти молодые становятся старыми, приходят новые молодые, а потому в совете Старые должны прислушиваться к молодым, а молодые – к старым. Младшее и старшее поколение – череда поколений или классов изоморфности, которые порождают друг друга в отношении подобия. В сказке «Сирота Мамбу» старики оказываются не правы, а права молодость. Близнецы – Удога и Чубук, будучи детьми, защитили этнос от маньчжуров («Близнецы»).

9. Близнецы – живое воплощение критерия истины, справедливости, равенства, свободы в их личном знании, интуитивистском знании, будучи детьми, но

мыслящими яснее взрослых, то есть младшее поколение яснее видит мир, чем старшее поколение, но это именно видят Близнецы, а не другие люди как младшее поколение. И старшее поколение и младшее поколения, могут заблуждаться, а Близнецы – нет! А если заблуждаются, как братья в «Соболиных душах», то могут исправить допущенные ошибки. Близнецы реализуют личное знание и модель сомнения и самопознания, различения истины и лжи и исправления ошибок, обучения на положительном и на отрицательном опыте.

10. Близнецы – субстанциональная форма закона в личной деятельной форме, принцип методологического уникализма в мышлении, судьба как субстанция, но судьба, в которой они изменяют направленность процессов и изменений в жизни.

Близнецы организуют перемены в жизни («Книга перемен» – Ицзин). Близнецы познают судьбу и сами активно её реализуют, но не следуют фатально судьбе, как дело обстоит в конфуцианстве.

11. Близнецы – активное деяние и контроль развития процессов изменения в жизни, борьбы с внешней и внутренней опасностью для нанайского этноса, контроль власти и собственности Детьми, сосредотачиваясь на общем, а не частном благе. Внутренняя опасность – утрата идентичности и идентификации в нанайский этнос, нанайского языка и ума – здравого смысла, мужества борьбы за свободу и справедливость, превращения в Боку и Какзаму.

12. Пара предполагает объединение слабых – 2 – против одного сильного и Победу.

13. Они субъекты творения, создающие творящие пары и самоорганизацию множества. Это модель творения в Египетской мифологии и сказке: из внешнего хаоса, из слова Близнецов, из организованных 4 пар субстратов.

14.1. Близнецы – указывают путь и творят правильный путь (буддизм), они – субстанциональное метафорическое воплощение дао – естественного пути и дэ – избыточной энергии борьбы с внешним и внутренним врагом. Пара близнецов организует коллективное действие, в котором пары – и организаторы, и исполнители сразу. Нет деления на приказывающих и исполняющих, хотя есть двойственный центр, который личным примером показывает что и как надо делать в местных ситуациях и что и как не следует делать. В сказке «Киле Бамба и Лоче-богатырь» нанайский богатырь служит нанайскому народу, но вместе с ним попадает в кабалу к эксплуататорам – манчжурам. Попадает по причине силы, которая не соединена с умом и знанием, попадает в долги будучи обманут китайцем Ли Чаном, а долги он расписывает в Книге, в которой не образованный нанайский этнос ничего не понимает. Нанайцев как этнос вводит в обман Книга и водка. А кругом – одни черти, людей нет. И шаман служит Ли чану и чертям. «в лесу черти, в

тайге – черти, в горах – черти, в реке – черти, так и в деревне теперь Ли Чан есть» («Никанский Чёрт». Это аналогия с русскими сказками «Чернокнижник» и «Царь Чернокнижник» – безмерно плодятся черти на Руси и чтобы их уничтожить солдат, именно солдат читает Книгу с конца, пересматривая историю, в том числе силой оружия, а не реформы. Черти исчезают. Нанайский богатырь говорит: «Где бы силу такую найти, чтобы всех этих чертей перебить, чтобы людям жить можно было?». В горах – Какзаму (Злой Горный человек), на болоте Одноногий Боку, на море водяной Ганка (туловище человека, хвост, не рука, а железный крючок), в озере Химу-амба, изливающий огонь, в солонцах Агды-гром, человека в пыль превращает. Это у син как Пять конченных конечных форм эволюции человека в истории. Киле Бамба заснул (сон нанайского народа), а проснулся встретившись с богатырём Иваном Русским, который Бамбе не враг, а Друг. Бамба говорит, что чертей много развелось и жить не дают. Иван Русский богатырь отвечает: «Был бы свет в очах, а на чертей управу всегда найти можно». Русский богатырь берёт Книгу и говорит, что если в ней правда – она не сгорит в огне, а если ложь – сгорит и бросает Книгу долгов в огонь, она сгорает. Берёт комок паутины и бросает в рот Ли Чану, тот превращается в паука и его кидают в Амур и он плывёт к маньчжурским хозяевам, но уже бывшим. Русский богатырь идёт охотиться, и оказывается, что где нанайцы видели Агды-Грома – никого нет, просто камни; Боку – еловый сучок; Ганка – сосновый корень; Какзаму – просто камень, Хима-амба – лесной пал, огонь. К Киле Бамба приходит свобода. «Видит, никаких чертей нет, он стоит с Иваном на своей земле: оба сильные, оба храбрые, оба охотники, оба богатыри, только Иван постарше будет. И кругом всё понятно: в лесу деревья растут, в тайге звери живут, а в реке рыба плавает, на горах камни лежат. Подумал, подумал Бамба и вдруг говорит. – Значит, теперь и сказки наши пропали.

Про таёжных людей, про водяных людей, про горных людей сказки пропали. Ничего! – говорит Иван. – Теперь другие сказки пойдут! Разве не сильный ты? Разве не Храбрый ты? Своей земли разве не хозяин ты? Разве тебе я не друг? Разве про нас не сложат сказки? Отсюда и сказки новые начинаются. Про любовь и дружбу сказки... – новые сказки начинаются».

В сказке введён класс изоморфности нанайского богатыря Киле Бамбы и Лоче-Богатыря – Ивана русского Богатыря, они подобны, и они вместе с оружием в руках уничтожают эксплуататоров и врагов нанайского и русского народов – виды Боку и Какзаму.

14.2. В нанайской сказке «Близнецы» обосновывающей борьбу нанайцев за свободу с маньчжурами, Смертью и истреблением нанайцев внешними завоевателями, говорится «А может быть, они о тех близнецах (Удога и Чубок) от своих отцов слышали. Кто знает?». А эти близнецы как раз показали маньчжурскому нойону, что «кто знает?» сумеет ли он превратить живых нанайцев – в мёртвые! Сама природа защитила нанайцев от манчжур! Близнецы – люди двойняшки, сыновья Бога Воды – Земли, двойняшки – адо-сэвэны, которые сбивают Первое Солнце, Третье Солнце и оставляют среднее – Второе солнце. Эволюционно и исторически суть вопроса «ки содасы» (кто знает) в нанайской сказке – откуда придёт смерть нанайскому этносу и когда она уйдёт – кто знает?! Чёрная болезнь приехала. «На чём ехала – кто знает? На лодке ли, на собаках ли, на оленях ли, пешком ли пришла – не знаю» («Жадный Канчуга»). Смерть присутствует в нанайской сказке как центральный Герой, с которым борется нанайский этнос в своей истории, изображая и выражая истребление нанайского этноса внешними завоевателями и внутренними эксплуататорами, колонизаторами. Таковы сказки «Чориль и Чольчинай», «Бедняк Монокто», «Сабля Мэргэ», «Близнецы», «Мальчик Чокчо», «Гарпамди – меткий стрелок», «Как Бельды воевать перестали»,

«Большая Беда», «Жадный Канчуга», «Золотое кольцо», «Киле-Бамба и Лоче-богатырь», «Сирота Мамбу». Все сказки говорят о непрерывном сокращении численности северных этносов, нанайцев и удэ. Нанайская сказка драматична и трагична по своей сути.

15. Китайской мифологии присуща теория Великого предела (2–4–8 гексаграмм). У нанайцев такие предельные характеристики – Близнецы в отношении Неба и Земли, которые раздвигаются и сближаются или расходятся.

Близнецы пытаются проложить путь на Небо, но, достигнув Неба через ошибки в жизни теряют возможность вернуться на Землю. Небо и землю соединить и Близнецам, Братьям не удаётся. В рамках идеи Близнецов и подобия причиной является то, что между Небом и Землёй нет подобия, нет подобия между теми, кто на земле и теми, кто на Небе!

Суть философии Близнецов такова.

– модель дуального центра семьи и объединения семей против внешней и внутренней опасности, единства семьи, а Близнецы – форма мышления детей;

– претекст И-Цзин и Зороастризм – Дух Добра и Зла (Ахура Мазда и Ангхро-Майнью);

– Близнецы – форма китайских ян и инь и мужчины и женщины в их незаменимости, исключая среднее;

– субстанциональная форма подобия, сходства и различия, подкрепляемая рождением большого числа детей-близнецов;

– субстанция отношений подобия, сходства и упорядочивания жизни в классах изоморфности;

– классификация космоса в парном и шестичленном классификационном фрагменте;

– избыточная энергия и информация развития нанайского этноса и его борьбы с внешней и внутренней опасностью, представляемая мудростью и разумом детей, которые учат уму-разуму пожилое поколение, допускающее ошибки в жизни;

– рекурсия из идеала истины, равенства и свободы нанайский лесной традиции и шаманской религии;

– критерий истины, равенства и справедливости в личной системе знания, обучение на положительном и отрицательном опыте;

– форма судьбы, закона и преодоления судьбы, принцип методологического уникализма в мышлении;

– активность и контроль власти и собственности, общее благо, подчиняя ему частное;

– объединение слабых против сильных и их интенций к нарушению закона, возведению своей воли в закон, отмене Лесного закона;

– Близнецы – творящая Сила, Ум и Любовь, которые вторично творят космос нанайцев, в парах самоорганизации организуют множество;

– Близнецы – правильный путь нанайцев, Дерсу Узала и В.К. Арсеньева, нанайца – Киле Бамба и русского богатыря – Лоче богатыря в жизни, исключая свой собственный и власть и предполагающий абсолютное равенство, уничтожающих Боку, Какзаму, Агды-грому, Химу-амбу, Ганку и освобождающий нанайцев от страха жизни, но который вновь рождается и не исчезает;

– Близнецы – пессимистический вариант попытки сблизить Небо и Землю и констатация отсутствия подобия Неба и Земли – нанайской и русской истории, которая – правильный путь в Ад. Потому так интуитивно пессимистичен великий Дерсу Узала-праотец нанайского этноса, потому и мыслит пессимистично жизнь нанайского этноса. Смерть Дерсу Узала во сне – прообраз смерти нанайского этноса.

IV. КПЛ и философия нанайского этноса

1. Гносеология. Модель именно личного знания, предполагающая личную (шаманизм) модель знания, основного знания в киническом смысле, и приведение этой модели знания (и мира) в редукции онтологических уровней к совместимости, выводимости и следованию с всеобщей моделью науки. Теория имён как интуитивных конструкций, которым должны соответствовать в нарративе шаманизма свойства,

отношения, функции, которые пластичны и допускают перестройку. Критерий истины – экзистенциальные обобщения, содержащие форму подобия и классы изоморфности, семиотические, остенсивные и операциональные определения, совместимость личной точки зрения с иными точками зрения в Лесном законе жизни (мотив эусоциальности).

2. Онтология. Модель закона как локально-общего процесса в пространстве-времени, приводимого в совместимость с всеобщим процессом, стремясь его изменить и закон, как то, что может быть лишь один раз и не будет повторяться.

3.1. Логика. Умозаключения о субъекте, то есть дедукция, индукция и продукция при первичности продукции в модели личного знания, соответственно, в форме скепсиса относительно других точек зрения, редукции онтологических уровней, экзистенциальных обобщениях, остенсивных и операциональных определениях.

Мышление в классах изоморфности или классификационном фрагменте – пары, в отношениях подобия, транзитивности, симметрии и рефлексии. Мышление в 6 членном и пятичленном классификационном фрагменте. Но основной классификационный фрагмент – пара, находящаяся в отношении подобия (близнецы, нанайский и русский богатырь).

Мышление в скептических постулатах относительно сущего – сущего вещей и людей, их кажимости и подлинной эссенциальной сущности. Мышление в логике эссенциальных что – вопросов, в частности в загадках.

Мышление Дерсу Узала движется в а) условно-категорических умозаключениях, б) разделительно-категорических, в) условно-разделительных, с) умозаключениях от следствий к основаниям, то есть по 4 фигуре силлогизма и по второй фигуре силлогизма при обращении большей посылки и выявлении по следам зверя всех функциональных характеристик следов, трансформируя вторую фигуру в первую с двумя утвердительными посылками (например, при определении по следу – шёл молодой человек, с

упором на носок или пожилой человек, с упором на пятку).

3. 2. Нанайский здравый смысл.

1. Скепсис в отношении познания конкретного человека, который эволюционирует в Таёжного человека 2. Преодоление человеком страха жизни и заячьего сердца. 3. Личное знание и скептические постулаты как критерий истины 4. Субъективно-вероятностный конструктивизм в отношении условий выживания и отношение борьбы с внешними и внутренними врагами – суд отеческий и суд Мести. 5. 1. община и эгрегированная организация со стороны Близначев; 5. 2. Идентификация в нанайский этнос и его собственность Воду и Землю; 5. 3. Телеология перфекции и образования; 5. 4. Циклы внешних и внутренних войн; 5. 5. Вооружённое сопротивление угнетению.

4. ОТС. Мышление в целом не системно, а локально-обще и лично, переинтерпретируя всеобщие категорические суждения. Но локально – общее в отличие от мокши, эрзи, удмуртов берётся не объективно, а в системе личного знания в субъективной теории вероятности и в единстве с принципом методологического уникализма.

Закон системного основания – отношение тождества общины, личности и местной Природы, пространства и времени.

Закон системного явления: борьба с внешним врагом и внутренним (Боку), преодоление Страх жизни, модели идеального человека – Близначевы и Дерсу Узала и Злого человека: Боку, Какзаму, Агды-грома, Хима-амбы, Ганки, Таёжного человека, Кривого Уленды, Древесных людей без сердца, Айоги, Пустой головы и т. п.

Закон системного функционирования: – скептицизм в отношении природы человека и естественная система хозяйства в бассейне Амура.

Закон системного развития: а) классы изоморфности, подобия и порождения на основе подобных объектов в парах; б) тождество с природой, индивидуальная картина мира, мир Верхний, Средний и Нижний рассекаемые Мировым Деревом жизни и взаимодействующим с родовыми де-

ревьями нанайских родов, модель участия в жизни Мира в модели личного шаманского опыта, шаманизм как символический универсум нанайца (и Дерсу Узала), в) подобие нанайского и русского народов в совместной борьбе с эксплуатацией и врагами русского и нанайского народов.

Закон системной основы:

– эгрегированная организация в совместности с жизнью общины;

– идентичность и идентификация в нанайский этнос, нанайский язык, Близначевы и в борьбе с внешним и внутренним врагом; личная система знания и конструкция мира; подобие нанайского и этноса и русского суперэтноса.

– телеология борьбы с маньчжурами, татарами, русскими за суверенитет и собственность на ресурсы;

– циклы возвращения в Примордальную традицию и познания своего имени;

– форма самоорганизации и эгрегированности и вооружённая борьба за свободу и независимость и с несправедливостью («Как Бельды воевать перестали», Бельды, «Близначевы», «Мальчик Чокчо»)

5.1. Этика.

1) Этика преодоления страха: перед Природой, перед жизнью в общине, перед другими людьми, страха жизни, перед злыми духами

2) Формирование сердца Мужчины и Женщины, служащих роду и этносу, семье, детям нанайцев, преодолевая в себе заячье сердце и сердце Айоги.

3) Этика личного познания и конструирования мира, эволюции местного человека в Боку и Какзаму, превращающего людей в камень (окаменение сердец).

4.1) Развитие этноса до формы государственности; виновны и старшее и младшее поколение в уклонении от этноса, истины и справедливости, равенства, поэтому каждый должен выбрать путь исправления имён старших и младших (устранение старшего солнца и младшего, но сохранение Среднего Солнца Хадау).

4.2) Деградация человека от формы Местного человека –

нанайца в форму Боку и Какзаму, Уленду Кривого, Таёжного человека, Красно-Чёрную рожу, Чунгу, Медведя то есть Палэсмурта.

5.1) Труд и общая собственность семьи и этноса и самоорганизации в общине имеющей двойняшек-лидеров («Близначевы», Бог Воды – Земли).

5.2) Идентичность и идентификация в нанайский язык и этнос, подобие нанайского этноса и русского суперэтноса, абсолютность равенства, только тот, кто работает – ест.

5.3) Телеология борьбы с внешним врагом – маньчжурами, татарами и русскими оружием.

5.4) Понимание справедливости, равенства и блага в теории естественности расширенного воспроизводства этноса, естественная справедливость суда воздаяния и Мести, суд детей, суд Близначев, то есть Местной Воды и Земли и её расширенного воспроизводства, включая ландшафт и этнос.

5.5) Решительное и волевое вооружённое сопротивление угнетению. «Куда идёшь ты, маленький нанаец?» «Иду за отца мстить» («Мальчик Чокчо»). Народ мал, но у него сердце Тигра и он воздаёт Судом Отеческим своим детям и судом Мести своим врагам, называя чётко, кто – друзья, а кто – враги этноса нанайцев. «... слабому помоги, голодному дай, сироту приюти. Так жили удэ. Так жить будут» («Жадный Канчуга»). Это закон лесных людей. «Всё война, да война». «Мы тигриного рода» («Как Бельды воевать перестали»). «Я тебе добром отплачу» («Маленькая Эльга»). Пока Монокто-ангаза (бедняк) не боролся с угнетением – он перестал быть человеком, утратил имя и это имя люди забыли. Но когда он стал бороться с богачом Болда и сжёг его, то люди вспомнили его имя и он вновь стал человеком. «На себя работать стану» («Бедняк Монокто»). Это философия исправления имён Конфуция. Киле Бамба – нанайский богатырь и Лоче-богатырь – Иван русский богатырь – уничтожили всех эксплуататоров и врагов нанайского этноса.

5.2. В сказке «Сирота Мамбу» реализуется этика справедливости воздаяния, возмездия и мести тем, кто убил твоих сородичей.

01 / 2017

«Надо кости сородичей поднимать – так закон велит: за убитых мстить надо. За каждого убитого – врага убить надо! А одному не справиться с этим...». Мамбу помогает Священная Берёза, из которой он делает Древесных людей. Он просит их: «Обидчиков ни одного в живых не оставляйте». У этих древесных людей «Пощады не попросишь – сердца у них нет». «Всех обидчиков переколодили древесные люди»; «Вернулись древесные люди. На берег вылезли. Всех победили! – говорят. – что нам дальше делать?». – Спасибо, отвечает Мамбу». Но Мамба, стал сиротой, ибо маньчжуры всех его родичей убили или увели в рабство, и он не может жить один и ищет себе другой род «Имя своё позабуду, в чужой род попрошусь! Эй, люди, своим меня считайте! Имя мне дайте! В свой род примите!» Любимый род такого Мамбу к себе возьмёт.

Эта сказка реализует влияние и мотивы русской сказки «Мудрая жена» и «Иван-солдат». Разбойник предлагает Ивану-дураку Дубинку: «А на что твоя дубинка? – Да ведь она не простая; только скажи ей: эй, дубинка, бей-колоди – хоть целую армию, и ту на месте положит» [Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 2, 1989: 98].

Король: «Попадавай-ка мой булатный меч!». Потому «Дурак видит, что дело к расплате идёт, и крикнул: «Эй, дубинка, бей-колоди! Дубинка бросилась, раз – другой ударила и убила злого короля до смерти. А дурак сделался королём и царствовал долго и милостиво» [Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 2, 1989: 98]. «Ну, Иван, нашей силой управляй, а станет тебе мало, вспомни нас один раз, мы для тебя из могилы встанем», «И крикнул: «Медный, Серебряный, Золотой богатыри, на помощь Ивану крестьянскому сыну!». «Тут они из могилы встали и наехали. Стали бить, трепать, кони ногами бьют, зубами грызут. Всех победили, никого не оставили на семена. Всех притоптали, прикосили! Вот вернулись обратно с победой» [Библиотека русского фольклора. Сказки. Кн. 2, 1989: 144–146]. Мотив этой сказки – «Иван-солдат» реализован в на-

найской сказке «Киле Бамба и Лоче-богатырь». В ней реализованы и мотивы русских сказок «Чернокнижник» и «Царь-Чернокнижник».

5.3. В сказке «Храбрый Азмун» герой сражается за общее благо семей и родов нивхов. В сказке Бог спит и его должно разбудить этническому человеку путём ономапии. Если Боги спят и человек сам не побеспокоится о себе, то на земле воцарится Зло и Смерть. Сказка реализует мотивы русской сказки о Небе и Земле «Чудо из чудес», «Не любо – не слушай», сказки «Иван злосчастный, мужик несчастный» и индийской сказки «Человек, который пошёл искать свою судьбу», японской сказки о посещении морского царя на дне моря «Урасимо Таро», «Два брата» [Библиотека русского фольклора, т. 3, 1989: 550, 559; Библиотека русского фольклора. Сказки, т. 2, 1989: 337; Японские народные

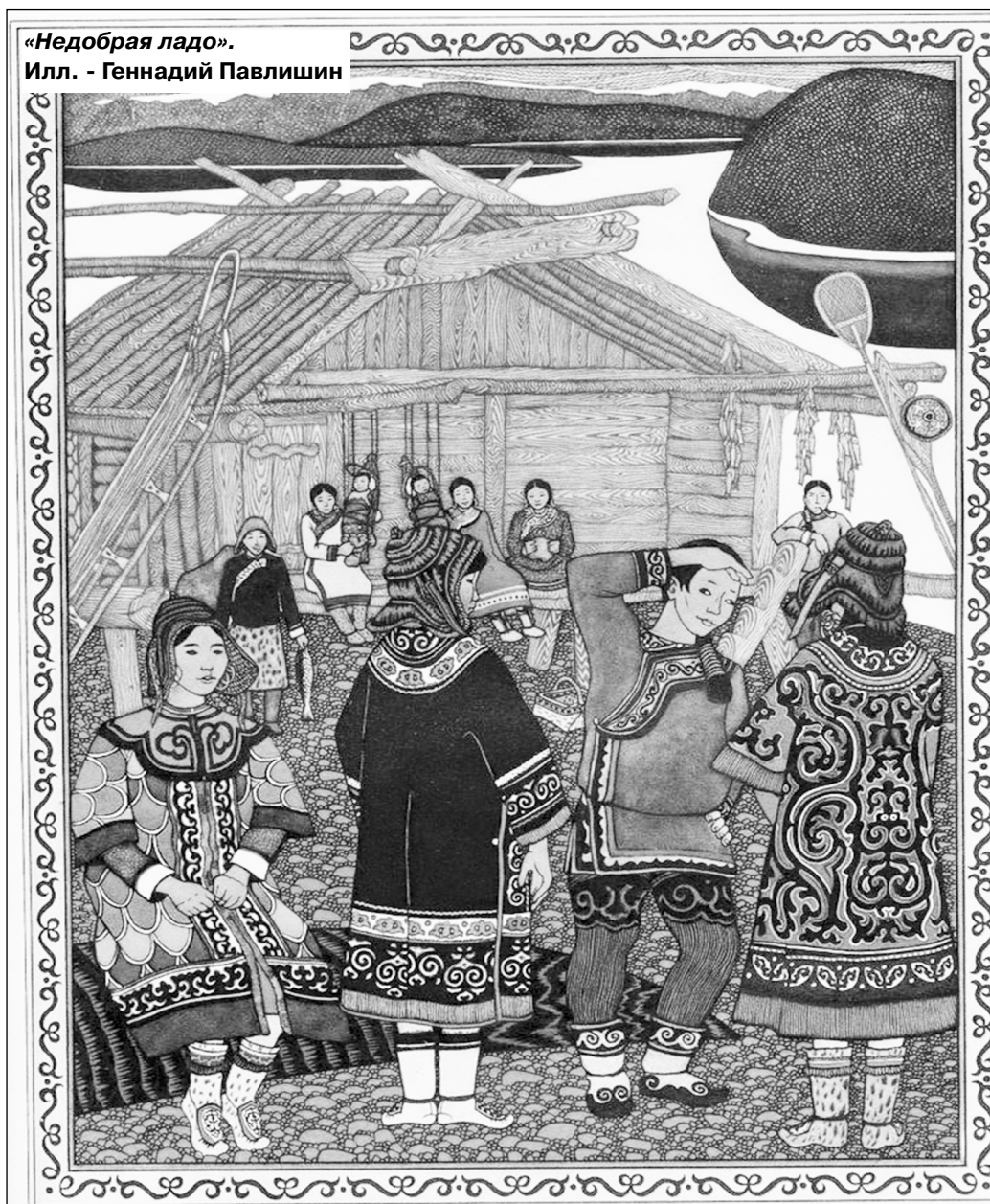
сказки, 1991: 33, 36; Сказки народов мира, т. III, Сказки народов Азии, 1988: 547].

«Ты какого народа человек? Я – Азмун, нивхского народа человек». «... вижу, не о себе думаешь, о других!». Сказка реализует магию ономапии. «Про многих людей с тех пор забыли... А про Азмуну и его кнгхеи помнят до сих пор».

5.4. Образ и человек Дерсу Узала.

Дерсу Узала родился в Уссурийском крае, когда тот принадлежал Цинской Китайской империи. Сам Дерсу, когда встретился с В.К. Арсеньевым определил свою этническую идентичность как «гольд», т.е. нанец. Его подлинное имя Дарчу Оджаб (Дарчу из рода Оджаб). Но есть предположение, что он был удэгеец, хотя сам он определял себя именно как гольда, а не орочем и не удэ.

Старовер, христианин, хорошо относящийся к Дерсу Узала заявил В.К. Арсеньеву, что Дерсу

Узала «Нехристь. У него и души – то нет, а пар». Когда В.К. Арсеньев вечером встретился с Дерсу Узала, тот собрался на охоту. «Моя хочу один косулю убить – надо староверу помогай, у него много детей. Моя считал – шесть есть. «Не душа, а пар», – вспомнились мне слова старовера». Хотелось мне отговорить Дерсу ходить на охоту для этого «истинного христианина по церкви апостольской», но этим я доставил бы ему только огорчение и воздержался». Слово Христа написано в сердце великого Дерсу Узала, а души у христиан – нет, если они благословляют рынок и частную собственность и ненавидят ближнего! Мясо убитой косули Дерсу делил на всех поровну – таков закон нанайцев. Есть одному, отметил Дерсу, грех. Это не первобытный коммунизм, это Дух Христов Дерсу и абсолютная эусоциальность, присущая лишь 5% людей вообще. «Не можете служить Богу и мамоне» (Мф. 6: 24).

Дерсу Узала пел нанайские сказки. Его сказки были печальны, он пел о трагической судьбе своего народа. Дерсу верил в сказку и рассматривал её как реальность, например, русскую сказку «О рыбаке и рыбке». Наедине с Природой он размышлял о прошлом и будущем своего народа. Задавал вопросы Судьбе – почему так тяжело живётся нанайскому этносу и его семье? Дерсу просто так никогда не убивал животных, не рубил деревья, только по необходимости жить. Согласно Дерсу – растения, животные, рыбы – тоже люди со своими языками и душами. Разумеется, существует и Чёрт, живущий в лесу. Дерсу имел чувство – драмы, трагедии и комедии, и не смеялся над тем, над чем многие смеялись, понимая трагическую и драматическую сущность вещей и событий, ситуаций».

Дерсу мыслил как охотник – от следствий (следов) к основаниям, и феноменологически – по приметам пространства-времени и Погоды предвидел развитие естественных событий в Тайге. То есть его мышление шло в категории естественных событий, естественного тождества всего живого в местном пространстве-времени и в прогрессивных сложных силлогизмах. Объяснения

Дерсу были простыми и следственно-причинными, но он всегда в тайге думал. Он был классический интраверт-экстраверт и интуитивистского типа мышления человек. Столкнувшись с тигром Дерсу два раза предупреждает тигра, чтобы он ушёл (по лесному закону) и только после того, как он этого не делает имеет право стрелять и убивает тигра, но вины за это не несёт. Но тигр стал уходить, а Дерсу не удержался от выстрела и убил тигра. Дерсу очень переживал – он напрасно убил тигра. Он, Дерсу Узала, должен нести вину за напрасное убийство тигра и после смерти. Дерсу понимает человека как – и животное естественное, и дух и социально-коллективное существо, а растения и животные – такие же люди, как и он! Это древнеегипетское понимание человека. Дерсу умел сорадовать и сострадать и обладал абсолютным тактом в понимании ситуаций и горя людей, хотя не мог понять вора и его хитрости, ибо был от природы абсолютно честен и эусоциален. Именно поэтому он жертвует собой, чтобы спасти товарищей, в частности В.К. Арсеньева. Русское влияние на удэхэйцев было и положительно – способствовало развитию земледелия и скотоводства, усвоению русского языка (от староверов). Но было и отрицательное в виде пьянки и роста невежества, эксплуатации и грабежа ресурсов нанайцев, их труда.

Дерсу Узала слушал Природу и всё живое и понимал предостережения жизни и запреты Природы; многое, что в природе принадлежит не тебе, а Природе-тигру и т. п. Дерсу следовал традиционным обрядам, связанным с огнём и водой, и жертвой, для преодоления замыслов Чёрта. В этом смысле он был сам по себе естественный шаман, имеющий личную модель космоса, Природы, пространства и времени». Шаманская религия была достаточно развита к 1908 г. Шаманское жилище было представлено идолам Мангани – Севохи и т. п. Дерсу понимал гром как Агды-гром, который гонит Чёрта в солонцах. Дерсу всё видел, всё слышал, всё осязал, имел вкус всего, что есть в тайге, всё чувствовал, по запаху (носом), определял всё в Тайге!

«Я засмеялся и сказал, что он лучше видит носом, чем глазами».

Удэхэйцы и Дерсу Узала понимали любые религии и не имели религиозной нетерпимости вообще. Но в этнорелигии нанайцев шаманство было и наследственным делом и, вместе с тем, шаманом в некотором отношении в критических ситуациях был каждый нанайец. Религиозная нетерпимость была присуща именно европейцам, христианам, католикам, протестантам, православным, староверам. Все вещи для Дерсу Узала – были живые (анимизм). Он разговаривал со всеми феноменами природы, растениями и животными, видя их живыми людьми. Птицы для него были «смирные люди». Живым был и фонограф, на котором была записана его речь – рассказываемая им сказка.

В 58 лет Дерсу стал промахиваться, стреляя в зверя. Глаза стали слабы. Пришла Старость. «Как теперь моя дальше живи?». Для Дерсу, охотника, это была трагедия, тем более, что он был одинок, семья погибла в эпидемии.

В. К. Арсеньев звал Дерсу поселиться с ним в городе, но Дерсу Узала не мог жить в городе. Дерсу хотел подарить В. К. Арсеньеву свою плантацию женьшеня (22 корня). Но Дерсу не торговал Женьшенем – нельзя продавать корень жизни.

Дерсу был Сказочником нанайского народа – рассказывал и пел его драматическую и трагическую историю в нанайской сказке. Дерсу было плохо в городе. «Моя здесь сиди всё равно утка. Люди надо постоянно сопка ходи, стреляй». Дерсу была нужна свобода бытия в Тайге. В городе Дерсу лишили права распоряжаться своей природой, как и сейчас нанайский этнос. Дерсу просит В.К. Арсеньева отпустить его в сопки и тот его отпустил. Дерсу ушёл не попрощавшись, чувствовал, что идёт навстречу своей Смерти. В городе он стремительно старел. Вскоре пришла телеграмма «Человек, посланный вами в тайгу, найден убитым». Пристав хоронил безвестного «инородца».

Дерсу Узала имел аффект жизни – избыточную энергию и информацию природы; подчинение я – мы; прогрессивные силлогизмы, строя их на основ есте-

01 / 2017

ственных оценок, мыслей о субъ-ектах жизни, чувстве, ощущении, интуиции тождества с природой, которая вся была живой, а растения, животные и вещи были людьми имеющими язык, экзистенциальные обобщения о будущем развитии событий в Тайге, имел личную модель знания космоса; абсолютно эусоциальное отношение к людям, мысля их, вещи, природу в форме абсолютного равенства; идентичность и идентификация именно в этнос – я гольд (нанаяц), чувство любви и эвтюмии к людям, не боялся смерти как естественного процесса, идентичность и идентификация с русским народом в лице В.К. Арсеньева, они вместе были Близнецами братьями, один был нанайским богатырём, а другой – русским; телеология семьи, которая погибла в эпидемии и память семьи; аффекты безгрешности, чистоты и дружбы, честности; аффекты ахимсы (невреждения живому), аскезы, ограничения жестокости и силы, нестяжания, но не имел аффекта протеста и борьбы против угнетения принимая мир таким, какой он есть – жестокий и несправедливый, был коллективистичен; имел аффект лидера, ориентированного на общее благо, труд и творчество.

В.К. Арсеньев и Дерсу Узала были Близнецы-Братья нанайской сказки – Киле Бамба и Лоче-богатырь. Дерсу сонного убил грабитель. Его как раз убил Какзаму. Дерсу Узала был убит в 1908 г. когда он спал, русским каторжником Козловым ради винтовки, которая была очень ценной, и кроме которой Дерсу ничего не имел. Смерть Дерсу во сне от руки Какзамы – пророчество Дерсу о смерти нанайского этноса во сне от руки Какзаму. Это антропологический прогноз великого нанайца. «Прощай, Дерсу! – сказал я тихо. – В лесу ты родился, в лесу и покончил расчёты с жизнью». Нет и могилы Дерсу Узала. «Прощай, Дерсу!» Как же всё-таки несправедлива Жизнь? Почему негодяй живёт и процветает, а хороший и добрый человек, умный и сильный погибает?! Почему как и прежде население можно делить на три группы: администрацию, обывателей и туземцев?!

б. Эстетика.

Жизнь – страдание, испытание, борьба с внешними и внутренними врагами, счастье в труде, борьбе, и семье, детях. «Только то и крепко, что трудом добыто» (Чориль и Чольчинай). «Только без горя жизнь не проживёшь» (Чориль и Чольчинай). Прекрасное – любовь и верность женщины, её внутренняя красота, служение этносу нанайцев, мужество, сердце мужчины, внутренняя красота мужчины, а безобразия – превращение человека в Какзаму (окаменение человека), Боку (получеловека), Ганку (рыбу), Агды-грома (ничтожную пыль), Химу-амбу (ползающее существо), жука-древоточца, смысл жизни которого – жить, чтобы есть, Таёжного человека, живущего в одиночестве, Древесных людей, не имеющих сердца, Айогу, думающего лишь о себе, Пустую голову мужчины, любующегося своей внешностью и ничего не умеющего делать, мужчину с заячьим сердцем, Уленду-Кривого (вора), Красночёрную рожу, Зверя бессловесного – Медведя, имеющего силу, но не имеющего ума, любви, человека раба, не имеющего чувства протеста. Уродливое – лень и неспособность к труду, зависть. Возвышенное – служение нанайскому этносу и борьба с оружием в руках с внешней и внутренней опасностью, низкое – отказ от борьбы за свободу этноса, предательство шаманством и богатствами интересов нанайской свободы и справедливости. Целостность: идентичность и идентификация в нанайский этнос нанайских родов и семей, разорванность – утрата нанайского языка и единства нанайцев и нанайского этноса с природой. Драматическое: извращение Примордиальной традиции – закона жизни нанайцев (собственности семей как общей), предательство шаманами интересов нанайского этноса, борьба в человеке формы местного целостного человека и Боку и победа Боку, деградация мужчин и женщин, утрачивающих способность создавать семью. Трагическое – невозможность противостоять монголам и другим крупным завоевателям, что непрерывно ведёт к сокращению численности нанайского этноса и

внутренние войны. Комическое: противоречия внешней привлекательности человека и внутренней эгоистичности, пустоты, ничтожности в интенции к нарастанию безобразия; подавление личной формой шаманства родовой интенции к борьбе за свободу нанайского этноса, превращая человека в карикатуру на могущество, вера в которую может привести этнос к гибели; аналогично как карикатура на Богов показано, что в вере за богов – Боку, Какзаму и т.п. принимаются феномены природы; смешным выглядят труд нанайцев, когда они работают не на себя – труд для них бесполезен, и человек такой, не имея чувства протеста и не борясь за свою собственность – утрачивает своё имя, он не человек, а незначительное животное, имеющее заячье сердце. Это определение родовым – природой эксплуатируемого индивидуального -чувства протеста личности суть форма незначительности человека.

Сатира: ничтожность нанайцев, которые впадают в коллективный обман денежного долга, излишне верят Книге долгов, обманщикам, не имеют необходимого скепсиса, чувства протеста в следствии своей неграмотности перед эксплуататорами, погружены в фатализм судьбы и терпения зла и утрачивают человеческий облик.

Юмор: Конда и Егда верёвкой притянули Небо к Земле, но кабан подрезал верёвку, и Небо снова ушло высоко-высоко, а они уже вернуться не смогли. Слишком мало сходного между Небом и Землёй, чтобы что-то Небесное на земле могло удержаться. Никаким богатырям с благами намерениями не сделать Землю – Небом!

Гротеск: бедняк умеет всё, и ловит зверей без орудий, например, на смолу, а богатый не умеет ничего, кроме как считать деньги, он пытается поймать на смолу птиц, но мажет смолой ствол, лезя на дерево, а не спускаясь по нему, липнет к стволу, ствол рубят и он и его жена погибают. О этих богатеях никто не жалеет! «А нам не жалко её – она тоже не лучше своего мужа была». (Глупый богач). Нельзя жалеть богатого человека.

«нет на свете кожи крепче кожи обманщика и грабителя, которого жалость не проймёт и слёзы обиженных не тронут» (Мальчик Чокчо). Из кожи богатого негодя сделали унты для Чокчо.

Ирония: Уленда-Кривой (вор и завистник) думает как погубить брата – Берёзового сынка, но в итоге зангин (судья) отправляет его жить в лес, ибо он не любит людей и место его не среди людей, а среди зверей живущих по одиночке, и где он станет тем, чем есть в душе – зверем, медведем. «Будь тем, кто ты есть в душе» («Берёзовый сынок»).

Сарказм: как женить человека, если у него голова пустая? Пусть у него будет кривая рожа, чтобы он людей не обманывал. И лицо ему разрисовали красным и чёрным цветом.

Чольчиной смеётся над шаманом, который её пожелал, сказав ему: «Как могу я смотреть на жабу, когда рядом со мной солнце стоит?» (Чориль и Чольчиной).

Остроумие: Близнецы усилили желание племени Бельды вести войну по пустяковой причине, заставили их терпеть массу испытаний, а в итоге войны привели к ничтожному выкупу, что показало несоответствие затрат и результата и заставило племя Бельды перейти от войн, к сотрудничеству с другими родственными племенами, в частности взяв у них жён для себя («Как Бельды вовевать перестали»).

Двусмысленность: две девушки ищут своё счастье (одна богатая, другая бедная), обе имеют случай приобрести счастье (тождественные действия), но бедная следует Традиции и исполняет сказанное, а вторая – своевольна и нарушает Традицию и сказанное, поэтому первая находит счастье, вторая – утрачивает и счастье и то, что имела (различные следствия, различие тождественного).

Травести: сила любви позволила Чольчиной стать богатырём и уничтожить черта шамана, который превратил её жениха в медведя, а со смертью черта шамана погибает и шаман, а она не пролила крови человека своего рода. В Чольчиной же шаман нашёл свою судьбу – он хотел её, а получил смерть. «Искал ты меня, а нашёл свою судьбу» (Чориль и

Чольчиной). Смысл травести состоит в том, что Чориль и Чольчиной изменили свою судьбу, преодолели её (то есть изменили конфуцианское понятие судьбы, Сюнь цзы).

Киле Бамба – нанайский богатырь – преодолевает вместе с русским Иваном богатырём свои страхи перед богами и эксплуататорами и становится Хозяином своё Земли и Воды.

Бурлеск: Жадный Канчуга забыл закон лесных людей – помогать членам рода, детям, хотел их убить, и за это превращается в кабана, рысь, крысу древоточца, которых по очереди убивает тот, кого он хотел убить ребёнком, и испытывает четырежды страх смерти. «И никому его не жалко было» (Жадный Канчуга).

Благг: невозможно сблизить Небо и Землю в силу отсутствия подобия между Небом и землёй, небесными и земными людьми (нет Близнецов, действующих едино) и попытки такого рода кончаются ничем.

Вера в богов – Боку, Какзаму, Агды-грому, Химу-амбу, Ганку – иллюзии шаманской веры, за ними стоят феномены природы и страх нанайцев, богатырей перед ними – смешон!

Гэг: богатыри, которые как Егда и Конда, тратят свою силу, не принося пользы людям, осуществляют бессмысленные действия и не достигают своих целей.

Комитрагическое: комичны богатыри братья Егда и Конда, которые смеются над традицией, но трагично то, что их попытка сблизить Небо и Землю – остаётся неудачной – между Небом и Землёй нет подобия! Комична вера в силу шаманства, в опыт только старших поколений и не доверие младшим, но трагично то, что эта вера и недоверие к уму младших поколений приводит к гибели этнос, который утрачивает способность вооружённой борьбы с завоевателями и внутренней опасностью.

Комичны как бы мужчины и женщины, которые не хотят иметь семей, хотят быть одни, но трагично то, что такая мотивация ведёт к вымиранию этноса.

Трагикомическое: Сказка полна трагедии, говоря о непрерывном сокращении численности Северных этносов. Удэ в древно-

сти много было («Большая беда»). Удэгейцев раньше было много («Соболиные души»). Этнос, погрузившись в жадность и зависть, забыл свою идентичность и идентификацию в нанайцев! «Помни, Гапчи: род твой – нанай. Это значит, что ты – сын Земли, человек, рождённый землёй. Встань же и защити мать родную от страшной птицы Кори» (Гарпамди – меткий стрелок).

7. Мотивация жизни. Труд – семья, большая семья и дети; этническая идентичность и идентификация в нанайский этнос и Местную Природу, общее благо – вооружённая борьба против угнетения и за свободу вместе с русским суперэтносом.

Отрицательная мотивация: отказ от Традиции; нарушение закона, отмена закона, возведение своей воли в закон (Какзаму; отказ от семьи в эгоизме; насилие и невежество).

8. Мессианская роль, миссия, целевая функция жизни, судьба, предназначение.

Мессианская роль – нарратив большой семьи, которая упорядочивает жизнь в парах социальных отношений, которые изоморфны именно семье: социально экономических, семья – экономика, семья – политико-управленческие отношения, сочетающие самоорганизацию и личный центр; семья – демография, семья – мигранты и пришельцы, семья – образование, преодолевая невежество, семья – этнические отношения в русском государстве.

Миссия – модель науки на основе личного знания, совместности научных точек зрения, логик подобия и эссенциальных вопросов о Природе.

Целевая функция: расширенное демографическое воспроизводство семьи и этноса и преодоление деградации антропологии человека в Боку. Приведение институтов в соответствие с семьёй.

Судьба: утрата нанайской идентичности и идентификации, заблуждение и вымирание; поддержание в иноэтничном окружении через свою и русскую модель образования своей этнической идентичности и идентификации.

Предназначение. Память о своём личном имени и месте каждого человека в своей семейной об-

щине и этносе, развивая семью и личность этнического типа.

9. Антропология нанайского человека.

1) Нанайцы – носители байкальского антропологического типа с небольшой примесью северо-китайского антропологического компонента. Этническая основа в этногенезе – конгломерат родов, но субстанция – тунгусские рода Приамурья. Как общность гольды нанайцы сформировались к XVII веку, но включили в себя племена – нанай, нани, киле, акани. Нанайцы подразделяются на верхних и низовых нанайцев. Численность в мире – до 12 тыс., 9 тыс. проживает в Хабаровском крае. Организация жизни в XIX веке – родовая, объединение родов доха, семья.

2) В семейном плане нанайцы локально коллективистичны относительно семьи, рода. Реализуют запрет пролития крови родичей и другие лесные правила жизни, но, вместе с тем, в силу именно лесного образа жизни и шаманской модели религии и знания сосредоточены на личном универсальном знании и опыте, мысля себя как критерия истинности суждения.

3) Нервно-психическая конституция: Тип ЦНС – сильный уравновешенный инертный тип и, вместе с тем, сильный неуравновешенный подвижный тип, интраверт-экстраверт и экстраверт-интраверт, чувствующий, оценивающий, мыслительный тип, интуитивный, ощущающий тип.

Темперамент – флегматический и боевой холерический тип (Бельды в сказке).

Эмоции – труда и семьи, этнической идентичности и идентификации в нанайцев, общего блага, вооружённой борьбы за независимость с монголами и иными этносами, тождества с природой и её одушевлённости, справедливости, суда Отеческого и Суда Мести.

Тело стремится к универсализму в видах деятельности; плоть поддаётся греху, соблазну и искушению частной собственности и водки; душа хочет личной гармонии с природой и людьми; дух ищет свободы, справедливости и независимости; мысль хочет понимания причин вещей;

здравый смысл требует согласования суждений старших и молодых поколений; сердце чувствует и видит – чисто внешний характер красоты людей и внутреннее их безобразие и убожество, ничтожность. Нанаец любит свою семью и природу, ответственность жизни вместе с семьёй и Природой и ненавидит искусственность иноэтнических институтов.

Метафизический характер нанайца – личное знание и личное суждение как критерий истины.

Эмпирический характер – синтез видов деятельности.

Приобретённый характер – а) уникалистский подход к ситуациям жизни и уникализм творческих решений в видах деятельности на основе флюидного интеллекта, б) хитрость в условиях выживания и адаптации к внешней неопределимой среде – китайской и русской.

Религиозный характер – способность перестройки сознания в тождестве с местной природой и ландшафтом, флорой и фауной, в шаманизме.

Культурно-типический характер нанайца: семейная идентичность и идентификация и упорядочивание жизни в парах взаимодействующих людей и процессов.

Моральный характер: семейная и родовая солидарность, солидарность и одухотворение природы, семейная собственность, верность самому себе в самоуважении нанайца в любви к ближнему, эвтюмия по отношению к пришельцу, высокая способность дружбы, выполняя Традицию жизни в бассейне Амура, способность к вооружённой борьбе за справедливость и против угнетения вместе с русским суперэтносом (Дерсу Узала, Кола Бельды).

Социальный характер – жизнь семьями и в совместности семей в общинах, совместимость, выводимость, следование с русским народом.

Масочный характер – маски выживания в иноэтнической среде, ограничивающей использование нанайцами ресурсов Природного ландшафта и традиционного образа жизни. Специальная маска – маска шамана имеющего власть над добрыми и злыми духами, маски истолкователей снов

и т. п., маска не знания и обмана-ваемого на этой основе.

Маска злой хитрости. «Хитрому доверять как можно. У хитрого на языке одно, а голове другое. С хитрым введёшься – в оба глаза за ним гляди»; «Верно говорят, что от хитреца да плута добра не жди» («Лиса и медведь»). Маска хитреца прирастает и заменяет личность. Это и есть Боку.

Греховный характер – грехи превращения в Боку (получеловек), Какзаму (горный человек смысл жизни которого – вредить людям), Агды-грома (превращение в ничтожество), Ганку (рыбу), Химу-амбу (ползущее существо), Уленду – Кривого, Таёжного человека (эгоиста, живущего в одиночестве) и т. п.

Подсознательные интенции: избыточная энергия борьбы с внешними и внутренними врагами; наслаждение единством с Природой и ландшафтом; реальность Земли и Воды именно Приамурья, но адаптация к иноэтнической среде; личная модель знания в творчестве и флюидный интеллект как основной, синтез видов деятельности; идентичность и идентификация в большую семью и нанайский этнос; равновесие с местным ландшафтом и неравновесие с иноэтнической средой в ассимиляции; интенция смерти – деидентификация в этнос и сокращение численности этноса.

Основные антропологические отношения к жизни. Нанаец – скептик, он видит внешнюю благообразность человека, но и внутреннее его безобразие и природу уже Боку. Нанайцы стойки – вокруг силы, Какзамы, которые он не может преодолеть, полно чертей и людей мало или нет, потому должно терпеть и выживать. Нанаец имеет модель личного основного знания, аскет в этом отношении, хочет независимости и находит её в уединении с Природой. Дерсу Узала был счастлив наедине с природой! Нанаец любит естественные наслаждения жизни, соединяя дианоэтические наслаждения – размышление о Природе и жизни, созерцание Природы и чувственные удовольствия естественными дарами природы. Это нанайский тип гедонизма. Нанаец видит необходимость и судьбу, но

не отказывается от случаев и условий, которые ему позволяют изменить судьбу, веря в свою Форуну. Нанаец имел личное знание и личное суждение критерием истины, то есть форма истины – множественна, предполагая совместимость, выводимость, следование личных истин в нарративе семьи (Эпикуреизм). Нанайцу присущ здоровый цинизм – негодяй и жестокий человек заслуженно гибнет от руки Нанайца.

Нанайцу присуще и здоровое хамское отношение – старый человек должен понимать своё место и ограниченность своих суждений относительно суждений по истине младших поколений. Именно поэтому в сказке «Близнецы» – близнецы Удога и Чубок – дети учат стариков уму-разуму! «У стариков – жизнь позади». У молодого человека: «силы у него больше, глаз лучше, рука твёрже, вся жизнь – впереди – он вперёд смотрит» (сказка « Большая беда»). Старики могут завести этнос в катастрофу. И приводят к катастрофе. Поэтому и править в государстве один человек может только один срок. В сказке не послушались молодого Димидигу люди – и погибли от руки монгол, веря старикам и старым шаманам. «На совете молодые стариков слушают. Но и старики от молодых хорошего слова ждут» («Большая беда»). И в сказке «Сирота Мамбу» старики не поверили суждению молодого Мамбу о плохих людях – маньчжурах, и это привело к гибели рода, порабощению другого рода и бегству третьего рода в неизвестность. «Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду» (Иов 32: 9). «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? Он же сказал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» (Мф. 15: 2–3–6). Св. Иоанн Златоуст говорит: «Он как бы так говорит: обыкновение повиноваться старцам, оно-то и погубило вас». Интенция сблизить Небо и Землю – интенция будущей жизни, нарратив идеальности, но нанаец понимает невозможность сближения Неба и Земли, которые не подобны (неоплатонизм). Отсюда и пессимизм Дерсу Узала.

Вопросы к жизни. Что такое человек? Человек семейно-коллек-

тивное и родовое существо, в котором на основе частной собственности и власти начинает доминировать тенденция превращения в Боку (получеловека, Какзаму (Злого горного человека, смысл жизни которого – причинение вреда людям и окаменение их), Агды-грома (превращающего человека в пыль) Ганку (человека рыбу без чувств), Химу-амбу (ползучую тварь), Кривого Уленду (зависть и воровство), Зверей, Таёжного человека (эгоиста живущего в одиночестве). Что нанаец может знать? – необходимо универсальное знание Природы и всех видов деятельности. На кого нанаец может надеяться – на Природу, род и семью, себя, но не государство. Кто виноват в захвате нанайских земель? – отсутствие единства в нанайских родах.

Кто мы – нанайцы – коренной этнос Приамурья, которому принадлежит территория, земля, недра, продукт, реки и ландшафты, Вода и Земля. Воздух, средства производства как неотчуждаемые прерогативы. Откуда мы идём – из формы семейно-родового единства и владения своим месторазвитием – в небытие и исчезновение в силу ассимиляции и отчуждения этнической собственности и территории. Кто тварь, а кто творец? – Тварь тот, кто боится Боку, Какзаму и т. п. Творец тот, кто сражается за справедливость и свободу этноса против угнетения и частной собственности. Что такое жизнь? Страдание и борьба за счастье и свободу, но не наслаждение едой и богатством. Что такое добро и Зло? Добро – всё, что способствует жизни, живому, Естественности Природы, семья и её благополучие, а зло – всё, что несёт смерть Природе, богатство и власть. Что такое антиномия насилия – избегание войны, сколько можно, но безусловный суд мести за гибель членов семьи и родов, вооружённая и беспощадная борьба со злом и уничтожение врагов рода и семьи, этноса, делая из их кожи-унты. Что такое истина – моё личное суждение в совместимости, выводимости, следовании с суждениями членов семьи в нарративе закона лесной жизни (любви к Природе, всему живому и ближнему).

Как познать самого себя – в богатырском служении и этносу, а не в игре избыточной энергии и силы? Какова схема преемственной связи? Продолжение сыновьями и дочерьми дела Отцов, но изменяя его соответственно Времени и не следуя слепо их опыту. Что такое прогресс – развитие личности нанайца, образования и препятствование превращению человека в Боку – эгоиста или получеловека. В чём сила человека? – в памяти о своих богатырях и продолжении их дела («Храбрый Азмун»). Какие существуют модели человека: Боку, Какзаму, Ганка, Агды-гром, Хима-амба, Таёжный человек, речной человек, древесные люди, хорошие люди, плохие люди, Уленда-Кривой, Глупцы, обманщики шаманы, Богатыри, служащие этносу, нанайцы, те, кто утратили идентичность и идентификацию в нанайцев и нанайский язык. Как относится к врагам – уничтожать их с оружием в руках. А как относится к русским? Они в лице Лоче-богатыря, В. К. Арсеньева – Ивана русского богатыря – Друзья нанайского этноса, а не враги, с которыми они вместе сражаются с несправедливостью, угнетением, внешними врагами, религиями, обосновывающими частную собственность и власть (Дерсу Узала и Кола Бельды).

Тектология и праксеология.

1) Тектология – организация через наличие дуального центра и в отношениях взаимодействующих пар людей, связываемых отношением подобия, а в нём – транзитивности, симметрии и рефлексии в нарративе нанайского повседневно-обыденного закона жизни большой семьёй как субъектом собственности и их объединением в рода и объединение родов.

2) Практиология предполагает чёткое определение врагов и друзей и безусловное вооружённое истребление врагов без всякой жалости и прощения – несправедливый человек и группа, враг не испытывают раскаяния и должны быть уничтожены вооружённым образом. Такова позиция Близнецов нанайской сказки. И такой опыт истории взаимодействия нанайцев с внешними завоевателями и колонизаторами.

Но внутренние войны должны быть исключены и кровь родичей не может быть пролита.

Суперэтнические интенции.

Нанайцы обитают в ареале Дальневосточных культур – Китая, Японии, Кореи, России, Индии, Монголии и испытывали влияние многих культурных традиций.

1) Древнеегипетская интенция. В сказке «Берёзовый сынок» загадывается загадка о носе, а нос-концепт Египетской сказки в значении источника жизни и дыхания. И в сказке «Сирота Мамбу» оживление древесных людей связано с выстругиванием носа, а лишение их жизни с срезанием носа. «Нос на чурках сделал, чтобы слышали запах дыма на халатах у тех, кто Суами погубил, кто Пуанди увёл». «Глаза древесным людям закрыл, носы стесал. Стали они опять как простые чурки». В Египетской сказке говорится: «– да ниспошлют они тебе (твоему носу) жизнь и благоденствие...». Нос в мифологии древних египтян – источник жизни. В надписи на гробнице вельможа клянётся носом, «который любят боги». Тутмос III клянётся следующим образом: «Так же, как я живу, как меня любит Ре, как меня хвалит отец мой Амон, как нос мой полон жизни и благоденствия, – я действительно сделал (всё) это!» Об фараоне, который умер в Текстах пирамид говорится (изречение 538d), что он «нос, который дышит». Это метафора жизни фараона после смерти. Некоторые боги Египта рождаются из носа и ноздрей божества. В текстах саркофагов сказано: «Я Шу, сын Атума. Он родил меня в носу своём, (и) я вышел из ноздри его». Дерсу понимает человека как – и животное естественное, и дух и социальное – коллективное существо, а растения и животные – такие же люди, как и он. Это древнеегипетское понимание человека.

2) Индусская интенция. Нанайцы чувствительны к различению внешности человека и его внутренней, которые существенно расходятся, то есть имеют мотив иллюзии, майи, отсюда скепсис нанайского мышления. Нанаец глупостью считает излишнее доверие к тому, что человек видит глазами. Поэтому в сказке герои

часто думают, размышляют, как на самом деле обстоит дело или какова сущность предмета и человека. Представлен и мотив сабли – волшебного тальвара («Сабля Мэргэ»). В сказке «Глупый богач» реализован мотив индийских сказок «Прилипни», «Прилипни, Махадео!», используются и мотивы таких сказок как «Что лучше – мудрость или богатство?», «Счастье и ум». Мотив жизни как страдания – индусско-буддийская интенция. «Только без горя жизнь не проживёшь» («Чориль и Чольчинай»). Мотив правильности пути, указываемого Близнецами – и буддийский мотив (не я – а мы и частное суждение) и китайский мотив Дао – естественности пути.

3) Китайская интенция. Китайское мышление отразилось в нумерологии – использовании двойного и шестичленного классификационного фрагмента и философии книги «И цзин» – «Книги Перемен»). Именно поэтому нанайская сказка не абсолютизирует суждения старших, но предполагает, что и молодые люди мудры и более мудры во времени. Это философия взаимоотношения поколений в сказках «Большая беда» и «Сирота Мамбу».

Используются и мотивы сказок. В сказке «Берёзовый сынок» использованы мотивы сказок китайских «Царь удав», «Платок нищего», японской сказки «Волшебный кувшинчик», египетской сказки (образ Стены – Стены Повелителя». Конфуцианский мотив судьбы представлен, но нанайская сказка более склонна предполагать изменение судьбы согласно моистам и Сюнь цзы. Но конфуцианская доктрина имени, исправления имён и существ – сущности человека в вещах в именах – присуща нанайской сказке. В сказке «Кукушкино богатство» использованы мотивы Танской новеллы У-1X вв. «Волшебное изголовье» Шэнь Цзи-ци. Особенность нанайской сказки – использование сразу мотивов различных этнических сказок.

4) Синтоистская интенция. В сказке «Берёзовый сынок» зангин говорит Берёзовому сынку: «Ты, берёзовый мальчишка, того не знаешь, что люди по два раза не родятся. Зачем старика трево-

жить? И не затем тебя Уленда посылал, а за смертью!». Это мотив синтоизма и синтоистской сказки «Волшебный кувшинчик» – смерть естественна и не должно стремиться к бессмертию, как стремятся даосисты. В сказке использован и мотив японской сказки «Чёрное полотенце». Используется мотив погружения на дно моря для встречи с Хозяином Морским. В сказке «Храбрый Азунун» использованы мотивы японских сказок «Урасима Таро» и «Два брата». В этой же сказке использованы мотивы русских сказок «Чудо из чудес; «Не любо – не слушай», «Иван злосчастный, мужик несчастный», индийской сказки «Человек, который пошёл искать свою судьбу».

5) Корейская интенция. В сказке «Лиса и медведь» использован мотив корейской сказки «Лукавая лиса». Это как раз обсуждение проблемы злой хитрости человека. Сказка «Не добрая Ладо» использует мотив корейской сказки «Почему лягушки плачут, когда идёт дождь». Ладо хотела найти новую мать, не любила свою и когда мать умерла поняла, что другой матери не может быть, плачет и тоскует. Аналогично плачет и тоскует по матери лягушонок, который не любил свою мать после смерти матери, но уже ничего изменить нельзя! Корейцам, как и нанайцам, присущи мотивы – не убивать напрасно ни зверя, ни человека, ни растение и чувство самопожертвования в жизни.

6) Персидская интенция. Интенция противопоставления местного человека и его воплощения Близнецов и – Боку и других форм Злого человека – зороастрийская интенция противопоставления Доброго и злого Духа – Ахурамазды (Господь Мудрый) и Ангхро Майнью (Злой Дух). Собственно нанайская интенция и удмуртская интенция предполагает Победу Палэсмурта и Боку, а русская традиция предполагает уничтожение этих форм деградации человека! Интенция к синтезу мысли – слова-действия и вооружённой борьбе со злом, его беспощадного уничтожения – зороастрийская. «У хитрого на языке одно, а в голове другое: с хитрым введёшься – в оба глаза за ним гляди» («Лиса и медведь».

Это зороастрийская концепция. «Заратуштра, повторяя заповедь Ахуры: «Благие помыслы, благие слова, благие дела», прошёл сквозь пылающий огонь – огонь не причинил ему вреда» (хумат (благие мысли) – хухт (благие речи) – хваршт (благие дела). Мотив чёрта как чёрного червяка – зороастрийская интенция («Чориль и Чольчиной»). Войско Хафтобата (дракон с 7 головами), хозяина Червя – разгромило войско Арташира. Червь вырос из червяка в яблоке до гигантского монстра. Червь, возможно – туловище змей и человеческие головы в индуизме или бог Наги. Арташир ведёт несколько битв с войсками Червя. В период войны с Червём на Арташира напал перс Михрак, захватил имущество Арташира. Арташир чуть не погиб. Но его спас Фарр Кейанидов. Он вывел его из засады. «Надо закончить битву с Червём, а потом идти на битву с Михраком». «Фрасийак Тур и проклятый Искандар были изгнаны из Ирана – будет изгнан и Червь». Арташир убил Михрака и сумел с помощью двух верных Ормузду братьев и хитрости, тайно поступив в услужение к Червью, убить Червя как духовное существо (заклинания) и плотское (расплавленной медью). Чольчиной убивает Червя, а его смертью убивается и Злой Шаман и шаманизм.

7) Арабско-исламская интенция. Мотив Лунной дорожки, на которой осуществляет суд над злодеями, Мачехой – мотив зороастрийского моста судейского Разбора Чандвар (Чинват) и арабско-исламского моста Ас-Сират. Этот мотив использован в сказке «Маленькая Эльга».

8) Еврейская интенция. Отождествление себя с шаманом, выдача за священника – интенция еврейской сказки (сказок о Гершелле Острополере, который выдавал себя за Ребе. Мотив Гершелле Острополера использован в сказке «Лиса и медведь».

Мотивом Торы является вообще Суд детей и их суждение, которое учит уму разума еврейских мудрецов в возрасте в Торе. Это сказки «Большая беда» и «Сирота Мамбу».

Еврейская сказка, обсуждающая этот мотив: «Два свидетеля», в которой судит мальчик. Он говорит – «Сужу не я, а Господь». «Имя

этого мальчика было Давид, и пришло время, когда он стал царём». Р. Иошуа бен Ханания был смущён девочкой, мальчиком и девочкой. Он пошёл по тропинке, проложенной в поле пшеницы, полагая, что идёт правильным путём. Девочка ему сказала, что тропинку протоптали такие как он разорители. Он спросил мальчика – какая из двух дорог ведёт в город. Мальчик ответил – вот эта длинная и самая короткая, а та – самая близкая и самая далёкая. Он пошёл по самой близкой, но не сумел пройти из-за садов. В третьем случае он просит напиться, девочка даёт ему воды, он говорит, что она поступила с ним подобно Ревеке. Девочка отвечает, что она поступила как Ревекка, а он не поступил подобно Элеазару (Быт. 24: 22).

9) Русская интенция. Русской является актуализация мотива вооружённой борьбы с эксплуатацией и внешней опасностью и безусловная дружба нанайского богатыря Киле Бамбы и русского богатыря Ивана-Лоче богатыря. Русской является интенция представления шаманских действий и Злых моделей личностей (Боку, Какзаму, Агды огонь, Хима-амба, Ганка) как обмана в интересах внешних завоевателей и эксплуататоров внутри нанайского этноса. Русским является мотив принадлежности собственности не отдельному человеку и не семье, а именно нанайскому этносу. Используются мотивы русских сказок «Клад», «Молодуха и поп», «Умная жена», «Душа человека». Активно используются мотивы русских сказок «Чернокнижник» и «Царь – Чернокнижник», «Иван-солдат» в сказке Киле Бамба и Лоче-богатырь. Активно используются мотивы русские сказок о соотношении Неба и Земли и падении человека с Неба в болото жизни.

10) Угро-финская интенция. Угро-финской интенцией является введение моделей деградирующего человека: Боку (получеловек), у удмуртов – Палэсмурт, Какзаму (Горный Злой человек, «Моя сила, моя власть: что хочу, то и делаю», «Семь страхов»), Агды-гром (превращает человека в пыль), Хима-амба (ползущее и сжигающее существо), Ганка (получеловек-полурыва), Таёжный

человек (живущий в одиночестве), Люди, к которым приросла звериная шкура (не люди), Уленда-Кривой (зависть злора, лень, ненависть к людям), Красно-чёрная рожа, Речные люди, Чёрный червяк, шаманский Идол Магни и его одноногие помощники, Человек с заячьим сердцем, Лесные люди, Древесные люди без сердца, смысл жизни которых – Отмщение за зло или вообще месть по приказу, Хитрецы без стыда и совести, Кабан – Рысь – Крыса – Древооточец-жук, Черти, которых вокруг – больше чем людей («Киле Бамба и Лоче-богатырь»), у мокши-Куйгорож (получеловек).

11) Ветхозаветной и Новозаветной Христианской является интенция ограничения суждений Отцов и отцовской религии-шаманизма со стороны суждений молодого поколения. Таковы сказки «Большая беда» и «Сирота Мамбу». «Не многолетние только мудры, и не старики разумеют правду» (Иов 32: 9). «Зачем ученики Твои преступают предание старцев? ... Он же скал им в ответ: зачем и вы преступаете заповедь Божию ради предания вашего?» (Мф. 15: 2-3-6). Вероятно, нанайцам присуща и интенция Торы – сосредоточения смысла жизни на семье и детях и суждение Христа о детях, которым принадлежит царство Небесное. Поэтому Близнецы в сказках дети, которые учат истине, справедливости, равенству и мужеству, борьбе со злом силой – Стариков, которые утратили чувство реальности. «И сказал: истинно говорю вам, если не обратитесь и не станете как дети, не войдёте в царство Небесное» (Мф. 18: 3).

12) Собственная нанайская интенция. Такова традиция личной модели зания, личного суждения в совместности, выводимости следовании с законом жизни большой семьи как критерий истины и вооружённого отмщения смертью за убийство кровных родичей. Такова и интенция превращения нанайца в Боку и спектр вариантов Боку – ряд уродливых конечных в эволюции людей. «... слабому помоги, голодному дай, сироту приюти» («Жадный Канчуга»). Это нанайская интенция эусоциальности Дерсу Узала. Нанайской является размышление о внешней красоте и

внутреннем безобразии мужчин и женщин («Айога», «Не добрая Лада», «Пустая голова», «Никанская невеста»).

VI.

Безусловно, существуют этнические философии – индейцев хопи, якутов, ненцев, нанайцев, удмуртов, мокши и эрзи, татар, коми и других этносов. Но в СССР и в РФ именно смысл создания института философии РАН и его работы, академиков как раз и состоит в том, чтобы не допускать развития этнических философий и душировать развитие этнических философий, насаждая всеобщую лжеевропейскую философию как повторение и плагиат, форму антинародности и невежества народа.

Традиция Талмуда, Мишны и Гемары (Повторение) и школы р. Элизер б. Гурканос, который говорил «Вынуждаете вы меня сказать нечто, что от учителей я не слышал... никогда не говорил того, что не слышал из уст учителя своего» [ВТ, 5761-2001: Сукка, 28а, 302]. Даже Господь трактует такой тип творчества как плагиат (Иерусалимский Талмуд 11:5, мидраш р. Йегошуа б. Леви, комментарий на высказывание Иеремии «Поэтому вот, Я – на пророков, – сказал Господь, – которые крадут слова Мои друг у друга» (Иер. 23: 30). «Р. Йегошуа б. Леви сказал: «Хананья б. Аззур был истинным пророком, но плагиатором. Он имел обыкновение слушать, что Иеремиа пророчествовал на Верхнем рынке, а затем спускался на Нижний рынок и там пророчествовал» (то же самое)» [ВТ, 5761–2001: Сукка, 28а, 302]. Повторение – плагиат или кража чужих мыслей. Но это и заблуждение – латая – бездумное повторение и выполнение команд, эхопрактика – копирование увиденного и эхололия – копирование услышанного! Постмодернисты и официальная философия, как и ненавистники и пустые критики философии как безпредметной рефлексии и не науки – плагиаторы! Не случайно еврейская сказка определяет Комментирование текстов как кражу чужого ума!

Заключение.

Философия нанайской сказки и сказки Айога, «Бедняк Монокто», «Два слабых и один сильный», «Сабля Мэргэ», философия жизни великого нанайца Дерсу Узала – нарратив языка (местный человек, умозаключения о субъекте); психосемантическая философия вероятности событий; теоретическая лингвистическая философия (прогрессивный силлогизм – сорит, буддийская модель следствий-причин в диалоге) и социально-антропологическая философия становления человека в борьбе с угнетением); философия здравого смысла (отождествление и различение людей по интересам и преодоление иллюзий тождества и различия); философия повседневности и обыденности (семья и поколения, воспитание и образование); философия сказки (формирования этнической идентичности и идентификации и борьбы за своё имя); философия мифа (пластичность преобразований природы и перформативная творческая сила этнического языка и имени); философия эпоса – совместимости, выводимости, следования группы этносов гольдов и борьбы с угнетением против маньчжур и других завоевателей, защита своего места, борьбы с страхом жизни (сказка «Семь страхов»), борьбы с полулюдьми (Боко – маленький горбатый человек-урод с огромной силой, человек с одной рукой, одной ногой, смысл жизни которого в болоте жизни – вредить людям, или удмуртский Палэсмурт, «Близнецы», «Гарпанди – меткий стрелок») – форма именно нанайской философии живого – умершего уже в Боко и Палэсмурте, Какзаму (Злой горный человек, превращающий людей в бесчувственный камень), Куйгороже мокшан, уничтожающего материнскую традицию народа.

КПЛ нанайцев. В гносеологии личное знание; онтологии – уникалистский тип естественного закона; в логике – редукция онтологических уровней в принципе методологического уникализма и эссенциальный характер суждений, умозаключе-

чения от следствий к основаниям Дерсу Узала; в ОТС – модель двоичного классификационного фрагмента (близнецы и философия Близнецов), на основе которого в нарративе локально-общего упорядочиваются свойства, отношения, функции в отношении совместимости выводимости, следования; этика эусоциальности и любви к ближнему и вооружённой борьбы с несправедливостью и внешним завоевателем, любовь к человеку и всему живому Дерсу Узала; в эстетике драма – заячьё сердце мужчины и неспособность женщины быть женой в силу борьбы в человеке формы служения этносу и формы Боку, трагедия – вымирание этноса, комедия – иллюзия внешней красоты при внутреннем безобразии; мотивация труда и семьи, основного синтетического знания; мессианская роль – семья, миссия – личная модель науки, целевая функция – приведение институтов в соответствие антропологии личного знания этноса, судьба – вымирание и образование на основе личной модели знания, предназначение – поддержание памяти личности в локальном коллективе; тип ЦНС – интраверт-экстраверт, сильный неуравновешенный и подвижный и сильный уравновешенный инертный тип ЦНС; тектология: самоорганизация и эгрегированность в локальном – общей организации и вооружённое сопротивление угнетению; синтез в нанайском мышлении как форме личного знания интенций древне-египетского, индийского (буддийского), китайского (даосизм, конфуцианство), японского, корейского, персидского, арабо-исламского, еврейского (Тора и Ветхий завет), угро-финского, христианского, русской форм мышления. Вероятно, Палэсмурт, Боку, Какзаму, Агды-гром, Ганка, Хима-амба, Таёжные люди, Куйгорож, Какзаму, Шурале – угро-финский и татарский прогноз деградации этносов нанайцев, удмуртов, мокши, татар, русских и европейцев в Палэсмурта.

Кто знает, возродится ли нанайский народ?!

Ника СЕМЕНЮК

ЧЬЯ ЭТО ТЕРРИТОРИЯ?

Размышления о фильме Светланы Быченко «ТЕРРИТОРИЯ КУВАЕВА»

Колыма и Чукотка – айсберг. Над густым туманом незримого и непознанного высятся вершины отдельных глыб под названием «Золото», «Пушнина», «Нефть» – именно такую трилогию задумывал Олег Куваев в конце 60-х годов. За свою недолгую жизнь профессиональный геолог, ставший профессиональным писателем, не успел осуществить весь свой грандиозный замысел. Зато его роман «Территория» прорвал марево. Пелена тумана стала таять и испаряться, и проступили черты овеянной мифами земли, которую открывали и покоряли легендарные герои. Миллионы увидели этот таинственный край глазами писателя, влюбились в природу и людей, описанных им. Спустя почти полвека по маршруту Куваева отправилась Светлана Быченко – сценарист, режиссёр, оператор, продюсер, отважная женщина, практически в одиночку с несколькими видеокамерами совершившая многокилометровое путешествие по северо-востоку России. Месторождение Песчанка, Певек, Магадан, Утинка, множество посёлков и мест золотодобычи, Колымская трасса и река Колыма, а так же Костромская область и Подмосковье, где жил Олег Куваев – такова география фильма, который длится один час сорок минут. За это время мы познакомимся с десятками людей, которые живут и работают в суровых условиях вечной мерзлоты. Поначалу кажется, что их слишком много, не всех удаётся сразу запомнить. Но почувствовав логику развития фильма и приняв режиссёрский метод сопряжения тем и смыслов, вы поймёте, что в экран-

ном повествовании нет ничего лишнего. В первом эпизоде мы наблюдаем, как геологи из недр извлекают kern – куски породы – и долго рассматривают их в микроскоп. Это можно воспринять как метафору: от нашего душевного опыта, от склонности и привычки всматриваться, размышлять об увиденном зависит, обнаружим ли мы в фильме золото и драгоценные металлы или лишь глыбу материала для интерпретаций. Каждый увидит в этой картине что-то своё. Я здесь хочу поделить своими личными размышлениями о фильме.

Название «Территория» – очень точное. Сначала мне казалось, что это эвфемизм, под которым скрывается реальное место действия романа, опубликованного в 1973-м году. Возможно, в те времена по цензурным соображениям лучше было не уточнять, где это. Перевод романа на другие языки выходил под названием «Золотоискатели», что явно сужает его смысл, переводя в разряд приключенческой литературы. А Куваев ставил перед собой другие цели, в письме Жилинскому он их так сформулировал: «Главными в романе, конечно, являются морально-философские категории, которые автор пытается решить. В качестве «реактива» для проявления характеров и эпохи я выбрал историю чукотского золота». Потому «Территория» – это особое место, если угодно, отдельная страна для особенных людей, где действуют законы высшего смысла. Наивысшее напряжение сил для великих свершений.

Но территорией никогда не называют родной край, территория – всегда земля для покорения или пространство для эксперимента.

И бескрайние, малонаселённые земли северо-востока России идеально подходят под это определение. Из истории мы знаем, что местные жители практически добровольно приняли подданство Российской империи. И даже чукчи, единственные кто почти 150 лет оказывал сопротивление русским войскам, в 18 веке были окончательно покорены. Уместно сказать, что эти земли были не завоеваны, а как бы открыты смельчаками. *Эта территория всегда отбирала сильных людей, жаждавших себя испытать, верящих в своё особое предназначение, авантюристов, охотников за славой, первооткрывателей...*

Так было и в конце 20-х, когда здесь открыли золото экспедиции Обручева, Билибина, Цареградского, и потом в 60-х, когда сюда устремились романтики нового поколения, на следующем витке технологического развития мечтавшие сделать свои открытия полезных ископаемых и вписать свои имена в историю страны. Роман Куваева как раз об этих дерзких, отчаянных, целеустремлённых и необыкновенно трудоспособных людях. На вопрос о смысле жизни они искренне отвечали – «Работа», **именно с большой буквы**. Для них она была, как для верующих «Бог». Один из героев фильма Быченко считает даже, что Куваев «создал свою религию», в которой Работа «приводит в гармонию личность и внешний мир», а «в мирное время ... есть устранение всеобщего зла», как писал Куваев.

Спустя полвека мы едем по маршруту героев прошлого. Нынешние геологи и старатели, как и много лет

назад, совершают свой ежедневный подвиг в суровых условиях вечной мерзлоты. В них не меньше романтики и честолюбия, они так же выносливы и сильны. Они привыкли жить по закону, который Куваев сформулировал как «сделай или умри», но подозрение о недостаточности лишь личных усилий, всё чаще посещает их. Им не хочется размышлять о государстве, политике, экономике. Они живут по Канту – чистое небо над головой и нравственный закон внутри нас, а всё остальное – природное явление. Когда ураган сносит с лица земли небольшое поселение, это трагично, но понятно. А когда вдоль дороги стоят сотни брошенных шахт и посёлков, где ещё недавно жили люди, добывали руду, учили детей, выращивали в теплицах овощи и фрукты, устраивали праздники в местных клубах, а потом вдруг исчезли, и только ветер гонит по тундре разбитые стёкла, это объяснить себе практически не возможно. И на этот вопрос каждый должен ответить для себя сам. Мой ответ может показаться парадоксальным, но родился он из просмотра фильма. Хотя, скорее всего, автор придерживается прямо противоположного мнения.

О чём мечтают и о чём грустят герои фильма? Они мечтают об открытиях, о свободе и приключениях, а грустят о комфортной, уютной, человеческой жизни, которая была у них на излёте совласти, с квартирами и северными надбавками, детскими садами и больницами, бассейнами и библиотеками, с понятным и прогнозируемым будущим. Катастрофа 90-х – это крушение мечтанского мира, столь ненавидимого Куваевым. У его героев нет дома, он им не нужен. Палатка, землянка, спальный мешок в снегу, нары в общежитии, любой закуток, где можно отдохнуть, чтобы, проснувшись, вновь рвануть на любимую работу. Они не собираются строить городсад, так – времянку. Им не нужны ни семья, ни дети. Это может быть где-то там – на материке. А здесь – территория их подвига, их мужского предназначения. Когда же современные менеджеры говорят в фильме, что Север не для жизни, человечески обустроенная жизнь здесь требует слишком больших капиталовложений, это очень дорого, то зрителям почему-то кажется это предательством и лицемерием. Потому что мы вдруг понимаем, что

эти бескрайние необжитые просторы для государства так и остались территорией для добычи полезных ископаемых, для размещения военных полигонов, а не родной землёй для жизни и любви. Так было в 17, 18, 19, 20 веках, и останется, боюсь, ещё надолго. Это территория страны, где главной традицией становится **постоянный обрыв традиции**. А память о подвигах, доблестях и славе предков ютится в архивах, библиотеках и мемориальных дощечках на старых домах. Но ещё немного, и даже эти следы нашего недавнего прошлого будут сметены выросшим на цифровых технологиях поколением людей будущего, практичных и по-своему эффективных.

Впрочем, чем мы лучше? С 1931 по 1957 год весь северо-восток страны принадлежал «Дальстрою». Это было государство в государстве, на его территории не действовали законы Советской власти, а только законы целесообразности: в кратчайшие сроки освоение, эксплуатация, добыча. И лозунг «делай или умри» – не для энтузиастов, романтиков и героев, а для заключённых, которых под конвоем свозили сюда со всей страны. Они и умирали здесь. В фильме старый геолог говорит, что «строили, конечно, зекки, а вот открывали Колыму, конечно, энтузиасты...». Только энтузиастам за их героический труд достались почёт, уважение, слава, их именем назывались города, посёлки, улицы, а заключённым за их рабский труд – лишь унижение и забвение. Впрочем, из заслуженных геологов в репрессированные попасть было легко, а обратно невозможно. Сколько ещё открытий могли сделать эти люди, но их талант и добровольный труд не был нужен государству, только подневольный. Тень ГУЛАГа накрыла эту территорию на века. И если бы можно было проехать по маршруту фильма в конце 50-х, то увидели бы мы не брошенные посёлки, а зарастающие травой лагерь, огороженные заржавевшей колючей проволокой. Тогда закрывались многие прииски и рудники, уезжали вольнонаёмные и освободившиеся, современникам казалось, что они стали свидетелями катастрофы. Но для территории это лишь короткий период, когда смерть и природа стирают следы одной цивилизации, чтобы освободить место для новой. Следующая попытка осво-

ить этот край была успешнее, потому что делалась добровольцами. Некоторых мы увидим в фильме. **Они остроумно и радостно рассказывают о своей работе, как были счастливы, как дружили, любили, создавали семьи. Именно для них территория стала домом. И это, может быть, и придало их жизни высший смысл.**

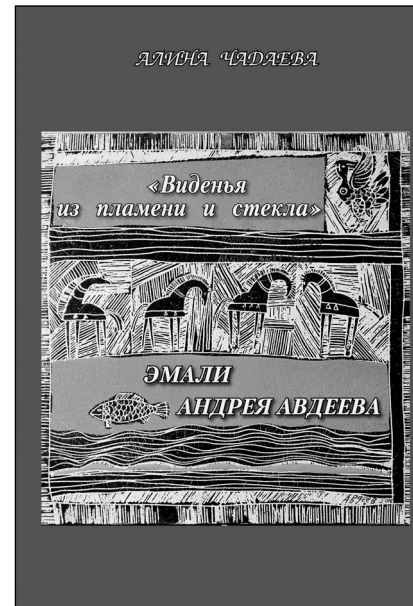
Фильм «Территория Куваева» не монологичный и даже не диалогичный, а полифонный, многоголосый. **У каждого персонажа своя правда, а режиссёр не встаёт ни на чью сторону, а ткёт жизненную ткань.** Потому так сложно говорить об этой картине, что каждый находит в ней что-то волнующее именно его, и невольно упускает какие-то важные мотивы, которые могут отозваться в душе у другого зрителя. Так, как снимает Светлана Быченко, не делает никто. Это авторское кино от замысла и поисков финансирования, через сложнейшие многолетние съёмки, многомесячный монтаж, работа с цветом и звуком, больше похожая на волшебство, и до самого конца – до встречи со зрителем. Это всё один человек, к которому на разных этапах пути присоединяются отдельные, тщательно отобранные, профессионалы и множество добровольных помощников. То, что предлагает Светлана, оказывается интересным огромному количеству людей, как будто они только и ждали, чтобы пришёл кто-то и спросил о том, что их по-настоящему волнует, увлёл в страну подлинных смыслов, где всё всерьёз и навсегда, и от этого радостно и весело. Творческий максимализм Светланы заразителен, но и требователен. Каждый, кто оказывается в орбите её внимания, может рассчитывать на то, что всё лучшее, что в нём есть, будет востребовано и раскрыто. Режиссёр верит в людей и любит своих героев. И потому они, появившись на экране всего на несколько минут, а иногда и секунд, запоминаются и остаются с нами навсегда.

«Территория Куваева» становится и вашей Территорией, Территорией смыслов, жажды подвига, жаркой работы, жажды того, чтобы не прерывались лучшие традиции, не закрывались посёлки, которые уже стали чьей-то родной землёй, не забывались сказанные писателем пророческие слова: **«День сегодняшней есть следствие дня вчерашнего и причина грядущего дня создаётся сегодня».**

В издательстве «Литературная Россия» выходит в свет книга Алины Чадаевой «ВИДЕНЬЯ ИЗ ПЛАМЕНИ И СТЕКЛА». Она посвящена творчеству художника АНДРЕЯ АВДЕЕВА, который давно и плодотворно работает в сложной технике горячей эмали.

О своём выборе именно этого вида искусства художник писал: «Горячая эмаль – удивительный материал, появившийся в начале прошлого тысячелетия. Эмаль – это вечное поклонение чуду красоты. Настолько иные работы наполнены мистическим светом, что поневоле возникает ощущение другой реальности, другого пространства – ощущение вечности». Высоким стилем говорил о материале эмали Леонардо да Винчи: «Если бронзовая скульптура долговечна, то живопись на эмали вечна».

Книга Алины Чадаевой рассказывает о поисках, духовных прозрениях и о воплощении Андреем Авдеевым ниспосланного ему дара художника. Предлагаемая глава из книги рассказывает о начале его творческого пути. А было это на Дальнем Востоке, в Приамурье...

АМУРСКИЕ

Алина ЧАДАЕВА

ВОЛНЫ

Наша семья переехала из Москвы в Хабаровск летом 1973 года. Мужу – Алексею Герасимову после окончания института Кинематографии, по его желанию, дали направление на Хабаровскую студию документальных фильмов. С нами, конечно, и неизменный друг – собака Марта.

Поселились в квартиру дома, стоящего на Тихоокеанском шоссе. Одно название чего стоит! Снова – далеко от Москвы! Снова – Дальний-предальний Восток! Сразу же ринулись «осваивать пространство». Рядом, через дорогу – речной грузовой порт. Пейзаж индустриально-«музыкальный»: скрип лебёдок, «вирамайна» подъёмных кранов, гудки паровозов, скрежет погрузочных вагонов – экзотика.

Андрей по-прежнему не расстаётся с альбомом: лебёдки, краны, контейнеры перекочёвывают на его страницы. Тема нова, необычна, а главное – связана с рекой. Её присутствие в рисунках неизменно. Как и еле намеченная вдали волнистая гряда сопок.

Нам до Амура рукой подать. Выходим на цивилившую Набережную. Вот он, и Амур, прямо под ногами, выше щиколоток. Вода в то лето поднялась, даже высокий парапет затопило, и

амурские волны перехлёстывали через горячий асфальт тротуара. Тяжёлая, влажная жара. Я называла её «шанхайской»: нечто подобное я испытывала в раскалённо-влажном Китае.

На пяточке суши в ту, первую прогулку, – редкая даже для Хабаровска картинка. Длинное, тощее изумрудно-зелёное существо стояло на задних «тараканьих» ножках в смиренной, «богомольной» позе, скрестив передние «руки»? «ноги»? «клешни»? и безразлично взирало на нас, остолбеневших не хуже богомола.

Но – Амур! То ли река, то ли море. Левого берега не видно – море разливанное.

Дальше по Набережной – Утёс. Наверху башня с круглыми окнами – иллюминаторами на четыре стороны света. Маяк? Позже выяснили, что здание с колоннами и башней, с выходом на площадку, обнесённую балюстрадой, – считалось «смотровым» для обзора, действительно, впечатляющего простора. Оно, и правда, было «смотровым» и сооружалось в 1943 году, в войну, «для наблюдения за рекой и воздушным пространством нашей границы». Зенитные установки по сторонам Утёса готовы были «принять» непрощенных «гостей» из триа-

ды: Берлин – Рим – Токио. Ждали нападения японцев со стороны Маньчжурии.

Место – знаковое. Недаром его называли первоначально «Муравьёвский утёс». По легенде, на него поднимался генерал-губернатор Восточной Сибири Н.Н. Муравьёв-Амурский, провозвестивший вслед пушкинскому Петру: «Здесь будет город заложен!» И – заложили. И памятник прозорливому губернатору воздвигли. Правда, в нашу хабаровскую бытность на величественном постаменте возникался «Метр с кепкой» с поднятой на манер жеста Адольфа дланью. Теперь, слава Богу, «вездесущего» свергли, и прежнего Хозяина водрузили на его историческое место, в чём может убедиться каждый, держа в руках пятидесятирублевую купюру.

Известно также, что в мае 1891 года, во время своего дальневосточного путешествия, поднимался в беседку на выступе горы тогда ещё Цесаревич, в будущем – Николай II.

Но самым интригующим для меня названием Утёса было «Старухина гора». На кур-урмийском диалекте нанайцев – «Сэнгэни-мама», на средне-амурском – «Мама-хурэн-эниэ». И узнала я его не из краеведческих источников.

Не однажды мы с Мартой провозжали на пристань гостившую у нас нанайскую сказительницу Дачи Удинкан. Обычно это было ранним, ещё дорассветным утром, и приходилось обходить «подснежников» – бомжей, бедовавших в этом районе и справлявших в эти часы свой «утренний туалет». Когда мы приближались к «Старухиной горе», Дачи останавливалась и просила прощения у Хозяйки горы за свои «прегрешения», одним из которых считала, что, будучи в Краеведческом музее, проползала под животом чучела священного для нанайцев тигра-амба, чтобы таким образом почтить сакрального родственника. И, видимо, не одна она, так как живот тигра облысел от «проползаний», когда посетители зала отвлекались.

Я тоже с опаской всякий раз миновала Утёс, где, по уверению Дачи, жила и будет жить вечно «большая шаманка». Когда-то стояла здесь и нанайская фанза, а на берегу Амура теснились китайские «джонки» – лодки, похожие на огромных осетров, вытасненных на сушу. И ходили бритоголовые смуглые люди с косичкой, свисающей с неостриженного затылка, и в шапках – зонтиком, плетённых из рисовой соломы. Плечи китайских торговцев отягощали короткие коромысла, на которых висели объёмистые плетёные корзины со снедью для продажи.

Тогда ли – во время моих «пешешествий» мимо Старухиной горы – «облучилась» я токами древней земли, которая помнит всё, на ней происходившее. Ибо всякая земля – Великий Летописец. Позже трансляция этой памяти отозвалась во мне странным стихотворением. Знающий – поймёт, что «за кадром» есть в нём намёки на пересотворение физической сущности «избранных духом» – шаманов, о которой византолог С.С. Аверинцев сказал, что шаманизм – это прорыв человека в открытый космос.

*Луна сменила фазу.
Волна ушла в бреду.
Я старенькую фанзу
на отмели найду.*

*Зажгу багульник горький,
наполню дымом дом
и чашу тёплой водки
переверну вверх дном.
Сквозь ивовые стены
на званный шабаш мой
застенчивых сэвэнов
слетится пьяный рой.
Судьбу на четвертинки
разрубят на бревне...
Пора справлять поминки.
Поминки обо мне.*

Поясню несколько терминов. Фанза – дом китайского типа, используемый нанайцами. Багульник – растение, которое зажигают и дымом окуривают во время шаманского камлания. Сэвэны – ритуальные фигурки – охранители жилища, данного рода, семьи.

Почти сразу по приезде в Хабаровск я отправилась в издательство, где редактор Виктор Сергеевич Шевченко предложил мне командировку в нанайское селение Сикачи-Алян. Знакомые отговаривали: ехать, мол, незачем, всё давно русифицировано, коренные жители ассимилированы и т.д. Но я поехала. Встреча со столетними нанайцами Ахтанка и двумя его жёнами, с таёжным человеком Василием Донкан стали началом моего академического образования в сфере древней культуры тунгусо-маньчжурских народов. И – если угодно – воспитанием. Привезла очерк «Петроглифы на бересте», который был напечатан в 1974 году в сборнике «Дальневосточные путешествия и приключения».

Конечно, мои взволнованные рассказы не могли не повлиять на Андрея, в то время увлекавшегося картинами японского художника Кацусики Хокусая.

«Если ты хочешь нарисовать птицу, ты должен стать птицей», – сказал когда-то мастер жанра Укиё-э, в переводе: «Картины проплывающего мимо мира».

...З а н и м а е м я «убранством» нашей убогой квартиры. Андрей с Алексеем сооружают «мебель»: книж-

ный шкаф с дверцами внизу, приспособивают чертёжную доску вместо стола – для учебных занятий... Сын предварительно занялся резьбой на досках будущей мебели. К удивлению своему, вижу, как возникают на них нанайские мотивы: изощрённые рельефы «солнечного змея – мудура»; двухголовый «дракон» – не в русской, сказочно-былинной, но безошибочно нанайской стилистике... Знал ли уже тогда Андрей, что «река» по-нанайски «мангбо», что до русского «Амур» она называлась «Сахалиян-ула»? Может быть, в нашем доме уже звучала легенда о том, что, по представлениям нанайцев, река Амур – вечно скользящее, гибкое тело доброго Чёрного Дракона, который когда-то победил дракона Белого, несущего смерть. Ведь и до сих пор у нанайцев белый цвет – траура. Вторая ипостась Чёрного дракона обитает в небе, возле Солнца, и Мудур этот – олицетворение Света и Добра...

Знаю только, что первые резные изображения Андрея – азбука, которой заговорили с ним стихии Земли и Вод Приамурья. Позже они откликнутся в его творчестве интересом к юго-восточной Азии, посещением Таиланда, Китая и особенно острова Шри-Ланка.

Недавно спросила сына: что для тебя – Хабаровск? Ответил: «Хабаровск – это Амур». Вспоминал, как мальчишкой ходил рыбачить к мосту, довольно далеко за город. Как почувствовал дотоле не виданный им масштаб пространства – образный синоним внутренней свободы человека. В частности, его, Андрея, свободы. Безбрежность и тишина. Игры солнца с водой.

Живые светлячки отражённых лучей. Лаборатория творчества, которая, видимо, и там и тогда формировалась в душе Андрея. Ситуация абсолютного одиночества, когда безупречный Мир Природы из внешнего становится внутренним.

Не об этом ли писал некогда Шарль Бодлер:

*...Подобно голосам
на дальнем расстоянии,
Когда их стройный хор един,
как тень и свет,
Перекликаются звук, запах,
форма, цвет,
Глубокий смысл обретшие
в слиянии...*

Именно в этот контекст я поставила бы две картины Андрея Авдеева, созданные им через сорок с лишним лет после его одиноких мальчишеских прогулок к «окиян-морю» – Амуру.

Одну из них я бы назвала «Высшая Мать» (1) и соотнесла её с образом Софии Премудрой.

...К плечу склонённо исполненное тихой вечности лицо – лик «Матери всех матерей». К плечу. А кажется – над колыбелью Вселенной. Смиренно-молитвенны, но и разговорны Её ладони-долони: собеседуют с кем-то

незримо. Контур зрелого зелёного цвета опоясывает голову и плечи. Он видится мне символом вечнозелёного Древа Жизни, камертоном космического цвето-звука.

...Чуть намечены крылья. Как бы в напоминание о «крылатости души» в учении Платона и о нанайских птенцах-чока, которых Верхняя Мать, по поверьям, отправляла на Омия-мони – Дерево душ ещё не рождённых детей.

Вторую картину того же 2014 года Андрей назвал – «МИРО-ТВОРЕНИЕ» (2).

...На чёрном космическом ложе лежит женщина. Тонкий контур нимба; одеяние

из лоскутов нездешней материи; строгое нежное лицо и взгляд, обращённый внутрь себя. Кисти тонких рук чуть касаются живота. Во всём – ожидание. Над лежащей – диск: планета? символ Вселенной?

В чём смысл композиции? Женственность – завязь и начало всякой жизни? Может быть, и это образ Софии – Премудрости Божией? Что-то древнерусское есть в облике женской фигуры, намёки в покрое головного убора... Могу предположить, что это и олицетворение творческого состояния художника. Не только взгляд, но и слух, и помыслы обращены внутрь. Женщина слушает – душой. Сотворяет открывающиеся ей миры... Абсолютное одиночество. Абсолютный покой.

Когда рассказываю автору о своих толкованиях его картин, Андрей отвечает, что вовсе и не думал о философских или мистических ассоциациях и удивляется им. И я понимаю, что духовная сущность Высоких Материй витает, реет вокруг и внутри нас, «дышит где хочет» и являет себя – зримо, неожиданно: образом или словом.

Отрешённость от «коллектива» в Андрее была всегда. И, конечно, во времена, когда воспитательная политика государства предпочитала «стричь граждан под одну гребёнку», желательно – в стаде. В комсомол Андрей так и не вступил ни в школе, ни в институте, хотя чуть не волоком тащили. Школу, где он учился с 8 по 10-й класс, он не любил. И не только потому, что не нашлось учителя, который бы попытался

доброжелательно вникнуть в особенности подопечных, но и потому, что был чужд интересам своих сверстников. А ребята там были в основном – с «казачки» – Казачьей горы – одного из самых уголовных районов Хабаровска. И Андрей ушёл «во внутреннюю эмиграцию», отгородился от учителей и учеников – неустанным рисованием карикатур. Нет, не на конкретные персоналии, а на самую гнетущую, порочную атмосферу школьного сообщества.

В архиве хранимых мной рисунков Андрея той поры – альбомы и школьные тетради, где на алгебраических формулах или записях по химии или биологии – блистательно выполнены карикатуры. Антидот. Противоядие дисгармонии окружающего «казённого» мира.

Сюжет одной из них: «Профсобрание». На сцене школьного актового зала – здоровенный «лоб» – «провинившийся». С указующим грозным перстом – тщедушный «обвинитель». Ниже рампы – масса физиономий «коллектива учащихся». «Приговор» понятен: за обсуждаемым – «осуждаемым» – отверстый гроб, лопата, молоток, гвозди... Если соотнести с реальностью – типичная картина. Кто из нас в советское время не бывал на пионерских, комсомольских, партийных судилищах, где «выносили выговоры» «с занесением в учётную карточку», а то и исключением «из рядов», из школы, института, а бывало, что и «без пересадки» – в Магадан».

Не тогда ли Андрею была сделана «прививка», отворотившая его на всю жизнь от коллективных сборищ и всего, что называется «политикой». И не только – политикой. Карикатуры его кишат гротескными фигурками злобных существ, непременно – с бутылками, непременно вооружёнными агрессией. Автор словно пригвозждает их к листу бумаги, как некогда древние люди «пригвозждали» изображения своих будущих охотничьих мишеней к скальным стенкам.

Избавляясь от «духов злобы», мальчик уходил в другой, непараллельный мир добрых и смешных вымыслов. И возникали «мульти-сериалы». То пародирующие весёлые приключения мушкетёров. То появлялся другой герой – незадачливый пёс, попадающий в «истории». То рисунки посвящались «спортивной» теме, и тоже в пародийном стиле. Но как энергична динамика линий, как передана суперстремительность движений, напряжение утрированных мышц...

Иногда мы вместе с Андреем ездили в селение Улика-Национальная. Катер «Заря», плоский, как калоша, довольно быстро преодолевал сто речных вёрст и входил в приток Тунгуски – безмятежную реку Кур. В Улике жила моя «окони» – подруга и сказительница Дачи Удинкан и сын её – Олег. Иногда, к неудовольствию матери («Женщина в лодке – удачи не будет»), он звал меня с собой рыбачить на берестяной оморочке – лёгкой и нестойчивой, как осенний лист, лодочке. В ней возникало удивительное ощущение единения с водной гладью. В протоках и заводях, где зеркало вод зеленовато отражениями склонившихся ив, золотыми коронами вспыхивали венчики кувшинок...

Со временем пережитое состояние стало стихотворением.

МОЛОДОЙ МЕСЯЦ

*По ночной реке
неба
Скользит лёгкая
оморочка.
Золотою выгнута
Дугою.
Это с памятью моей
встреча...
Остальное скрыто
под водою*

*По ночной реке
неба
Кто-то катит золотой
Обруч.
Обручальное кольцо
Света
На руку мою
надето.*

*Половина его скрыта
тьмою
под водою
Над ночной рекой
неба
Тёмнокрылая летит
Птица.
Золотою выгнута
Дугою.
Чьей-то окрылённую
Душою
К запредельному
Покою
стремится...*

*Остальное – скрыто
под водою
Снится... Снится...*

У Андрея была «своя» река. Уходил вдоль по берегу, забрасывал «закидушку». Вечером приносил серьёзный улов. Дачи учила его разделявать рыбу по-нанайски – со спины, остро отточенным ножом и, распяленную на палочках, без соли вялить в тени.

Ближе к ночи, когда жара спадала, Дачи Удинкан и домашние слушатели садились, как она говорила «против-напротив», смотрели и слушали древние её сказки.

– Ка-а... ка-а... – этим запевом начинается действие сказителя, и мир вокруг обретает сказочные реалии...

Как-то Дачи повела нас на высокий берег реки Кур, где обнажилась порода. Показала на угольно-чёрную полосу «слоёного пирога».

– Вот это след, когда три солнца было, и земля горела, вода кипела в реках, и камни плавилась. Тогда добрый дух Хадо с высокой сопки стрелой убил два солнца, и всё, как сейчас, стало...

Дачи наскребла горсточку обгоревшей земли: «Собаке давать, если заболит, – сказала. – До сих пор целебная».

Так глобус земли показал нам ещё одну грань неисчерпаемых смен калейдоскопа. – На запад от Сахалина.

Как запали в душу Андрея курмурмийские впечатления, Бог весть...

Но тема «воды» и тема «рыбы» претерпевали метафизические метаморфозы в его взрослом творчестве.

«Литературная Россия» запустила проект «Мы - один мир»

В конце прошлого года на страницах одного из старейших литературных изданий страны – газеты «Литературная Россия» – был запущен проект «Мы – один мир». Целью публикаций под одноимённой рубрикой является привлечение внимания к проблемам развития межнационального и межконфессионального общения в нашей стране, содействие сохранению самобытности народов России, упрочению дружбы и тесного сотрудничества между ними.

Мало кто сейчас сомневается, что необходимо повышать интерес граждан к истории нашей страны, к её традициям, к великим образцам культуры и искусства. И делать это нужно не сухими, дежурными статьями, а живыми исследованиями, очерками, лучшими образцами поэзии и прозы. В хорошем смысле популяризировать важные факты и события в жизни многообразных национальностей и народностей Российской Федерации. Ведь именно живое слово способно сделать очень многое.

Конечно же, большое внимание в проекте будет привлечено и к народам Севера, Дальнего Востока и Сибири. На страницах «Литературной России» обязательно прозвучат такие хорошо знакомые читателям «Мира Севера» имена, как эрзя Александр Арапов, хант Еремей Айпин, коми Галина Бутырева, ненка Анна Неркаги, эвенкийка Галина Кэптукэ...

К работе над статьями и очерками привлечены известные писатели, переводчики, критики, историки, публицисты, этнографы, сотрудники музеев из разных регионов России. В том числе Марат Валеев и Михаил Тарковский из Красноярского края, Сергей Морозов из Новокузнецка, удмурт Вячеслав Ар-Серги, ханты Никита Партанов и Юлия Накова, якут Николай Лугинов, вепс Олег Мошников, Михаил Золотонос и Дмитрий Филиппов из Петербурга, Алина Чадаева,

Сергей Небольсин, Ильдар Сафуанов из Москвы, Валентин Курбатов из Пскова.

Значение именно художественной литературы для культурного и духовного объединения России трудно переоценить.

Очень многие признаются, что отправились в Карелию после чтения рассказов Юрия Казакова об этом крае, «заболели» Чукоткой после книг Юрия Рытхэу, заинтересовались Сибирью, прочитав прозу Шукшина, Распутина, Астафьева, увлеклись Забайкальем и Камчаткой, услышав песни Дмитрия Ревякина. У нас было множество замечательных этнографов, очеркистов. Эти традиции необходимо возродить.

«Мы – один мир» – это также и опросы этнографов, социологов и других специалистов о современной национальной политике России, это дискуссия о художественном переводе и конкурс «Расскажу о своём народе»...

Два слова об этом конкурсе. «Литературная Россия» предлагает писателям, журналистам, учёным и всем своим читателям написать рассказ, очерк или другой материал о своём народе. Так на страницы газеты попадают стихи, зарисовки, репортажи, благодаря которым читающая Россия узнаёт, какие народы населяют нашу страну, какая у них интересная история и чем эти народы живут в настоящий момент.

Следите за рубрикой «Мы – один мир» в каждом свежем номере газеты «Литературная Россия».

Уважаемые друзья!

На наши издания вы можете подписаться в редакции, воспользовавшись редакционной подпиской, а также на почте или в интернете (онлайн подписка).
Журнал «МИР СЕВЕРА»:

Периодичность выхода – 6 номеров в год; раз в два месяца.

Минимальный срок подписки – два месяца (на один журнал);

в КАТАЛОГЕ «Роспечати»: Индекс – 47303.

Газета «ЛИТЕРАТУРНАЯ РОССИЯ»:

Периодичность выхода – 46 номеров в год; 23 – в полугодие; Минимальный срок подписки – на 1 месяц (количество выходов газеты за полугодие отличается по месяцам);

в КАТАЛОГЕ «Роспечати»: Индекс – 50232; в «КАТАЛОГЕ ПОЧТЫ РОССИИ»: Индекс – П3293;

в «КАТАЛОГЕ РОССИЙСКОЙ ПРЕССЫ» («МАП»): Индекс – 60584;

По вопросам редакционной подписки, а также приобретению предыдущих номеров журнала и газеты обращайтесь по телефонам: 8 (495) 694-23-24, 8 (495) 694-03-65, Факс: 8 (495) 694-50-10; или на E-mail: litrossia@litrossia.ru